

Мы представляем Вашему вниманию перепечатку книги томского краеведа Адрианова А.В. , которая сделана по изданию « А.В. Адрианов. Томск, 1912, Типо-литография Сибирского товарищества Печатного дела, угол Дворянской ул. и Ямского переулка, собственный дом». Книга предоставлена отделом редких книг Томской областной библиотеки им. А.С. Пушкина.

В перепечатке сохранена пунктуация издания 1912 года.

А.В. Адрианов. Томская Старина.

Оттиск из книги «Город Томск»

Предисловие.

Милая старина! Незлобивая, мягкая, обвеянная теплом и ласковым светом, она задевает в душе человека самые нежные струны, она занимает в сердце самый укромный уголок, где все так тихо, мирно, безоблачно...

Она будит воспоминания о былом, бесстрастная, правдивая, но освобожденная от всей остроты горечи настоящего; она встает неясным обликом из тумана прошлого, воскрешает забытое, заставляет напрягать память и дает человеку ряд сладких переживаний, унося его в мир особых настроений. Вот почему к слову «старина» не подобрать лучшего эпитета! Она исключительный поставщик материала для достоверной всемирной истории человечества. Ту же роль она играет в жизни любого города, в хронике семьи, в жизни отдельного человека.

Какое бы ни было уродливое явление современной ему жизни, какой бы ни был сам по себе незначительный в его современности факт, он, обточенный Временем, становясь достоянием Старины, теряет все свои острые углы, грани и шероховатости, и утрачивает способность больно задевать человеческие струны, при воспоминании о нем; он становится заметным, приобретает особое значение, часто очень большое, значение факта, способного осветить эпоху, приобретает особый смысл, вносит в историю, так сказать, свой аромат.

И чем больше отстоит этот человек или явление, тем он интересней, значительней, милей сердцу, тем облик его мягче. Исчезая в дымке веков и рисуясь оттуда неясным силуэтом или туманным пятном, этот факт или явление

возбуждает любознательность и требует разъяснения его, восстановления, спасения от забвения.

Люди старых культурных стран усердно и постоянно работают над этим. Их трудами и усилиями спасены целые главы всемирной истории. Мы, молодая сравнительно нация в ряду других, еще не научились беречь свою старину и собранный нами в этом отношении материал отличается не Бог знает какую древностью, и сплошь и рядом чередуется с пробелами.

Настоящая статья является небольшой попыткой восстановить некоторые отрывочные факты из жизни Томска, частью забытые, частью близкие к полному забвению.

Томск – сердце Сибири, один из старых ее городов, который насчитывает 308 лет. По возрасту он уступает место очень не многим городам и всего на несколько лет, наприм., первого сибирского города, Тюмени, основанного в 1586 году, Томск моложе всего на 18 лет.

Мудрено ли, что здесь есть своя Старина, полная значения и интереса, достойная ее запечатления.

Предложение редакции настоящей книги «Город Томск» принять участие в ней, сделанное мне в половине февраля, когда уже и самый выход книги в свет, застало меня врасплох, по возвращении из продолжительной отлучки из Томска. На выручку пришел Гр. Н. Потанин, указавший редакции тему для меня и пообещавший порыться в своей памяти, в своих богатых воспоминаниях. Мои колебания были сломлены и я взялся за перо.

Оправдание к выступлению перед читателем со столь небольшим и отрывочным, не подобранным материалом я вижу в том, что помимо сохранения кое-каких штрихов из жизни Томска, я смогу дать толчок к собиранию подобного материала другими, к пополнению и накоплению его, к привлечению внимания к предметам, которые многими почитались, может быть, не стоящими такого внимания.

Количество приводимого мной материала можно бы, без сомнения, удвоить и утроить; для этого нужно бы перебрать забытую уже литературу о Сибири, перезнакомиться и побеседовать со старожилами Томска, с их записями и дневниками, порыться в местных архивах и т.п., но для всего этого в моем распоряжении уже не было времени.

С этой оговоркой приступаю я к быльем поросшей Томской Старине, к рассказу о былом значении тех или других частей города и расшифровке их названий, к рассказу о лицах, чем либо замечательных и о фактах и эпизодах из их жизни и деятельности.

ГОРОДОК

Так теперь называется местность в ближайших окрестностях Томска, против устья р. Ушайки, на левом берегу реки Томи, на высокой террасе, где расположены дачи.

Название «городок», как и синонимное ему «городище» указывает, что на этом месте находилось древнее укрепление, бывший город, селение. Как в Сибири, так и в России, и вообще в славянских землях множество памятников этого рода. Достаточно указать, что по данным только Д.Я. Самоквасова, и только для России насчитано «городков» до полутора тысяч. Там можно насчитать десятка два губерний, в которых находятся современные города и селения с названиями «городка» или «городища». Они всегда располагались на возвышенном берегу или мысу реки, пользуясь с 2-3 сторон естественной защитой берегового яра реки, оврага и лишь с 1-2 задних сторон устраивалась искусственная защита в виде вала и рва.

Таков и наш Томский «Городок». Так как места для городков выбирались всегда красивые, «обзористые», сухие и удобные, то, естественно, что человек облюбовывал их в разные эпохи, удаленные одна от другой, и селился, не подозревая, что это место насижено. Раскопка городища может обнаружить эту смену эпох и насельников по остаткам, какие здесь погребены.

Серьезных исследований нашего городка не производилось и потому ничего нельзя сказать о его древности. Но его называют иногда «Тояновым Городком», по имени того татарского князька Тояна, который в 1604 году просил царя Бориса Федоровича принять его с народом в свое подданство, а для защиты от беспокойных соседей построить крепостцу, «острог, как называли в старину ограду из тына или острых кольев, с башнями по углам. По рассказам, Тоян жил в «городке» зимой, переезжая на летовку в низину, где теперь находятся Эуштинские юрты.

Вдоль берегового яра, где находится городище, тянется озерко, образовавшееся, вероятно, из отмершей протоки Томи, и известное у нас под названием «Нестоянова озера». Несомненно, это – испорченное русской перефразировкой название, удержавшее в своем корне татарское имя старого хозяина нашей земли, князца Тояна.

Память о нем и следует положить во главу угла возводимого нами здания под именем «Томской Старины».

Приглашаю всех любящих свой край и знающих его носить кирпичи, бревна и известь и помогать в постройке.

СТЕПАНОВКА

Под этим названием известно дачное место в 4 верстах от Томска, расположенное на горке по левому берегу р. Ушайки.

Местность эта была приобретена Сосулиным, Степаном Егоровичем, богатым откупщиком-винооторговцем в Томске. На откупках и винторговле он нажил миллионное состояние и, как «широкая натура», которыми так богата Русь начал тратить деньги на широкую, открытую жизнь и различные затеи. В числе последних было устройство особого уголка на указанном участке. К этому делу Сосулин привлек жившего в то время декабриста, инженера Г.С. Батенькова, который затем составил план и руководил постройками. Прежде всего был выстроен барский дачный дом, с террасой в сад, к Ушайке и с множеством надворных построек. Одна из самых больших комнат, предназначенная для гостей, для танцевальных вечеров и музыкантов, и была приспособлена для этой цели. Чтобы не было холодно ногам, под полом этой печи были установлены и проведены от них в подпольном помещении трубы. Здесь же был возведен целый ряд построек для заводов: мыловаренного, свечного и кожевенного и помещения для рабочих, которых по словам И.Л. Фуксмана, сосредоточилось здесь до тысячи человек. Затем построена была деревянная церковь, устроены оранжереи с фруктовыми деревьями, грот, горы для катанья.

Жизнь, было такое время, кипела здесь. На заводах шла работа, в которой участвовала масса людей, а в хозяйском доме шло шумное веселье массы наезжавших из города гостей, пользовавшихся широким

гостеприимством ничего не жалевших хозяев. Для удобства гостей от этой дачи и до Сосулинского дома в городе (где теперь Ремесленное училище, против Почтовой конторы), весь путь освещался по вечерам развешанными фонариками.

Этот уголок и получил название Степановки, по имени хозяина.

Родственница Сосулина Отопкова, принадлежавшая к семье Томских золотопромышленников того времени, не пожелала жить у Сосулиных среди непрерывного шума и развлечений и потребовала, чтобы ей было выстроено отдельное помещение. Желание ее было исполнено. Г.С. Батеньков выстроил ей хорошенький особняк близ Степановки, под горой, вправо от подъема в Сосулинское поместье и, по своему обычаю, окрестил его, прильнувшем к нему названием, «Тетушкин Каприз».

Здесь будет кстати рассказать и о смежном с горой участке по берегу Ушайки, принадлежавшем также Сосулину.

Этот участок в количестве 55 десятин, Сосулин подарил Г.С. Батенькову, которому прежде всего возвел тут наскоро какую-то оригинальную постройку из плах с набитою между ними соломой, отчего и произошло название «Соломенного хутора». И.Л. Фуксман сообщает еще название «Биссердзинь», которое, будто бы, Батеньков дал этому участку, что оно обозначает, я не знаю (может быть, Bisse, Bisschen?), только оно нигде не удержалось и нигде больше, например в переписке Батенькова не встречается. Затем Батеньков соорудил помещение и для кур, назвав его «Куро-петуховский замок». Сюда-то Ник. Лучшев и перенес из города свой старый дом, состоявший из 5 небольших комнат, в которых жил Г.С. Батеньков и управлял хозяйством хутора. Здесь Лучшев, в компании с Сосулиным, выстроил винокуренный завод, названный Гаврило-Степановским (соединение имен Батенькова и Сосулина). Впоследствии весь этот участок перешел во владение Ник. Лучшева, а затем его вдовы Анны Михайловны. Лучшева сначала отдала в аренду Фуксману винокуренный завод, а затем продала из этого участка ему 15 десятин, вместе с постройками, и первые годы и сама жила у Фуксмана в Батеньковском доме. Последний был расширен новым владельцем пристройками к нему. Из остальных сорока десятин участка Лучшева продала затем Фуксману лес на сруб, а затем продала и сам участок. Во время пожара, бывшего здесь, сгорел

винокуренный завод и Батеньковский дом. На месте последнего ФУксман выстроил существующий и поныне двухэтажный дом, а вместо сгоревшего винокуренного завода купил у Сосулина выстроенный им новый завод. Прокурил он на нем только одну зиму - большой весенней водой была разрушена плотина, а сам завод смыт. Существующий и теперь Григорьевский завод стоит уже на новом месте, ниже по течению р. Ушайки.

Память Г.С. Батенькова здесь не совсем стерта. Здесь оберегаются три ели и две сосны, посаженных Батеньковым, а также сохраняется и сад и кое-какие насаждения от того времени, когда здесь хозяйничал Г.С. Батеньков.

ТОМСКИЙ ГОРОД И ОСТРОГ

Может быть, это и скучно, но мне хотелось бы увести читателя в самую глубь нашей страны, к моменту постройки «города» и «острога» в 1604 г., импровизированному художником М.М. Щегловым на обложке настоящей книги.

Просьба князька Тояна о постройке города в его владениях была оценена по достоинству Московским правительством. Приехавший в Москву Тоян подал челобитную об этом 25 марта, а уже летом того же 1604 г. постройка города была закончена. Дело было чрезвычайной важности, и потому с ним торопились. Одних «кодских» остяков¹, под командованием Онжи Алачева, было привлечено к постройке 100 человек. За эту услугу «славной остяцкой фамилии Алачевых», как гласит грамота царя и великого князя Василия Ивановича («лета 7114 июля в 12 день») «Мы Юнжю Юрова пожаловали в Котцокой земле княженьем»; ему отдали во владение несколько волостей, предоставив собирать с них ясак в свою пользу, причем велено было возратить отобранного в казну у брата Онжи Игичея, после его смерти идола («который был по их вере Палтыш болван, велели ему отдати»). Вот как бережно относилось Московское правительство к инородцам и как ценило их услуги!

«Знатной вышины пригорок», на котором возник новый город, Томтура, как его называли туземцы, это – мыс Воскресенской горы, господствующий над

¹ Вероятно, это были не остяки, а самоеды. В грамоте названы волости, отданные Он же Юрьеву в княжение – «Аспуколок до Кулпуколок»; это слова самоедские (пугол – селение, кул – рыба). (Здесь и далее примечания автора).

городом со стороны Обруба. Вместе с историком Миллером мы можем воскликнуть – «и по долговременном искании лучшего и способнейшего места в тамошней стране найти не можно бы было».

Самый город представлял небольшой прямоугольник, в 20 и 14 саж. Ширины и 32 саж. длины (т.е. 98 саж. окружностью), с 3 башнями, - 1 «глухой» и 2 «воротными». Башни имели высоту от 2-х с небольшим до 3-х саж. В «городе» находились: съезжая изба в 3 саж. длины и воеводские хоромы в 6-7 саж.; эти здания были обращены своими задними сторонами наружу, составляя городовое укрепление. Высота ограды равнялась одной сажени. В городе же находилась деревянная церковь, во имя Живоначальной Троицы, с двумя приделами во имя Федора Стратилата и Бориса и Глеба (в честь царя Бориса и сына его Федора).

После обнесения оградой, в городе были устроены «государевы погребца и житницы» т.е. зелейный, хлебный и для хранения собранной пушнины.

Непосредственно к «городу» примыкал «острог», имевший в одну сторону 67 , в другую 97, а в третью 238 саж. Острог имел три башни с воротами, одну башню на столбах с воротами под нею и ворота без башни.

Конечно, это был небольшой, слабо укрепленный острожек, защищаемый больше своим положением на высокой и крутой горе, чем своими приспособлениями. В первое время город расширялся по Воскресенской горе, причем обывательские дворы огораживались стоячим тыном, а уж потом , в первой четверти XVIII века, он стал застраиваться в подгорной части к Томи. Таким образом, самые старые части города Томска будут Ефремовская улица, затем начальные части улиц Подгорной, Магистратской, Миллионной и Духовской.

Недавно вышла любопытная книжка², в которой приведена «роспись Томскому городу и острогу», относящаяся к 1627 г., т.е. ко времени спустя 22 года после постройки. Я думаю, что иной читатель не поскучает прочесть этот любопытный памятник и, зная хорошо местность, может быть, попробует графически изобразить, где именно все описанные постройки находились.

² Томск в XVII веке. Материалы для истории города со вступит. и заключительн.статьями П.М. Головачева и картой окрестностей Томска конца XVII века. Посмертное издание Вл. А. Горохова. СПб, 1912 г.

Т о м с к и й г о р о д .

«Стена городовая передняя к острогу, а посередине стены башня трех сажень печатных, под башней ворота из острога в город, вход ширина на воротах полторы сажени печатных, а вышина сажень, а на башне наряд, три пищали затинных, и в той передней стене от воротной башни к Ушайке реке до Наугольной башни три городни мерою пол-одиннадцати сажень. От разряду до Наугольной башни три городни мерою четыре сажени с локтем и всего в передней городской стене и в башне и в разряде в городнях двадцать сажень с полусаженью и с локтем печатным.

Стена другая городовая от болота от Наугольной башни от конца передней стены до бугров до Наугольной башни до Мельничной двадцать шесть городен мерою двадцать шесть городен мерою тридцать две сажени.

Стена городовая задняя от Мельничной до бугра, в стене башня полтрети сажени с локтем, под башнею ворота, ширина воротам сажень печатная, вышина сажень без локтя, по сторонам башни вместо городской стены заставлено острогом же две сажени печатных с локтем и всего в задней стене от Мельничной до бугра в башне и стене, что острогом заставлено, мерою шестисаженная, а на задней бугровой башне пищаль медная гладкая с ядром фунтовым без чети, к ней железных ядер по кружалу 151 ядро да к ней двести двадцать ядер свинцовых.

Стена городовая четвертая от Ушайки реки, от бугров до мельничного бугра от угла до воеводских хором пятнадцать городен мерою пятнадцать сажень, а в воеводские хоромы и горницы с сеньми пол-одиннадцать сажень, а хоромы, горницы и сени позаставлены вместо городской стены, а от воеводских хором башня наугольная две сажени с локтем и всего в городской стене от Ушайки реки в городнях и с башнями и воеводскими хоромами две сажени два аршина.

И всего в городе мерою в четырех стенах девяносто восемь сажень с аршином, а вышина городу по обломки сажень печатная»...

О с т р о г .

«Стена острожная передняя от Киргизской до проходу, а мерою в передней до острожной стены шестьдесят семь сажень без локтя. Под башнею ворота, ширина воротам полуторы сажени, а вышина воротам сажень. А на башне наряд в прошлом 134 г. августа 28 по государеве царе и великого князя Михаила Федоровича всея России грамотою за приписью дьяка Ивана Болотникова прислана с Москвы в Томский город с томским сыном боярским с Борисом Карташовым с товарищи пищаль полуторная медная ядром в четыре гривенки, а в ней в теле весу тридцать шесть пудов девять гривенок, да к ней по кружалу ядер железных пятьдесят, да пищаль медная гладкая старая. В Томском городе ядро фунт без чети, а к ней ядер железных по кружалу сто пятьдесят одно ядро, да к ней же двести двадцать ядер свинцовых. Да на той же башне пищаль железная скорострельная, а к ней ядер железных по кружалу сто пятьдесят пять ядер.

Стена другая острожная от Томи реки, от передней стены от угла до ввозной бугровой башни, 88 сажень без локтя и башня на четырех столбах. Под башнею в остроге ворота, ширина воротам полуторы сажени, вышина сажень. От бугровой от ввозной башни до бугровой острожной башни сто шестьдесят девять сажень без локтя, а бугровая башня трех сажень без локтя, а под башней ворота, ширина с локтем. Вышина сажень. На башне наряд – пищаль железная, чешуйчатая, с ядром фунт без чети по кружалу. К ней ядер железных 155 ядер. Пищаль железная, что делана в Томском городе в новом железе, ядро фунт без чети, а к ней ядер железных по кружалу 155 ядер; да на той башне пищаль затинная медная. И от той бугровой башни до города до передней стены до наугольной башни 35 сажень с полусаженью. И всего в остроге от Томи реки 297 сажень.

Стена третья острожная от наугольной башни от угла передней стены до большой башни 167 сажень без локтя. Большая башня на четырех столбах. На башне наряд: пищаль затинная медная, под башней ворота, ширина и вышина воротам по сажени. От большой башни до малых острожных ворот 68 сажень, ворота в ширину сажень. От ворот до городской передней стены до Наугольной башни сажень. И всего в третьей острожной стене от болота от передней от угловой до городской передней стены 238 сажень. А всего в остроге в трех стенах мерою 604 сажени 2 аршина.

Во время пожара в 1643 году город сгорел. На его месте был выстроен новый, который по описанию Фалька³, бывшего здесь в 1772 году, представлял крепость, обведенную деревянной стеной с 6 башнями и имевшую поперечник до 50 сажень. В крепости находилась каменная соборная церковь, магазин для ясака, канцелярия, хлебные и соляные магазины. От всего этого теперь не осталось и следов.

Части города.

Кое-какие следы от этой старины все-таки сохранились, в виде названий значение которых нынешнему жителю Томска едва ли понятно. Крутой склон мыса Воскресенской горы, где были построены город и острог, со стороны Ушайки был одет деревянным срубом в целях укрепления. В фортификационной технике прежнего времени такое сооружение называлось «обрубом». Отсюда и пошло существующее название береговой улицы по реке Ушайке – О б р у б.

При основании Томска небольшое его население ютилось на концевой части Воскресенской горы. Окрестности же острожка были населены татарами, жившими в юртах. Жили они за рекой Ушайкой на соседней горе, удержавшей от того времени свое название Ю р т о ч н о й г о р ы.

Происхождение названий для других частей города, кроме Уржатки, сведений о которых я не имею, относятся к позднему периоду жизни Томска. Выяснить время появлений этих названий, а равно и основания для этого было бы любопытно. Отмечу пока кратко лишь то, что знаю.

М у х и н б у г о р обязан своим названием разбойнику Мухину, который жил там, где впоследствии был построен пивоваренный завод Зеленецкого.

По правой стороне Ушайки, где-то в районе Исаевской заимки и мельницы, местность носила название, теперь уже забытое, К а ч а л о в ы в о р о т а. По преданию название это было усвоено от фамилии Качалова, убийцы царевича Дмитрия в 1593 г., будто бы сосланного в последствии в Томск.

³ Фальк был командирован Академией Наук, во главе Оренбургской экспедиции, для исследования некоторых губерний в России и Сибири в 1768 – 1773 гг.

Часть Томска, расположенного по правому берегу реки, выше того места, где к Ушайке подходит конец Акимовской улицы на Болоте, в недавнее сравнительно время носил название «Т р е й б л ю т о в о й з а и м к и», название теперь уже забытое. Усвоено оно этой местностью было от имени поселившегося здесь отставного генерала Трейблюта, который в начале XIX стол. служил в одной из крепостей по Иртышской линии. По крайней мере фамилия Трейблюта встречается в архиве Акмолинского Областного правления в Омске, в самой древней столпушке, содержащей архив военно походной канцелярии генерала Киндермана. Состоя на службе в крепости, он писал своему начальству рапорты. Трейблют был дедом по матери знаменитого нашего ботаника, академика Карла Ивановича Максимовича.

О жизни его в Томске у меня нет сведений; известно только, что, живя в Томске, он состоял Мастером местной масонской ложи, собрания которой происходили у него же на заимке, о чем будет рассказано ниже.

Высокий бугор за вершиной так называемого Страшного рва, над Дальним Ключом, назывался Ш в е д с к о й Г о р о й . Предполагалось, что название этой горе было дано потому, что на вершине ее стали хоронить пленных шведов, сосланных в Томск при Петре. Гору эту жители Томска больше всего знают как Каштак⁴, которое указывает на производившуюся здесь тайную выкурку вина. Томские старожилы, а вместе с ними и Г. Н. Потанин, ходившие на эту гору полюбоваться открывшимся видом помнят, что здесь еще в половине 60-х годов находился памятник в виде чугунной плиты, с отлитой надписью похороненного тут Томаса Томасовича Де- Вильнева. Фамилия эта встречается в столпушках Киндермановского архива. И. Л. Фуксман говорит, что этот Томас Томасович был комендантом Томска и умер, объевшись черемухи.

Я разыскал эту плиту. Она уложена у входной площадки в костел, между каменными плитами, пред первой ступенькой, со стороны дома для причта. Она перенесена сюда по распоряжению ксендза Громадзкого и спасена им от уничтожения, т.к. неоднократно была уносима с единственной на Каштаке могилы практичными обывателями, в качестве шестка для русской печи. Плита эта – чугунная, около 1 ½ арш. длиною и 18 шириною. В верхней части

⁴ Каштаком называется примитивно устроенный заводик для тайного производства винокурения.

изображен треугольник в круге с густо идущими от него лучами, а в нижней части изображен череп с двумя лежащими под ним накрест костями. Между этими фигурами заключена следующая 12 строчная надпись (сохраню ее орфографию): “ Во имя отца и сына и святого духа аминь. На месте сем погребено тело французской нации Урожденца провинции прованс римско-католического закона полковника областного города Томска коменданта и ордена святого и равноапостольного князя Владимира кавалера Томаса томасова сына девилленева, который родился 1715 декабря 21 д. окончил жизнь 1794 года августа, в 2 день в среду”.

Кстати укажу здесь и на другую чугунную плиту, симметрично с первой заложенную по другую сторону площадки, со стороны входа в костел. Эта плита также увезена Громадским с Соляной площади, где прежде находилось католическое кладбище, а теперь стоят здания Окружного Суда, Коммерческого Училища и Дома Науки.

В верхней части плиты изображен шестиконечный крест, в нижней – два каких-то предмета, положенных накрест. Между ними заключена 7 строчная надпись по-польски:

S poczwaia zwloki pamieci Zigmunta Zenovicha Urod. Sie w litwe 1742 Umart 13 january 1830 r. Syn 'оусовi. То есть – покоится прах. Памяти Зигмунта Зеновича, родился в Литве 1742 г., умер 13 января 1830 г. Сын отцу (т.е. памятник поставил).

Название М и л л и о н н о й у л и ц ы появилось в Томске около половины прошлого столетия. Так был назван собственно тот конец ее, где жили миллионеры Горохов, Асташев, Филимонов, Попов, Сосулин. Впоследствии все эти миллионеры сошли со сцены, разорившись и потеряв свое состояние. Улицу эту стали называть Почтамтской, по открытой здесь, против дома Сосулина, Почтовой конторе. Продолжение же этой улицы, за мостом через Ушайку, где в то время никаких миллионеров не жило, напротив до сих пор удержало название М и л л и о н н о й у л и ц ы.

КОСТЕЛ В ТОМСКЕ

Римско-католическая церковь в Томске представляет исторический памятник не по своей древности, а как по месту своего нахождения, так и по характеру сооружения ее общиной верующих.

Пока в Томске, как и вообще в Сибири, католиков было мало и они находились в среде служилого сословия по преимуществу, они довольствовались для своих религиозных потребностей наемным помещением в бывшем доме Оржельского и Гиревича на Духовской улице (он куплен ими у какого-то золотопромышленника и продан купцу Щекину; теперь принадлежит Рукавишникову).

С тридцатых годов, когда после польских восстаний, Сибирь вообще, а Томск в частности наводняется ссыльными поляками, потребность иметь свою церковь становится острой. Ссыльные поляки, в среде которых было много ремесленников, выражают желание – сами, своими руками построить костел, в виде хотя бы небольшого, но кирпичного здания. В этом желании они встречают свою поддержку со стороны своего курата, ксендза Ремигия Апонасевича.

Так как строители были люди необеспеченные, нуждавшиеся для прокормления своих семей в постороннем заработке, то они могли отдавать постройке костела, выделке для него кирпича, заготовке леса и т.п. лишь свои досуги, свободное от посторонней работы время, что отдалило бы окончание постройки и исполнение желания верующих на неопределенное время.. Тогда решено было это общее для всех дело так: ксендз Апонасевич заводит двух или трех лошадей с экипажами и объезжает свой обширный приход, тянувшийся чуть ли не до Омска, как для исполнения треб, так попутно и для сбора пожертвований на храм. Он собирал хлеб, яйца, масло, трубы холста и домотканых материй, разные съестные припасы, кто что даст, все это свозил в Томск и снабжал съестными припасами семьи строителей, обращая вещевые пожертвования, путем продажи, в деньги, а затем Апонасевич снова отправлялся в объезд по своему приходу. Жертвователями на церковь были не только католики, а и православные, простые крестьяне также участвовали в этом божьем деле. При таких условиях силы работников могли быть сосредоточены на построении костела, которое велось безостановочно.

Кажется, еще в 1819 году Томской Римско-католической церкви были отведены участки земли в конце Воскресенской горы и затем в нескольких верстах от города, в районе Семилужной волости, по правой стороне речки Киргизки за архиерейской дачей., где теперь находится так называемая Ксендзовская заимка. По распоряжению министра внутренних дел, здесь в 1819 году было отведено церкви более 245 десятин удобной и неудобной земли, где впоследствии было выстроено 4 жилых домика со службами при них.. Что же касается городского участка костельной земли, то здесь числилось 720 кв. саж. под огородами, 64 кв. сажени по Ефремовской улице, 13 саж. по площади и 737 кв. саж. под горою. Часть этой земли, как на горе, так и под горою, была захвачена под постройки Пономаревым, Карташевым и Картамышевым и некоторыми уже укреплена за собою на правах давности владения, своевременно не оспаривавшегося, а иными оспаривается до сих пор в судебных инстанциях.

Местом для постройки костела был избран красивейший уголок в Томске, с которого открывался чудный вид на город и его ближайшие окрестности. Уголок этот составлял часть древнейшего Томска, а именно, где в 1604 г. был возведен «Томский город» и «острога». По рассказам, для которых, впрочем, у меня нет никаких документальных подтверждений, костел возведен на том самом месте, где находилась деревянная церковь во имя Живоначальной Троицы, построенная в том же 1604 году, первая здесь церковь, потом сгоревшая.

Как гласит «визита Томской римско-католической приходской церкви», составленная 10 октября 1844 года и хранящаяся в архиве костела: «каменный костел по итальянскому фасаду, с фронтона с фацитою опертую на четырех колоннах, построен в 1833 году бывшим тогда куратом в Томске Бернадынского ордена ксендзом Ремигием Апонасевичем из доброхотных жертв. Освящен сим же ксендзом Апонасевичем того же 1833 года, 1-й день октября под титлом Пресвятой Богородицы Покровской». Уже кратковременность постройки указывает, что она была очень не велика.

Кто составлял план здания костела, сведений у меня нет. Постройка произведена в итальянском стиле. Она представляла в то время прямоугольник, заканчивающимся в пресбиториуме, а с противоположной стороне папертью, опирающейся на 6 круглых кирпичных колонн. Здание имело следующие

размеры: длина – 25 аршин, ширина – 14 аршин 6 вершков и высота – 17 аршин, со включением глухого купола с деревянным крестом обтянутым жостью..

Такие же кресты были установлены над алтарем и на фронтоне. По обе стороны паперти было отделено по комнате – справа жилая для сторожа, слева с лестницей на хоры. Снаружи и внутри стены были оштукатурены и выбелены. Все полы, крыша и покрытие на куполе были деревянные; в 1812 году крыша на куполе заменена железною, а на всем костеле в 1846 году, а в 1880 году и деревянные кресты были заменены железными с вызолоченными шариками. В 1843 году настланы новые деревянные полы. Такою же простотой отличалась вся обстановка церкви. В передней части были устроены три алтаря, т.е. три простых стола – средний побольше и два боковых малых. На большом столе стоял простой деревянный покрашенный цибориум (дарохранительница), а на стена висели два образа – Богородицы и ниже – Снятие со креста; по бокам, чтобы закрыть голые стены, были повешены два зеркала. С правой стороны большого алтаря было отделено помещение для кладовой, а с левой – для ризницы, с одним окном в каждом. Перед правым алтарем на стене находились три иконы в простых крашенных рамах – Св. Иан и Мария Магдалина по обе стороны серебряного распятия, Св. Николай Чудотворец и Св. Антоний Падевский; перед левым алтарем, в таких же рамах висели также три иконы – Спасителя в терновом венце (алебастровый), Пресв. Богородицы Рожанцовой и Св. Доминика. По середине костела стояли две пары простых скамеек в два ряда, с 6 прикрепленными возле них хоругвями, а с левой стороны простой крашенный амвон.

В 1863 году пристроено с левой стороны каменное отделение для ризницы, в 1880 году все три алтаря заменены новыми, в 1883 году сооружен новый вызолоченный цибориум и 10 новых скамеек дубовых, а в 1885 г. сооружен новый барьер из резного дуба, отделяющий пресбиториум от церкви.

В восьмидесятых годах хорошо известный в Сибири А.И. Деспот-Зенович, бывший в то время членом Совета министров внутренних дел исхлопотал пособие в 6-7 тысяч рублей на расширение костела. Это ассигнование вместе с новыми собранными пожертвованиями католиков в Томской губернии, и дало возможность сделать необходимые пристройки и дать костелу тот вид, какой он имеет теперь. В пристройке деятельное участие принимал граж. Инженер Шрайер. С течением времени костел обогащался

приношениями своих прихожан, заводивших мебель, утварь, облачения, иконы, книги и проч.; первый орган приобретен был в 1862 г. Самым усердным и преданным устройтелем костела, не жалевшим и собственных средств, был ксендз Громадский.

Пересматривая инвентарь костела (по архивным записям), я не нашел в нем чего-либо замечательного по своей древности. Самой старой вещью, находящейся в составе походной церкви, является серебряная чаша с дискосом, с клеймом о. о. кармелитов в Вильневе 1742 года, и серебряный подносик с кувшинчиком, (ampullae для вина и воды) 1792 года, а затем два серебряных кувшина (ampulki) с таким же подносиком и надписью “ Ofiar. Anny Czerniak. 1838 ”.

Что костел был очень беден, об этом свидетельствует не только его инвентарь, а и описание “капитала” по отчету 1844 г. Там записано: “денег церковных наличных имеется 115 р. 73 к., на поселенцу в долг по завещанию Иосифа Борукевича 100 р., итого 215 р. 73 к.» Не лучше обстояло дело и к 1-му января 1848 г. «1847 год с состоявшими в остатке от расходу с 1846 года было 494 р. 72 ½ к. Из оных на починку риз, переставление печей, поправление церковной ограды, переложение опасной в доме стены и прочия надобности по церкви расходувано 556 р. 1 ½ коп., а потому церковь и состоит подрядчику должна за материалы 61 руб. 29 к.».

В 1836 году, на пожертвования прихожан, а главным образом, А.Ф. Поклевскаго-Козелл, был выстроен полукаменный двухэтажный дом для причта со всеми надворными постройками.

В 1837 году на пожертвования прихожан, между домом и костелом выстроена деревянная на столбах колокольня, обшитая тесом с дверью, запирающеюся на замок. На колокольне висели 2 колокола в 8 ½ и 9 ½ пудов. Вместо этой, уже обветшавшей колокольни, в 1856 году была выстроена новая, очень красивая, колокольня, из кирпича, со стороны подхода к костелу по взвозу. Колокольня устроена в виде ворот, с 3 колоколами над ними (третий колокол в 2 пуда). Говорят, что план этой колокольни составлен 12 июня 1856 года Г.С. Батеньковым, что не представляет ничего невероятного, так как Батеньков покинул Томск, как отмечено ниже, в октябре 1856 года.

Высочайшим повелением еще в декабре 1806 года утверждено пребывание римско-католического священника в Томске. Первым куратором, т. е.

настоятелем Томского прихода Могилевской епархии был назначен с 1807 года Маркелл Каминский, суперитор иезуитского ордена. В 1820 году его заместил ксендз того же ордена Теодор Валюжинич, а с 1821 года – ксендз Бернадинского ордена Яков Юревич. В 1825 году куратом был назначен вышеназванный Апонасевич, с 1835 по 1862 год – ксендз Доминиканского ордена Иероним Гринчел, в 1862 году – почетный могилевский каноник Иосиф Энгельгардт, в 1867 году – магистр богословия Устин Захаревич из Виленской епархии. Вице-куратом при нем состоял переведенный из Омска ксендз Валериан Громадский, почетный каноник Олынской коллегияты из Луцко-Житомирской епархии, который в 1883 году, когда Захаревича перевели в Петербург, вступил в должность курата и исполнял ее до 1898 года, пока не уехал в Житомир. После него обязанность курата временно исполнял ксендз Скибневский, пока не приехал в 1900 году нынешний курат, магистр богословия ксендз Демикис.

Перед куратом стоит весьма серьезная задача, требующая безотлагательного разрешения. Существующий костел давно уже перестал удовлетворять религиозные потребности католиков. В Томске, не считая уездного населения, католиков насчитывается 4000 человек; в костел же может поместиться, при условии нестерпимой духоты и тесноты, едва 600–700 человек. При проезде через Томск викарного епископа Ципляка был разрешен вопрос о постройке второго костела в Томске, проект которого утвержден министерством внутренних дел. Был тогда же избран, под председательством курата, комитет, на обязанность которого возложено собирание средств, составление плана постройки и т.п., но, по-видимому, ни курат, ни комитет и не думают об исполнении порученного им дела.

ТОМИЧИ.

(Аленичи, муксунники, бакланы).

Нечего греха таить, старая слава о томичах не очень высокой пробы. И началась она, можно сказать, с самого основания Томска, с легкой руки правителей, ограбивших супругу князька Немчи, намеревавшегося принять подданство. Не устояли они перед собольей шубой татарской княгини, ободрали ее. Насилие и самоуправство служилых людей по отношению к инородцам

вошло в систему – они их облагали двойным ясаком, грабили пушнину, подвергали пыткам, насиловали женщин, обращали инородцев в рабство. Простые обыватели тоже не отставали от своего начальства и дружно удобряли почву, на которой воспитывались нравы.

Заехавший в Томск 165 лет спустя, в 1770 году, Паллас, застал эти нравы а полном цвету. «Ни единого места не видал я , говорит он, в котором бы пьянство было толь обще и толь бы высокой степени, как в Томске; еще к тому два господствующие и между собой свойственные пороки суть блудодеяние и французская болезнь».

Годом позднее в Томске прожил несколько месяцев другой путешественник - Фальк. Поражаясь частым пожарам, он говорит: «Причиною этому по, большей части, распутная жизнь обывателей и хотя полиция берет с хозяина дома, где случился пожар, 10 рублей штрафа, но нравов не исправляет». Полиция нравов не исправлет! Да когда же наша полиция в этом грехе была повинна?..

Еще раньше этого, в 1741 году прожил несколько месяцев в Томске ученый путешественник Гмелин. Он на самом себе испытал каковы Томичи. В течение 1741 года было шесть пожаров. На некоторых он был и убедился, что «состояние противопожарных мер самое плохое. Однажды весь дом был объят пламенем и однако же его не ломали, потому что все багры, лежавшие на открытом воздухе, так обледенели и смерзлись, что большая толпа народа ничего не могла сделать, чтобы отодрать их один от другого; спустя несколько недель произошел новый пожар и с баграми повторилась та же история... Возмутительно, что как на этот раз, так и прежде, пожары происходили от кормчества; виновных однако же не преследуют и не наказывают». Во время одного из пожаров Гмелин пострадал и сам – сгорел дом, где он жил (где теперь дом Ненашева, угловой). При вывозке имущества, при участии солдат, оказалось, что у него много вещей украли, как из сеней и комнат, так и дорогой. « На другой день я отправился посмотреть пепелище, заглянуть в погреб, и там нашел только объеденные кости от моих окороков и разного копченого мяса.⁵

⁵ Joh.Georg/Gmelin. Reise durh Sibirien. B. IV, S. 3-10.

Итак, пьянство, разврат, беспечность и воровство отмечены достоверными свидетелями, как отличительные черты томичей. В присловьях самого народа томичи старого времени рисуются мягкими чертами, выставляются в смешном виде. На этот счет учителем Томской гимназии Д. Л. Кузнецовым записан такой рассказ.⁶

В 18 столетии, когда Томском правили еще коменданты и когда один из них, вновь определенный на должность, приехал в город, жители рассудили послать к нему от себя представителей и поздравить с благополучным прибытием.

- Челом бьем твоей чести, кормилец, - заговорили посланные, увидев коменданта.

- Здравствуйте отвечает он.- Вот я по царской милости прислан к Вам Комендантом... Ну, как же у Вас здесь дела-то ведутся?..

- Как, батюшка, ведутся. Известно как... Все, то есть, совершается у нас как быть должно; все теперича по страху божескому делается...

- Кто у вас здесь старше всех?

- Старше-то?.. А вот Корнил Корнилович, что за Ушайкой живет; ему, почитай, лет сто будет.

- Да я не о том спрашиваю; кого вы слушаетесь-то?

- А, слушаем-то кого,.. а слушаем, батюшка, по праздникам Миканора Стахича, он хоша и слепой, а презнатно играет на скрипице.

- Эх, какие вы... мне надо знать, видите ли, кого вы боитесь?

- Ну, это бык поповский, кормилец. такой бодун, что страсть.

- Да вы меня просто не понимаете, любезные... Я спрашиваю, кто у вас выше всех?

- О, это Алена из-за озера. Она, подит-кось, с сажень будет ростом...

Комендант рассердился на эти не то глупые, не то уклончивые ответы, и прогнал представителей.

- Вон, Аленичи, вон пошли от меня!

Название муксунники произошло потому, что муксуны, поднимаясь каждую весну из Обской губы вверх по реке, не поворачивают в Иртыш, а идут

⁶ Д. Кузнецов. Сибирские народные присловья. «Томск. Губ. Вedom.», 1863 г., № 25.

к устьям реки Томи. На этом участке реки Оби, в пределах Нарымского края и Томского у., муксуны вылавливались в огромном количестве и составляли предмет обширной торговли на томском рынке, откуда томские рыбопромышленники отправляли муксуна целыми обозами в Красноярск, Енисейск и даже, кажется в Ирбит и Екатеринбург.

Бакланами, или бакланниками, жителей Томского района называли просто по массе водившихся по нижнему течению Томи водяных птиц – бакланов.

НЕВОЛЬНЫЕ ЖИТЕЛИ ТОМСКА

Княжна Е. А. Долгорукая – невеста Петра II.

Это не красивая легенда, а достоверный исторический факт! Обрученная невеста Императора Петра II, княжна Е.А. Долгорукая, пробыла в Томске более года в заточении в Рождественском девичьем монастыре. Для тех, кто этого факта не знает совсем, или позабыл его обстановку, стоит о нем рассказать⁷.

Юного Петра II окружали интриги его приближенных, боровшихся за власть. Алексей Долгорукий, став воспитателем Петра II и членом верховного тайного совета, добился ссылки в Березов могущественного Меншикова, готовившего свою дочь в замужество с Петром II, и сам сблизил свою дочь Екатерину с юным императором, развлекая его охотами в своем имении. 18 ноября 1829 г. 17-летняя княжна Екатерина Алексеевна Долгорукая была помолвлена с 14-летним Петром II, а уже 30 ноября состоялось в Лефортовском дворце в Москве обручение, после чего княжну повелено везде титуловать и при богослужении ее высочеством государыней – невестой.

⁷ А. Сулоцкий. Княжна Екатерина Долгорукая в ссылке в Березове и в монастыре в Томске. «Русский Вест.», 1880., № 7.

Г. Потанин. Материалы для истории Сибири. «Чтения в Обществе Любителей истории и древностей российских» при Московском университете. Заметка о кн. Долгорукой основана на выписке из архивных дел Томского Алексеевского мужского монастыря, сделанной учителем Томской гимназии Дм. Львов. Кузнецовым. Статья Г. Потанина составлялась в Омской тюрьме, в общей камере, где содержалась компания сибирских сепаратистов, продолжавшая и здесь свои занятия литературой. По оплошности С.С. Шашкова, указание на Кузнецова, извлечшего из архива интересный материал, в статье Г. Потанина опущено, что я и хотел здесь отметить. *Авт.*

В ночь на 19 января 1830 г. Петр II умер. Долгорукие, Алексей и его сын Иван, когда Петр II находился в агонии, приготовили было к его подписи подложное завещание о назначении преемницей престола государыни невесты, но когда это не удалось, Алексей Долгорукий, как член Верховного тайного совета, пытался противодействовать избранию на царство Анны Иоановны, бывшей герцогини Курляндской. Это также не удалось. Долгорукие подверглись опале и всей семьей были сосланы в Березов, в тот самый острог, куда, по интригам Долгорукого, был заключен Меньшиков с детьми. Года через четыре Алексей Долгорукий и его жена умерли. Их дети прожили здесь еще около 4-ех лет; дочери занимались рукодельем, вышиваньем, живописью, оставив в Березовской церкви немало облачений и икон своей работы; братья, заведя дружбу с гарнизонными офицерами, духовенством и березовскими обывателями, вели рассеянную и разгульную жизнь. Раз во время попойки, один из приятелей, таможенный подъячий Тишин, увлеченный красотой государыни-невесты, высказал ей свои грубые желания. за что жестоко был избит офицером, которому княжна пожаловалась. Тогда Тишин написал губернатору донос на всю компанию с Долгорукими во главе, будто они дерзко отзывались об Анне Иоановне и ее фаворите Бироне. Наряжено было следствие, подтверждавшее донос. Началась расправа. 19 человек из березовских обывателей были наказаны кнутом и разосланы или отданы в солдаты, а один обезглавлен. Что касается Долгоруких, то Ивана, вследствие его признания в бреде о составлении подложного завещания, предали новому суду и колесовали под Новгородом, братьев его после урезания языков и сечения кнутом, сослали двоих в Камчатку, одного в Охотск, а трех сестер разослали по девичьим монастырям – Елену в Тюмень, Анну в Верхотурье, а Екатерину, “государыню- невесту” - в Томск.

Документ об этой последней, находящейся в архиве Алексеевского мужского монастыря, составленный на основании именного Ее Величества и определения архиерейской Кацелярии (впоследствии Тобольск. Духов. Консистерия) гласит: «...велено из вышеупомянутых девку Екатерину, когда она привезена будет в Томск, под караулом, то в Томском Рождественском монастыре постричь тебе, архимандриту Лаврентию, в монахини по обыкновению, при посланном за нею из сибирской губернской канцелярии караулом обер-офицере, и по пострижении содержать ее в оном девичьем монастыре, под накрепчайшим караулом и никуда ее из того монастыря не

выпускать, и чтобы никаких шалостей и непотребства от нее не происходило, пищей и одеждой содержать ее по обыкновению того монастыря, равномерно против прочих монахинь, безо всякой отмены. И чтобы оная Долгорукая дочь девка Екатерина в упомянутом монастыре содержана была после объявленного высочайшего именного е. и. в. указа непременно, велено по определению сей губернской канцелярии объявленному обер-офицеру в помянутом монастыре для караула оставить при оной Долгорукова дочери двух человек по указу. И архимандриту Лаврентию о вышеописанном объявленной Долгорукого дочери пострижении и о содержании ее под крепким надзором по силе указа, непременно чинить по сему е. и. в. указу и о том в архиерейскую канцелярию рапортовать секретно 1740 г. ноября 9 дня. Знаменского Тобольского монастыря архимандрит Геннадий. Тобольскому архиерейскому дому казначей иеродьякон Иоанн Павлуцкий».

Указ этот был получен в Томске 21 декабря 1740 г., а уже 24 декабря был послан на имя, митрополита Тобольского и сибирского Никона, рапорт об исполнении, о чем доносил «Вашего преосвященства раб-богомлец Моисей» так: «По силе выше писанного е. и. в. указу оная девка Екатерина в Томском Рождественском монастыре, в небытность архимандрита Лаврентия, мною, нижайшим богомольцем Вашим, иеромонахом Моисеем, пострижена в монахини декабря 22 числа 1740 г., при посланном за нею караулом обер-офицер Петр Егоров.

Местом пострижения княжны Екатерины Алексеевны Долгорукой послужил Рождественский девичий монастырь, построенный в 1661 г. Томским казачьим головой Зиновием Литосовым, на возвышении, занимаемом ныне Никольской церковью. Монастырь был очень бедный. В 1740 г. в составе его были: церковь во имя рождества Богородицы, ограда, 6 келий и больница; все деревянное и ветхое. При монастыре состоял один вдовый священник и семь старых, дряхлых монахинь. В такую обстановку попала княжна Долгорукая, с пострижением которой, точно чуя беду, так торопились, что в рапорте митрополиту о совершении обряда даже не сообщили, какое нарекли ей имя и как она отнеслась к насилию, что отвечала на установленные при постриге вопросы.

О жизни Долгорукой в монастыре записаны рассказы со слов старожиллов Томска. Келья, в которой она жила, представляла небольшую бревенчатую

избушку, вроде крестьянской бани, с голыми необтесанными стенами, с маленькими окнами. Мебель состояла из некрашеного, грубой работы, стола, лавок вдоль стен и 2-3-х стульев или скамейки, приставлявшейся к лавке, чтобы служить кроватью. В той же келье помещалась старуха-надзирательница, а нередко и караульный солдат. Содержание было скудное, оно состояло из подаваний, собираемых ходившими по домам старухами монахинями или приносимых сострадательными жителями Томска. Так питалась бывшая невеста императора Петра III!

Караул был строгий, не прекращавшийся ни днем, ни ночью; без постороннего лица княжне не дозволялось даже переменить белье. Иногда, в виде развлечения, Долгорукой позволялось взойти на монастырскую колокольню – полюбоваться открывшимся видом Томска.

С восшествием на престол, 25 ноября 1741 г., Елизаветы Петровны, повелено было возвратить из ссылки всех жертв злобы временщика Бирона. 29 декабря 1741 г. Тобольская Архиерейская канцелярия послала указ об этом Настоятелю Алексеевского монастыря архимандриту Лаврентию. Указ получен им 10 января 1742 г. (умели же в ту пору устанавливать быстрое сообщение!) и того же числа она сняла насильственно надетое на нее платье, пробыв в постриге 1 год и 20 дней. Все сестры вернулись в том же 1742 г. в Россию и получили свои фамильные права и родовые имения. Всего в ссылке в Сибири они провели 11 ½ лет.

Княжна Екатерина Алексеевна в 1745 г., уже 33-летней женщиной, вышла замуж за генерал-лейтенанта А. Бор. Брюса, но жила не долго. Во время поездки в Новгород – поклониться праху казненных брата и др. родственников, она простудилась, заболела и умерла.

Томский Рождественский монастырь продолжал оставаться местом ссылки и заточения до самого его закрытия в 1776 г. Сюда, например, в 1745 году было прислано «20 колодниц квакерской ереси». Ко времени закрытия монастыря 18 из них перемерли, а две продолжали влачить свое существование в жалкой келейке при приходской Никольской церкви.

СТАРЕЦ ФЕОДОР КУЗЬМИЧ

“Красивая легенда” – так характеризовал Л.Н. Толстой рассказы, циркулировавшие в народе о мнимой смерти императора Александра 1 и о его долгой жизни в Сибири, в образе старца Федора Кузьмича.

Л.Н. Толстой использовал этот материал, как художник, и не дальше как в февральской книжке “Русского Богатства” за текущий год, это посмертное произведение великого писателя земли русской должно было увидеть свет, но книжка конфискована и “красивой легенде” не суждено стать общим достоянием, по крайней мере, в ближайшее время.

Неожиданная смерть Императора Александра 1 породила самые нелепые толки и слухи, которые распространялись под сенью господствовавшей тогда полнейшей безгласности, благоприятствовавшей их развитию среди невежественных народных масс”, говорит Шильдер. Но эти рассказы заслуживают внимание историка, “как несомненное произведение народной фантазии, старавшейся по-своему объяснить события этой смутной эпохи”. С течением времени эти слухи и рассказы стали замирать и забываться, но во второй половине XIX столетия они вдруг ожили в Сибири, связанные с реальной личностью Федора Кузьмича.

Мне бы не хотелось разрушать этой “красивой легенды”, так как она живет в сердцах многих, как дорогое воспоминание еще живых современников старца, но я боюсь, что неумолимый закон прогресса, разливающееся в широких народных массах просвещение сделают свое дело и разрушат легенду.

Место, где она крепко держится и живет во всей ее свежести, это – Томск. Естественно поэтому отвести этой легенде место в “Томской Старине”, тем более, что я располагаю кое-каким материалом о старце Федоре Кузьмиче, никогда не использованным для печати.

История старца Федора Кузьмича чрезвычайно проста. Сибирь была исконным местом ссылки и убежищем для всех чем-либо обиженных, гонимых и преследуемых. По необъятным пустынным пространствам старой Сибири постоянно сновали бродяги и беглые, скрывавшие свое родоприсхождение, имя и прошлое под клички Иванов Непомнящих, Беспрозванных, Безотчества и т.п. смело заходили в деревни к сибирякам-старожилам и находили у них теплый угол, одежку и пропитание. Сибиряк охотно давал приют такому

человеку, особенно если он был грамотный, выдавший виды, знающий, толковый, интересный рассказчик, и пользовался его советами и услугами, не справляясь о прошлом.

К категории таких людей принадлежал и назвавшийся Федором Кузьмичем. Рассказывают, что в 1836 г. он был задержан в Красноуфимске, как бродяга, скрывающий свое происхождение и, наказанный плетью, сослан на причисление в Боготольскую волость, Мариинского уезда, Томской губернии. Сначала его водворили на казенный Краснореченский винокуренный завод (теперь Елизаветинский винокуренный завод Королевой на Чулыме). Прожив на заводе пять лет, он затем поселился в одной соседней деревне у одного казака. В течение 15 следующих лет, он бродил по окрестным деревням и занимался обучением деревенских детей грамоте. За свою аскетическую жизнь, беседы на религиозные темы и разных событиях русской жизни, за добрые советы в горе и болезни он пользовался расположением простых людей, охотно предоставлявших ему кров и пропитание. Особенно долго он зажился в упомянутой деревне Белоярской, затем в Зерцалах и в с. Краснореченском, пока в 1858 г. не переселился в Томск, к купцу С.Ф. Хромову, по настоятельной его просьбе. Здесь он жил то в городе, то на заимке Хромова, в специально выстроенных для старика домиках-кельях. В одной из них в городе он и скончался 20 января 1864 года. Таким образом, он прожил в Сибири 27 лет, старческих лет, в возрасте, как полагают, 60-87 лет.

Несмотря на это долгое пребывание, никаких следов жизни старец не оставил и ничем сколько-нибудь заметным, стоящим внимания себя не проявил. В Томске он прожил около 5 лет в такое время, когда тут жили Бакунин, Кузнецов, Ананьин, Потанин и другие, интересовавшимися каждым сколько-нибудь заметным явлением в местной жизни, и однако, они даже не подозревали существования в Томске Федора Кузьмича. И это потому, что сам по себе старец был незаметной и незначительной фигурой. Несомненно, это был рядовой среди сибирских поселенцев, каких были рассеяны по громадной стране сотни. Все его значение, весь ореол, каким окружили его почитатели, заключался в том, что в старике хотели видеть императора Александра I и так загипнотизировали себя, и других этой мыслью, что после смерти создали настоящий культ его, продолжающийся и до сего дня. Особенно ревниво и настойчиво действовал в этом направлении сам Хромов, которому, конечно,

лестно было добиться признания, что это он приютил у себя и окружил таким почитанием бывшего императора Всероссийского, счастливого соперника Наполеона, сыгравшего такую крупную роль в исторических судьбах державы. В этих домогательствах Хромов не был одиноким, - у него были деятельные сотрудники, постоянные и случайные.

Со смертью Хромова и его ближайших сотрудников, ту же миссию взял на себя образовавшийся кружок почитателей Федора Кузьмича, продолжающий собирать и издавать материал, нанизывая и нужным образом освещая разные мелочи из жизни старца. Конечно, самым надежным и верным помощником почитателей является та тайна, которой окружил свое происхождение и прошлое Федор Кузьмич при жизни и которую он унес с собой в могилу.

Как келья старца в Томске, так и его могила служат до сих пор местом поклонения и даже некоторого паломничества.

Келья-домик находится на усадьбе Хромова и его зятя Чистякова, на углу Монастырской и Нечаевской улиц. Бревенчатый дом стоит в глубине усадьбы от угла указанных улиц и состоит из небольшой комнатки около 1 ? - квадратной сажени, с двумя небольшими оконцами на противоположных стенах, и узких сеней, оканчивающихся маленькой кладовой и отхожим местом. Четверть комнаты занята русской печью с лежанкой. Меблировка ее, сохраняемая до сих пор, состояла из простого небольшого стола, стула и простой кровати и лавок вдоль двух стен. В переднем углу стояло резное распятие из кости и 5-6 старинных литографированных в одну краску изображений святых. В настоящее время вся передняя стена и часть боковых увешаны и заставлены различными иконами, числом около 80, пожертвованными почитателями старца. Среди них находятся портреты Александра 1, карандашный рисунок, по-видимому, с натуры, старца на смертном одре и литографированные портреты старца в распространенном издании, где он изображен высоким стариком с длинной бородой, в белой холщовой рубахе ниже колена, охваченной пояском. Происхождение этого снимка такое. В конце 60-х годов в Томске содержал фотографию Советник Губерн. Правления Ефимов.

Как-то заходит в фотографию господин с масляным портретом старца и просит сделать с него снимок. Заказ был принят и исполнен. Вот эта-то фотография по удостоверению Владимира Ивановича Ефимова, родного брата

фотографа, и явилась тем оригиналом, с которого впоследствии стали размножать снимки со старца Федора Кузьмича, в том самом виде как он изображен на цинкографии, приложенной к настоящей книге. Приезжавший в 80-х годах, для ревизии тюрем в Сибири, Галкин-Враский, во время остановки в Томске был в кельи старца и слушал панихиду. Он пожелал предохранить домик от разрушения и распорядился устроить над ним за свой счет навес. В настоящей книге помещена цинкография домика и навеса над ним.⁸

В домике постоянно горит перед образами лампада, и еженедельно по пятницам вечером служатся панихиды, на которые собираются почитатели старца.

Из икон, коими увешана передняя стена, мое внимание обратил на себя образ, в киоте которого лежали венчальные свечи. Оказывается, молодой супруг, овдовевший вскоре после женитьбы, утолял свое горе приношением этой иконы в келью старца.

Сопровождающая посетителей кельи женщина рассказывает, что в находящемся здесь небольшом сундуке старец хранил принадлежности своего незатейливого костюма – рубахи, штаны и проч. Однажды обнаружили, что содержимое сундука исчезло – кто-то из посетителей выкрал вещи, хотя не тронул лежавших открыто на столе денег, в количестве нескольких рублей... По поводу этой кражи рассказывают, что украденные вещи увезены за границу, где историей старца интересовались, в расчете на хороший сбыт этих вещей любителям всяких уников.

Могила Федора Кузьмича находится на кладбище мужского Алексеевского монастыря, влево от алтаря церкви и несколько вглубь кладбища. Первоначально она была обнесена железной решеткой, а сверху закрыта железной крышей, под которой, в изголовье могильного холмика, стоял большой деревянный крест с надписью: “На сем месте погребено тело великого и благословенного старца Федора Кузьмича, скончавшегося в Томске 20 января 1864 года”. Впоследствии эта надпись была закрашена и заменена более краткой: “Старец Федор Кузьмич скончался 20 января 1864 года”.

Самым деятельным среди почитателей старца позднейшего периода был настоятель Алексеевского монастыря архимандрит Иона. Он собирал о старце

⁸ в данном издании 1912 года изображение цинкографии не приводится (прим. наборщика)

различные сведения, тщательно записывал рассказы о нем, как о прозорливце и целителе недугов, как о великом подвижнике, от которого исходила благодать Божия, проявляющаяся разными чудесами. Втайне архимандрит Иона мечтал об украшении монастыря мощами старца, о грядущей славе обители и умножении ее богатств. “Вот какая кипа записей о чудесах старца накопилась у меня”, разводя руки, восторженно говорил Иона П.И. Макушину, навестив его как-то во время болезни.

Иона стал хлопотать об украшении могилы старца более приличным памятником и привлекать к этому делу жертвователей. К 1903 г. ему удалось собрать на этот предмет около тысячи рублей. Проект часовни на могиле был поручен молодому, только что перед этим окончившему Академию Художеств архитектору В.Ф. Оржешко. Эта часовня по времени едва ли не первое произведение этого художника. Она представляет собой каменное здание около 3 ? саж. высотой и около 16 квадратных аршин площадью, с лепными украшениями снаружи, увенчанное куполом. В боковых стенах ее имеется по одному большому окну. Передняя стена напротив входной двери сплошь обделана в виде иконостаса, с иконами в три яруса. Центральная икона изображает Александра Невского и Федора Стратилата. Среди часовенки возвышается гробница, накрытая мраморной доской, с вырезанным на ней восьмиконечным крестом и надписью в нем: “Здесь погребено тело великого и Благословенного старца Федора Кузьмича 20 января 1864 г.”. В нижней части мраморной плиты вырезана четырехстрочная надпись: “Часовня сия устроена при Архимандрите Ионе средствами Пелагеи Диомидовны Буткеевой, Ивана Максимовича Некрасова и др. почитателей старца. А камень сей положен М.Д. Кочарженко 1904 г.”. На камне, на большой металлической подставке, горит неугасимая лампада. На одном из подоконников разложены десятки фотографий, относящихся к старцу, и брошюр, продаваемых желающим. Раньше в часовне ежедневно служились литии, а теперь, за отсутствием посетителей, служба совершается гораздо реже и только в годовщину смерти Федора Кузьмича, 20 января, совершается особенно торжественное служение, в присутствии значительного числа почитателей.

Часовня эта обыкновенно держится запертой на ключ, но к ней в неурочное время заходят почитатели старца и, стоя у большого окна, могут видеть всю ее внутренность до мельчайших подробностей, настраивающих на

молитвенный лад. Вероятно, один из таких почитателей, стоя у окна, сделал на белой оконной раме надпись, в которой передал волновавшую его мысль словами: “Покой Господи много Уродного раба Твоего Императора Александра”.

При постройке этой часовни имел место один любопытный эпизод. При кладке фундамента, в предупреждение промерзания стен, вся могила была охвачена канавой на глубине 3 аршин. Когда фундамент был выведен почти вровень с землей, заметили, что могила стала западать и проваливаться. Архимандрит Иона распорядился исправить могилу, для чего вся земля из нее была вынута. Тогда выяснилась и причина осадки. Доски, закрывавшие склеп, сгнили и провалились в камеру, где стоял гроб. Когда выбрали гнилушки и очистили землю, оказалось, что и крышка гроба сгнила и провалилась. Стали очищать и ее, чтобы заменить целыми досками. В.Ф. Оржешко рассказывает, что, стоя на дне могилы между гробом и стеной, он увидел, что одежда и тело старца совершенно сгнили и вдоль гроба лежали коричневого цвета кости ног, обутых в кожаные башмаки. Голова представляла бесформенную осклизлую массу, лежавшая на каком-то подобии подушки; костей черепа нельзя было рассмотреть, но длинная седая борода явственно обрисовывалась на груди. Когда В.Ф. Оржешко наклонился над гробом, чтобы рассмотреть ближе его содержимое, у него выкатились из бокового кармана сюртука бумажник, визитные карточки и разные бумаги. Выбрав их оттуда, он стал закрывать гроб новыми досками, но при этом заметил, что в гробу осталась еще одна его визитная карточка. Пришлось снова наклоняться и убирать не по адресу застрявший документ. Все это происходило на глазах Архимандрита Ионы, стоявшего на борту могилы и сокрушавшегося о том, что пришлось потревожить прах старца, но Иона в сущности был чрезвычайно рад вскрыть могилу старца, так как он предоставлял ему возможность воочию убедиться в нетронутости могилы и в состоянии останков, в связи с его мечтами, о которых выше упомянуто. Желание убедиться в целостности могилы будет понятным, если принять в соображение ходившие в народе рассказы о том, будто бы, в Томск приезжал, по одной версии, генерал, посланный Великим Князем, а по другой – целая комиссия, которая по соглашению с местной жандармской властью, разрыла могилу старца, вынула его останки и уложила в гроб, который и унесла с собою в Петербург.

Таким образом, в течение 40 лет в почве монастырского кладбища тело человека подверглось почти полному истлению. Вывод, не лишенный своего значения в вопросе о смене населения кладбища.

О старце Федоре Кузьмиче накопилась уже значительная литература, но она отличается односторонностью, так как все авторы проникнуты одним стремлением установить тождество между Федором Кузьмичем и Александром 1. Для интересующихся предметом приведем перечень относящихся сюда сочинений,⁹ хотя не ручаемся за то, что они приведены здесь с исчерпывающей полнотой.

М.А. Бакунин.

Крупнейшая фигура в политической жизни западной Европы конца сороковых годов, хорошо знакомая всем государям Европы и политическим деятелям того времени, М.А. Бакунин был невольным жителем г. Томска в 1858 и 1859 г.г. С пребыванием его в Томске связан важнейший факт в его личной жизни, настолько оригинальный, что его стоит отметить, тем более, что в довольно обширной литературе о Бакунине он отмечен¹⁰. Прежде чем рассказать об этом факте и о жизни Бакунина в Томске необходимо, хотя бы в общих чертах, познакомить с этой крупной, выходящей из ряда вон фигурой, так как многие читатели настоящей книги, вероятно, Бакунина не знают.

Михаил Александрович Бакунин – потомок старинного дворянского рода XVI ст. из Тверской губернии. Родился в 1814 г. Его мать – урожденная

⁹ - В Д о л г о р у к и й. Отшельник Александр (Федор) в Сибири. "Русс. Старина". 1887 г., № 10, стр. 217-220; № 11, стр. 529-530.

-Ссылно-поселенец Федор Кузьмич. "Сибир.Газета", 1887 г., стр. 247

-Русс. Старина", 1891 г., № 98

-Сказание о жизни и подвигах раба Божия Федора Кузьмича, подвизавшегося в пределах Томской губернии с 1897 г. по 1864 г. – С.-ПБ., 1891 г., в объеме 1-56 стран. "Русский Листок", 1898 г., изд. Коноваловой.

- Загадочный старец Федор Кузьмич. Брошюра в 1-23 стран. неизвестного автора – Москва, 1898 г., - Т. IV/

А д р и а н о в. Таинственный старец. "Сибир. Заря", 1908 г., № 118.

- Таинственный старец Федор Кузьмич в Сибири и Император Александр Благословенный. (Легенды и предания, собранные в Томске кружком почитателей Страца Федора Кузьмича). Изд. Д.Г. Романова. Саратов. 1908 г. (брошюра 1-16 стр.)

Тем же кружком готовится к выпуску в июне 1912 г., под тем же заглавием, книга объемом более 200 стран., с 26 рисунками.

Кроме того Шильдер указывает на рукопись "Жизнеописания Великого страца Федора Косьмича", составленное С.Ф. Хромовым.

Есть еще брошюра, изданная Е.И. Великим Князем Николаем Михайловичем. Материал для нее собирался, по поручению Великого Князя, Н.П.Лашковым, местным уроженцем, нарочито приезжавшим из Петербурга в Томск для этого. Г.Лашков не ограничился собиранием материала в Томске, а ездил и в с. Краснореченское и в места, где Федор Кузьмич прожил первые годы после ссылки.

¹⁰ Биографии Бакунина Макс Петлау посвятил монументальный труд, изданный в трех томах, in-folio, под заглавием: «Michel Bakunin, eine biographie», London, 1896-1900.

Муравьева, из известной старинной дворянской фамилии. Его отец всю службу провел при посольствах, главным образом, в Италии. 15-ти лет Бакунин был отдан в артиллерийскую школу, а 18 л., в чине поручика, послан в батарею, в Минскую губ. После двух лет службы офицером в Польше, переживавшей кризис после подавления революции 30 года, Бакунин подал в отставку, навсегда отказавшись от военной карьеры, и уехал в Москву. Здесь он, в кружке своих друзей, со Станкевичем и Белинским во главе, занялся изучением философии и стал готовиться к кафедре в Московском Университете. Став последователем гегелевской системы, он переехал в 1840 г. в Берлин с целью изучения немецкого философского движения. Философия Гегеля превратилась для него в революционную теорию, а знакомства с писателями и политическими деятелями Руге, Гервегом, Рейхелем, Фогтами, Жорж-Занд, Марксом, Прудоном и мн. др., во время его поездок по Саксонии, Швейцарии и Франции, заставили его выступить на путь практической революционной деятельности и сделали из него выдающегося агитатора, отовсюду гонимого и всюду желанного. Это было время общего брожения в европейских государствах, время восстаний, приведших к революции 48 года. Увлечшись идеей освобождения всех славян, с целью образования свободной федерации славянских народов, за что, кажется Маркс, назвал его сентиментальным идеалистом, Бакунин явился в 1849 г. в Дрезден и здесь стал одним из вождей восстания. Слабые силы инсургентов были сломлены, бежавший Бакунин был арестован и выдан пруссакам. После нескольких месяцев заключения в Саксонии его приговорили к отсечению головы, но заменили казнь пожизненным заключением, а потом выдали его Австрии, по требованию последней. Продержав несколько месяцев в крепостях в Праге и Ольмюце, Бакунина в 1851 г. судили и приговорили к повешению, но и на этот раз заменили смертную казнь пожизненным заключением, но чрезвычайно суровым – Бакунина держали в ручных и ножных кандалах, прикованным на цепь к стене. Затем Австрия выдала его России, где он был сначала посажен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, а потом переведен в Шлиссельбург. – Здесь на переданное ему желание императора Николая иметь его исповедь, Бакунин ответил письмом, в котором, между прочим, пишет (в 1851 г.): «Вы желаете иметь мою исповедь, но вы не должны игнорировать, что заключенный не обязан исповедовать грехов других. Мои честь и совесть

никогда не позволят мне изменить кому бы то ни было доверившемуся мне, и поэтому я не сообщу Вам каких-либо имен.» Как передавал Н.Г. Чернышевский Гр. Н. Потанину, со слов Н.И. Костомарова, Бакунин написал при этом целый трактат по вопросу о крепостном праве, с таким замечательным выяснением его значения и отрицательных сторон, какого не было у других авторов по этому вопросу в то время.

Долго Александр II не соглашался на помилование Бакунина, несмотря на многократные о том ходатайства, но, наконец, в 1857 г., после удостоверения врачей, что начавшееся у Бакунина ожирение сердца может привести к роковому концу, согласился заменить вечное заключение ссылкой в Сибирь.

И вот в 1857 г., более точной даты я не знаю, М.А. Бакунин, облюбованный народом в Дрездене в качестве вице-президента Саксонской республики, водворяется на жительство в Томск. Здесь он поселился в семье мещанина Бардакова, у которого пользовался и столом. Небольшой деревянный дом мещанина Бардакова находился на Магистратской улице, возле дома Самохвалова, где теперь стоит дом купца И.И. Смирнова. Здесь было нечто вроде заезжего дома, где останавливались проезжие, где жили временно и постоянно холостяки и бобыли.

Старики очень полюбили своего квартиранта, пользовавшегося неизменно их симпатиями за все время его пребывания в Томске. «Вот ума палата, был бы генералом», - говорил о нем старик. Сколько времени прожил у Бардаковых Бакунин – неизвестно, но только в следующем 1858 году он обзавелся уже собственным домом, а вслед за этим и молодой женой.

Видно, этот ветеран сороковых годов, крутившийся в революционном вихре Западной Европы, перенесший все ужасы десятилетнего заточения в крепостях Германии, Австрии и России, дважды приговоренный к смерти, видно, он, попавши в Томск, угомонился и захотел, наконец, подумать о своей личной жизни, об устройстве своего гнезда. Заживись он здесь, он, несомненно, при его уме, широком образовании и необычной энергии оставил бы в жизни захолустного в то время Томска крупный след своего пребывания. Бакунин был чрезвычайно наблюдателен и прозорлив; он, например, Потанину высказал свое замечание о сибиряках, что это индивидуалисты; замечание весьма меткое. При более продолжительном знакомстве с Сибирью, сколько бы он сделал еще наблюдений, ценных выводов и метких замечаний. Но случилось иначе.

Пребывание Бакунина в Томске носит характер лишь эпизода из его личной жизни, без особенно заметного значения в общественном смысле.

Дом, который приобрел Бакунин, находился на Воскресенской горе по Ефремовской улице, на левой руке, если идти от костела, вслед за домом Охачинских. Деревянный, одноэтажный, длинный, низкий, он как бы врос в землю своими низко спущенными большими окнами. Разделенный внутри на несколько небольших комнат, он, кажется, никогда не освещался солнцем и потому в его низких комнатах стоял постоянный полумрак. Это же было причиной долго не просыхавшей грязи на этой стороне совершенно неустроенной улицы. Тем не менее, хозяин очень хлопотал, как бы получше ухитить свой уголок. Противоположная улице сторона усадьбы кончалась высоким и крутым обрывом Воскресенской горы. Этот крутой склон усадьбы Бакунин решил украсить и пригласил для этого садовника, который устроил ему в верхней части цветник, дорожки, а нижнюю часть засадил деревцами. Теперь все это заброшено и находится в первобытном состоянии; от всех трудов и затрат Бакунина здесь не осталось и следа.

В какие руки переходил дом Бакунина тотчас после его отъезда из Томска, я не знаю; в 80-м году я застал уже этот дом во владении Орловых, потом он перешел к Силериусу и, наконец, нынешнему владельцу Богаткину, который старый Бакунинский дом снес и на его месте поставил каменный, в котором теперь квартирует, по злой иронии судьбы, Губернское Жандармское Управление. Старый же флигелек внутри дома существует и теперь.

По-видимому, покупке Бакуниным дома предшествовало его решение жениться и перейти на положение семьянина.

В Томске жили в то время два брата Квятковских. Один – Александр, православный, жил на углу Подгорного переулка и Почтамтской; другой брат Ксаверий, католик, жил за Истоком, где-то по дороге к Верхнему перевозу. У Ксаверия Квятковского было две дочери и два сына.

По воспоминаниям недавно опубликованным, Ксаверий Квятковский рисуется человеком небольшого роста, коренастый, с незначительным лицом отставного писца дореформенного учреждения, говорил он мало и всё такое, чего никак не запомнишь. Жена его особых симпатий не вызывала; застывшее неудовольствие и мещанская надменность лежали на ее лице и проникали всё её существо. Сам Бакунин характеризовал стариков как «незамысловатых», но

хороших людей. Самой симпатичной была в семье Квятковских дочь София, как по отзывам ее знавших, так и самого Бакунина; он ценил ее за доброе сердце, ум, за прямоту, за душевность. Старшая дочь Антонина ...но не будем забегать. Антонина Ксаверьевна вызвала в Бакунине особые чувства и ответила на них такой взаимностью, что Бакунин заявил ее родителям о своем намерении жениться. Но со стороны Ксаверия Квятковского он встретил самый решительный отказ. Отец никак не мог примириться с мыслью о выдаче своей дочери замуж за ссыльного, лишенного всех прав. Случай помог Бакунину в осуществлении его желания. Граф Муравьев-Амурский, бывший в то время генерал-губернатором Восточной Сибири, проезжая в тот год из Петербурга в Иркутск, останавливался в Томске, чтобы повидаться со своим родственником и земляком М.А. Бакуниным. Узнав о его сердечных делах и постигшей его неудаче, граф энергично вступился за интересы племянника. Он отправился к Ксаверию Квятковскому с визитом и нарисовал ему картину скорого возвращения прав Бакунину и открывавшейся ему вслед за тем прекрасной будущности. Упорство Квятковского было сломлено, и он дал согласие на брак. Т.к. гр. Муравьев выразил желание быть посаженным отцом и присутствовать на свадьбе, то к этому торжеству тотчас же начались приготовления. В качестве посаженной матери Бакунин пригласил старушку Бардакову, так тепло его принявшую по приезде в Томск. Какая поразительная картина, какая необыкновенная группа, возможная только на сибирской почве!. Образованный человек, известный всей Европе «апостол разрушения», Бакунин, блестящий граф, представитель громкого старинного дворянского рода Муравьев и Томская мещанка Бардакова!..

Свадьба была отпразднована на славу. Бал происходил в доме Бакунина. Залитый светом огней внутри и обставленный плошками на улице вдоль тротуара, дом привлек внимание толпы, также принимавшей участие в торжестве. Внимательно следя за всем происходящим в освещенном доме, за оживленно двигавшимися фигурами, толпа время от времени оглашала улицу дружными криками «ура». Можно представить себе, как импонировала окружающим, даже с чисто внешней стороны, монументальная фигура статного, красивого и энергичного Бакунина.

Местных преданий об этой недолгой жизни Бакуниных в Томске не сохранилось, да они едва ли могли быть, так как в общественной жизни города

Бакунины никак не принимали участия. Но они не жили замкнутой жизнью, их дом всегда был открыт для избранных. Г.Н. Потанин, захвативший в 1858 г. в Томск, рассказывает, что он часто бывал у Бакуниных, обедая у них за общим столом всегда встречал кого-либо из этих избранных. Особенно частым посетителем был Ананьин, которого Бакунин, любивший давать клички, звал «Шехерезадой» за его неиссякаемый запас анекдотов и остроумных рассказов. Между прочим, этот Ананьин первый сообщил в печати о липе в Кузнецком уезде, единственном в Сибири месте, где этой породой был занят обширный участок.

Интересно отметить роль Бакунина в жизни Г.Н. Потанина. У Потанина был родственник, немец Гильзен фон Мершейд, занимавшийся делами по золотопромышленности и живший в тайге. Когда Г.Н. Потанин приехал к нему в 1858 году из Омска погостить и в то же время попросить его о материальной поддержке для задуманной им поездки в Санкт-Петербург, с целью поступления в Университет, Гильзен, дела которого в то время сильно пошатнулись, дал ему письмо к своему знакомому М. А. Бакунину. Бакунин принял молодого сибиряка ласково, всячески поощрял его намерение ехать в Петербург и принял деятельное участие в снаряжении бедняка, который решился было пешком отправиться в Петербург, в азыме и лаптях. У Ив. Д. Атсашева Бакунин добыл для Потанина 100 руб., а через Ананьина выхлопотал ему у начальника Алтайского Горного Округа Фрезе разрешение доехать до Петербурга с караваном золота. Напутствуя Г.Н. Потанина перед отъездом, Бакунин дал ему большое письмо к своему Московскому приятелю М.Н. Каткову. По рассказам Г. Н-ча, Катков был чрезвычайно обрадован письмом и созвал своих друзей, которые одновременно с Бакуниным и Катковым слушали лекции в Берлине; Катков им говорил, что Мишель остался все тем же, крепким духом, человеком. «А что у него все такая же грива», - интересовался Катков разными подробностями? – «Нет, у него теперь лысина до половины головы», - огорчал своим сообщением собеседников Потанин.

В марте 1859 г. Бакунин, благодаря вмешательству Муравьева, был переведен в Иркутск, где поступил на службу в Амурскую компанию, а потом в золотопромышленное предприятие и жил надеждой на скорое освобождение и возврат в Россию. Но когда в 1861 г. выяснилось, что гр. Муравьев должен оставить свой пост и уехать из Сибири, Бакунин увидел, что свободы ему не

дождаться и решился на побег. В качестве представителя фирмы Сабашниковых он получил разрешение на поездку по торговым делам и для изучения края и, воспользовавшись этим, на судне добрался до порта Де-Кастри, а оттуда в Иокогаму, Сан-Франциско и Нью-Йорк.

Переезжая с места на место в западной Европе, он стал развивать прежнюю кипучую деятельность и затем долго жил в Италии и в Швейцарии, где 1 июля 1876 г. и скончался (в Берне).

Женитьба Бакунина не дала ему личного счастья – он остался по-прежнему одиноким. Одна из его почитательниц замечает в своих воспоминаниях: «Психология его брака, его интимных отношений к жене останутся навсегда загадочными». В самом деле, что могло связывать 44-летнего искалеченного крепостью Бакунина с молоденькой девушкой; философа и революционера с кипучим темпераментом с барышней Томского захолустья, ни мало не проникавшаяся умственными интересами? Полагают, что врожденная чуткость Антонины к внешней красоте всякого положения, ее любовь к красивой роли объясняют, почему она вышла замуж, почему она жила с Бакуниным неразлучно, перенося нужду, лишения и непосильную работу. Ни в умственной жизни, ни в деятельности Бакунина не было ничего общего с женой и, тем не менее он любил свою Антосю, сообразовывал даже свои поступки с ее желаниями и весьма толерантно относился к тому, что в их вилле была отдельная комната «del'amico della Bacunina» и страстно любил детей Антоси и баловал их.

Не могу не отметить одного маленького эпизода. После выхода замуж Антонины и младшая сестра ее Софья вышла замуж за какого-то Красноярского прокурора. В противоположность сестре, она жила умственными интересами, следила за движением в Европе, питала большую дружбу к Бакунину и увлекалась и восхищалась Гарибальди.

Когда Бакунины приехали в Италию, Антонина Ксаверьевна, познакомившись с Гарибальди, сказала ему, что в лице ее сестры он имеет и в далекой Сибири почитательницу. Гарибальди был очень обрадован, достал свой портрет и, сделав на нем надпись, просил переслать по принадлежности. Софья Ксаверьевна, получив такой драгоценный знак внимания большого человека, показывала карточку своим знакомым в Красноярске.

Невольные жители Томска

Г.С. Батеньков

Г.С. Батеньков - декабрист, проживший в г. Томске более десяти лет в ссылке.

На этой фигуре мне хотелось бы остановиться несколько дольше, слишком интересна она для Сибири вообще, а для Томска в частности. Попутно хотелось бы внести в существующую о Батенькове литературу поправки и дополнения.

Долгая жизнь этого умного, образованного и кипевшего деятельностью человека, способна приковать к себе внимание, возбудить любознательность, а между тем для удовлетворения последней оставленное Батеньковым литературное наследство ничтожно.¹¹ Писать он вообще не любил, а от рассказов о своей богатой опытом и превратностями жизни, всегда уклонялся. То небольшое, что им написано, не предназначалось для печати; его “Повесть собственной жизни” составлена по настоятельной просьбе Елагина, сына закадычного друга Батенькова, а “Масонские воспоминания” опять-таки составлены по настоянию проф. Ешевского, с которым Батеньков встречался в Казани, по окончании сибирской ссылки, и составлял эти заметки для Ешевского, как материал по интересовавшему того вопросу. Ничего другого, принадлежавшего перу Батенькова, в литературе нет.

Да и сама автобиография так составлена, что меньше всего говорит о ее авторе, а главное не касается самого интересного и большого периода его жизни - событий предшествовавших и сопровождавших 14 декабря 1825 г., периода заключения и ссылки. Он говорит лишь о годах раннего детства и юности. Но зато друзьями и др. лицами Батенькову и рассказам о нем посвящено немало статей.¹²

¹¹ Записки Г.С. Батенькова. Данные. Повести собственной жизни. “Русс. Архив”, 1881, т. 2, стр. 251-276.

- Масонские воспоминания Батенькова - в статье А.Н. Пыпина “Материалы для истории масонских лож”, “Вестн. Европы”, 1872, кн. 7.

- “Одичалый”, стихотвор., написанное во время заключения в Свартгольме.

- Несколько статей о Сибири в “Сыне Отечества”, 20-х годов.

- Несколько писем к А.Н. Бестужеву и барону В.И. Штейнгелю из Томска и к О.Н. Муратову из Калуги и др. лицам.

¹² Г. С. Б а т е н к о в. Некрологи в газетах “День”, 1863, № 45, в “С.-Петербург. Вестн.”, 1863, № 252 и журн. “Библиотека для чтения”, 1863, № 10.

Из всего этого материала, прежде всего выясняется неправильное написание его фамилии и неопределенность места его рождения. Везде фамилия пишется “Батенков” и лишь кое у кого прибавляется к этому “или Батеньков”. Вопрос этот разрешается факсимиле подписи Батенькова, воспроизведенной в сочинении В. Вагина “Исторические сведения о деятельности М.М. Сперанского в Сибири, с 1819 по 1821 г.”, в приложении ко второму тому, где стоит вполне отчетливо “Инженер-капитан Батеньков”.

Местом рождения Батенькова обычно указывают г. Томск, а в некоторых рассказах - “Томск или Тобольск” (наприм., в словаре Венгерова, в энцикл. словаре Брокгауза). Произошло это вследствие нелюбви Батенькова останавливаться на своей личности. А между тем и этот вопрос разрешается положительно на основании его собственной автобиографии. Для меня, как тоболяка, не подлежит никакому сомнению, что разные указания местностей и частей города, которого сам Батеньков не называет, рисуют Тобольск. Например, описывая раннее детство и первые впечатления ребенка, выведенного из дому прогуляться впервые по городу, он пишет: “Наконец дошли мы до дальнего пункта, до горы, которая окаймлена была большими каменными зданиями. Подъем на гору сделан был в ущелье, одетом каменными стенами; проходя его, я оглядывался на ту часть города, которая с каждым шагом понижалась и расстилалась на равнине”. Очевидно, речь идет о так называемом “Прямском взвозе” для пешеходов, между громадными каменными стенами, сложенными пленными шведами. На краю горы расположен ряд

Э р а з м И в. С т р о г о в. Очерки, рассказы и воспоминания. “Русс. Старина”, 1878, № 6, 8 и 11 и 1879, № 24.

- “О записках Г.С. Батенкова”. “Русс. Архив”, 1881, т. 3, кн. 2, стр. 436 - 441.

- А. Л у ч ш е в. Еще несколько слов о Г.С. Батенькове. “Сибирь”, 1883, № 5.

Д. Б у т к о в с к и й. Рассказы из сибирской старины. (Глава IV в них “О декабристе Батенкове”). “Колосья”, 1884, № 12.

А л. Л у ч ш е в. Декабрист Г.С. Батенков. “Русс. Архив”, 1886, № 6, стр. 269 - 280.

А. Л у ч ш е в. Декабрист Г.С. Батенков. “Сиб. Вестн.”, 1886, № 25.

А. И. Ян. Г.С. Батенков. К материалам для его биографии. “Русс. Старина”, 1887, № 6.

Статья К. М. С. В. - Г.С. Батеньков. “Русс. Старина”, 1887, № 10.

Д. С. Сибирские воспоминания. “Вост. Обзор.”, 1887, № 26.

Г. С. Б а т е н к о в. Историко-биографический очерк. “Русс. Стар.”, 1889, № 8, стр. 301 - 362 (самая подробная статья).

- Декабрист Г.С. Батенков. “Критико-биографический словарь русских писателей”. А.С. Венгерова, вып. 26, стр. 224-227.

- Батенков. “Энциклопедический словарь” Брокгауза и Ефрона.

М. В. Д о в н а р - З а п о л ь с к и й. Мемуары декабристов. Киев, 1906 г. - глава “Из бумаг Батенькова”, стр. 137 - 216.

каменных зданий - архива, архиерейского дома, собора и др. - Затем Батеньков говорит о тысячепудовом колоколе, об “образе Спаса непомерной величины”, о “высоком Николае резном”, о “знаменитой обители” в 25 верстах, о “громадной, глубокой реке, гордо описывающей круговые дуги, то вогнутые, то выгнутые”; вспоминает Сейфулина, “страстного охотника к преподаванию своего родного языка” и т.п. Все эти мелочи относятся к Tobольску. Кажется, и до сих пор ни в одной из сибирских церквей нет, кроме Tobольска, колокола в 1000 пуд. весом. Точно также нигде я не видел кроме Tobольского собора образа Спаса, площадью почти в квадратную сажень, носимого на особом приспособлении во время крестного хода. Батеньков рассказывает, что его “повели слушать первый звон огромного колокола и когда ударили в него, он совершенно оглушил меня и навсегда расстроил мой слух. Беда тем не кончилась. Когда подвели меня к Спасу, он показался мне таким страшным, что я лишился чувств от испуга, и из церкви вынесли меня на руках. Это сделало меня через меру робким и пугливым”. “Знаменитая обитель” в 25 верстах от города, это, конечно, Абалакский монастырь со знаменитой иконой Абалакской Божьей Матери. “Громадная, глубокая река”, разумеется, Иртыш, омывающий подошвы гор, описываемых Батеньковым, и достигающий у Tobольска ширины около версты. Сейфулин, это опять-таки хорошо знакомая всем тоболякам фамилия учителя татарского языка в Главном Народном Училище. Он так был предан своему делу, такую любовь сумел внушить ученикам к своему предмету, что многие из них уезжали во время каникул в юрты к татарам практиковаться в разговорном языке. Приехав из Tobольска и поступив в гимназию, я еще встречал у своих родственников и сверстников тетрадки с татарскими словами и упражнениями и всегда с фамилией Сейфулина.

Итак, Гавриил Степанович Батеньков, уроженец Tobольска, где он провел свои детские годы и годы ученья в Народном Училище и Военно-Сибирском отделении.

Родился он 25 марта 1793 года от 60-летнего старика-отца, отставного обер-офицера. Это был последний его ребенок, по счету 20-й. Родился он “почти мертвым” (рассказывают, что только в гробике обнаружил признаки жизни) и в раннем детстве отличался чрезвычайно нервной, хрупкой организацией. Он был близорук, хотя до старости обходился без очков; обладал слабым голосом; звук большого колокола навсегда расстроил его слух; был

пуглив, робок и жалостлив; ”когда нечаянно на глазах моих пишет он, - выбежал из острога человек, закованный в кандалы, я решительно стал бояться железа, и один вид вблизи острожных башен ввергал меня в беспамятство”. Он “мучительно скорбел, видя птичек в клетках и решительно не мог выносить зрелища кухонных операций с самого того часа, когда еще в первом младенчестве увидел петуха, которому отрезали голову, и он окровавленный сделал несколько кругов по двору, пока не упал. Поэтому я ничего не могу есть, что было живо и чувствую спазмы даже и тогда, когда посуда служила прежде для мясной или рыбной пищи”. И он, действительно, всю жизнь питался только овощами, молочными продуктами и т. п.

“Я не учился грамоте, ни читать, ни писать. Приступил к науке с арифметики и татарской грамматики”. Выучился читать и писать сам, “вдруг”, как он пишет.

Страшно впечатлительный, религиозный, вдумчивый и любознательный, он непрестанно занимался самообразованием, и эти качества, вместе с выдающимся трудолюбием и строгой честностью, остались характерными чертами его жизни до самого конца. Впоследствии здоровье его окрепло и закалилось так, что он выдержал самые тяжкие испытания.

Вывезенный из Тобольска в Петербург, Батеньков был определен во 2-й кадетский корпус, из которого в 1812 г. выпущен прапорщиком в артиллерийскую бригаду. С 1813 г. до конца 1815 г. он провел в походах и боях во время отечественной войны, большей частью в пределах Франции, заявив себя отменно храбрым офицером, неоднократно раненым. Батеньков три раза был в руках у смерти. В сражении при Монмирале он получил десять штыковых ран и, когда французские солдаты убирали трупы на поле сражения, то, заметив, что Батеньков жив, доложили своему офицеру. “Кто такой”, - спросил тот солдата. “Офицер”, - ответили ему. “Massacrer” (т. е. изрубить) - приказал офицер. Неизвестно, почему это приказание осталось невыполненным. Батеньков был отвезен в госпиталь, где поправился и снова участвовал в деле. Состоя на военной службе, Батеньков был уже членом масонского общества и состоял в Петербургской ложе “Избранного Михаила”.¹³

¹³ А.Н.Пыпин в упомянутой выше статье предполагает, что Батеньков был членом какой либо ложи еще до 1814 г., до вступления в ложу “Избранного Михаила”.

Вращаясь в кругу масонов и военной молодежи и хорошо познакомившись с порядками и строем жизни западно-европейских государств, Батеньков, при его уме и пылком воображении, был охвачен волною этих влияний.

В 1816 г. он оставил военную службу и поступил во вновь учрежденное ведомство инженеров путей сообщения. Его прямота и честность явились помехой для некоторых лиц и Батенькова, как “беспокойного человека”, назначили на службу в Сибирь управляющим вновь открываемых X округом путей сообщения, с резиденцией в Томске. Об этом периоде жизни Батенькова сведения отличаются большой скудостью. Известно только, что прямого дела по службе у него было очень мало и он занялся устройством масонской ложи, в которой был секретарем. Но репутацию “беспокойного человека” он сумел и здесь оправдать. Проектировалась постройка моста через Ушайку у Магистратской улицы. Томский Губернатор представил высшему начальству смету на это сооружение. Молодой инженерный капитан Батеньков отнесся к этой смете критически и вызвался построить мост за половину цены против губернаторской сметы, что потом и выполнил, кажется, в 1818 г. Мост этот у нас носит название “Думского”, так как находится у здания Мещанского Общества, где помещалась прежде Городская Управа и происходили заседания Думы. Теперь название это стало анахронизмом, и потому было бы целесообразным присвоить ему звание “Моста Батенькова”, в честь его строителя.

Не прошло бы для него безнаказанным это вмешательство, если б не приезд в Сибирь на ревизию М.М.Сперанского. Вопиющие злоупотребления сибирских властей и отсутствие образованных и честных людей на месте делали задачу Сперанского особенно трудной. Получив от Батенькова записку о путях сообщения, новый генерал-губернатор оценил его дарования и пригласил к себе на службу. Принадлежность Сперанского и Батенькова к масонскому союзу и рекомендация мастера Томской ложи генерал-майора Трейблота помогла их сближению настолько, что Батеньков стал для Сперанского незаменимым человеком, ездил с ним по Сибири и жил в Иркутске; зная край и располагая большими в нем связями, он собирал, по поручению Сперанского, материал и составлял записки: о сухопутных сообщениях, об учреждении этапов, о ссыльных, об инородцах, о сибирских казаках, о занятии киргизской степи

Средней орды, о приведении в известность земель в Сибири (записка эта послужила впоследствии основой для производства съемок). Кроме того, Батеньков работал по изысканию пути около Байкала, дороги к восточному океану, над учреждением первой в Сибири ланкастерской школы, для которой составил и учебники. Все эти материалы, при обработке их в Тобольске, во второй половине 1820 г., легли в основу “Сибирского Учреждения”. Возвратившись в Петербург, Сперанский увез с собой и Батенькова и поселил его у себя в доме, ежедневно с ним видаясь и обедая, как со своим близким человеком. По учреждении здесь Сибирского Комитета для окончательной обработки “Учреждения”, Батенькова назначили делопроизводителем Комитета, председателем которого был Аракчеев. Последний так облюбовал Батенькова, что предложил ему, в конце 1822 г., должность члена совета военных поселений и редактора его постановлений с окладом в 10 тысяч руб. ассигнациями. В 1825 г., когда Аракчеев заболел и началось его душевное расстройство, а завистливый начальник штаба военных поселений Клейнмихель проявил свое недоброжелательство, Батеньков ушел в отставку.

Живя в Петербурге, он сблизился с членами тайного общества: Ал. Бестужевым и Рылеевым и разделял их мысль о неудовлетворительности существующего порядка и необходимости введения в России конституции. Многие из членов тайного общества так высоко ценили Батенькова, что хотели избрать его членом предполагавшегося временного правления или так называемой “Верховной Думы”, если бы Сперанский не согласился принять эту должность. Батеньков же составил и план учреждения конституционной монархии и будущего образования государства.

Совершилось событие 14 декабря 1825 г. Через две недели после этого Батеньков был арестован. Приговором Верховного уголовного суда он занесен был в 3 разряд (вместе с бароном Штейнгелем) государств-преступников, обвиняемых в том, что “знали об умысле на цареубийство, соглашались на умысел бунта и приготавливали товарищей к мятежу планами и советами”. Вечная каторга для 3-го разряда была заменена 20-летней, но Батеньков, как сибиряк, был сначала отвезен в форт Свартгольм на Аландских островах, где просидел полгода, а потом перемещен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, ящик в 10 шагов длиной и 6 шириной стал его жилищем. Всякое общение с людьми было прервано. Время для него

остановилось, и он утратил представление о смене дня и ночи, дней недели, месяцев и лет, так что в одиночном заключении около 20-ти лет, до 1846 г., в организме его выработались свои привычки, иной порядок дня и ночи. Эти привычки он сохранил и после выхода на волю, во время ссылки в Томск. Рассказывают, что днем он ложился спать, а ночью отправлялся гулять, пищу принимал также в необычное для других время и т. д.

Для живого, восприимчивого, привыкшего к напряженной умственной деятельности Батенькова одиночное заключение в рavelине грозило гибелью. Владея древними языками - еврейским, латинским и греческим, а из новых - французским и немецким, он занялся сличением переводов Библии, так как ничего другого ему не давали читать; его друг и боевой товарищ Елагин доставлял ему Библию на всех языках.

По словам И. Л. Фуксмана, знавшего Батенькова и его Томскую обстановку и имевшего случай читать его записки, так удивительно погибшие, о чем будет рассказано ниже, Батеньков, сидя в рavelине, постоянно занимался гимнастикой, выучился ходить на руках. Однажды в камере появился мышонок. Батеньков ему обрадовался, стал его кормить и так приучил к себе, что мышонок забирался к нему на ладонь, а Батеньков с ним вел нескончаемые беседы. Эта дружба с единственным живым существом продолжалась несколько лет.

Но все эти занятия чтением, письмом, гимнастикой и пр. не могли заменить живого общения с людьми, и ум у Батенькова стал мутиться.- По рассказу И. Л. Фуксмана, Батеньков в конце своего заточения написал Императору Николаю прошение, из которого Фуксман помнит такую фразу: ” Наконец, . . .сжался над бедным стариком, силы которого начинают слабеть”. Прощение было доставлено по назначению с докладом о том, что Батеньков помешался, что удостоверил и комендант крепости. Николай приказал спросить у Батенькова, в какой из городов Сибири он желает ехать на поселение. Батеньков назвал Томск.

Снабдив Батенькова волчьей, крытой сукном шубой и всем необходимым на дорогу, его отправили из крепости в начале 1846 г., в сопровождении жандарма, при бумаге Губернатору, в которой было написано: “По высочайшему повелению препровождается Гавриил Батеньков на жительство в Томск; на обзаведение ему назначено 500 руб., которые он и

получит здесь, вскоре по прибытии”. - Батеньков рассказывал, что на второй станции от Петербурга он встретил какую-то женщину; не видав в течение 20 лет живого женского лица, он обрадовался ей, как малый ребенок, обнял ее и расцеловал. “Вероятно, прибавлял Б., эта женщина приняла меня за пьяного или сумасшедшего”.

В начале марта 1846 г. Батеньков прибыл в Томск. Жандарм, поместив его в единственной в то время гостинице “Лондон”, содержавшейся англичанином Краулеем, на другой день уехал в Петербург. Краулей, не имея конкурентов, поставил новому квартиранту очень тяжелые условия. Из этого положения Батенькова выручили люди, когда-то его знавшие или о нем слышавшие. Уже на другой день, когда разнеслась весть о его приезде в Томск, его поместили в семье Николая Лучшева, бывшего в то время, кажется, Исправником. По словам Алекс. Лучшева, Батеньков прожил первые два месяца в одной с ним комнате, а вообще все время пребывания своего в Томске, в течение 10 с половиной лет, жил в их семье.

Но, странное дело, за такой, сравнительно, большой период времени его жизни в Томске не осталось сколько-нибудь значительных следов пребывания такого крупного человека, как Батеньков. Не осталось даже достаточно полных записей о его жизни, точно он старался вычеркнуть себя из нее.

Батеньков не сразу вошел в местное общество, которое его не понимало, считая даже помешанным. И не мудрено. В обществе появился человек, у которого было, в буквальном смысле слова, вычеркнуто 20 лет предшествующей жизни. Он говорил исключительно о высоких, нравственно-религиозных и философских предметах, пересыпая свою речь научными терминами и латинскими фразами. О политике же и общественных делах говорил неохотно, а о событиях 1825 г. и своем заточении совершенно избегал разговоров. Впоследствии отношения эти сгладились, установилось взаимное понимание, и Батеньков пользовался общим уважением за свой ум, высокую нравственность, простоту и доброту. Губернаторы Аносов и Бекман, с которым Б. был особенно дружен, архиерей, крупные капиталисты, как Асташев, Горохов, Поповы и мн. др., принимали Батенькова радушно, и сами, бывая у него запросто.

Не имея никаких средств к жизни и чувствуя себя обязанным за гостеприимство Лучшевым, он вел до крайности скромную жизнь, учил грамоте

детей Лучшевых, помогал им в домашних постройках и в ведении сельского хозяйства на даче в “Соломенном”, где проводил большую часть лета. Вставал он рано и несмотря ни на какую погоду шел купаться в Томь, что продолжалось до морозов; почти весь день проводил на ногах, спал мало. По праздникам, а иногда и по будням, ходил в церковь, после чего шел к знакомым. Любил читать газеты, особенно французские, выписывавшиеся Асташевым, и делал из них извлечения.

Попав в общество, Батеньков любил заводить горячие споры, особенно с дамами. Приведу одно характерное на этот счет место из его письма к Ник. Алекс. Бестужеву, декабристу и писателю, от 17 марта 1855 г.: ”Сам я здесь типически один. Дня два - три в неделю живу совершенным аскетом, на даче, версты за четыре; остальные дни в городе, семьянином, и всегда с людьми, между которыми приметно составляю какую-то притчу во языцех. Дряхлеть еще не начинал, и потому увиваюсь около женщин. Я и в самом деле их люблю, даже единично кое-кого; но honny soit qui mal у pense! - все это в качестве деда”. И.Л.Фуксман говорил мне, что девицы Засухины, Кобылины, Сосулины были воспитанницами Батенькова, постоянно у него бывали и находились под его влиянием.

Стол его отличался большой умеренностью и состоял из яичницы, икры, зелени, плодов и ягод; водки он не пил вовсе, изредка употребляя виноградное вино. В одном письме к своему другу “и брату”, барону Вас. Ив. Штейнгелю Батеньков по этому поводу пишет: “. . . Я даже не кормлю себя; мяса и рыбы не ем с лишком 30 лет и хотя дома непрерывно стол на 5, на 6 человек, но я обедаю всегда в гостях, а ужинать не привык”.

Своих больших знаний и опыта, как инженера и строителя, Батеньков почти не применял за этот период жизни в Томске. Единственной большой работой его такого рода остается “Степановка”, где все первые постройки, как церковь, дача Сосулина и все другие его постройки возведены по плану Батенькова и под его руководством. Сосулин, очевидно, удовлетворенный работой Батенькова, подарил ему участок земли в 55 десятин, рядом со Степановкой, который принадлежит теперь И.Л.Фуксману. Сюда то Лучшевы и перенесли свой старый дом из Томска и при деятельном сотрудничестве Батенькова завели здесь небольшое хозяйство - кур, огород, садик и пр. Эту дачу Батеньков называл “Соломенным Хутором” и любил в уединении

проводить здесь время. “Я гощу теперь у себя, пишет он Штейнгелю 24 мая 1856 г., с неделю еще не загляну в город. Эта мена уединения и общежития стала для меня порядком; но если нужно будет его изменить, то уже, конечно, в пользу уединения”.

Старый холостяк, бесребренник, до последней степени скромный в своих привычках, он все, что имел, отдавал Лучшевым, считая себя членом этой семьи. В письмах к тому же другу 16 мая 1856 г. он пишет: ”Я бы продал что-нибудь, если б имел хоть нитку не общую и не строго потребную для обыденного употребления. А знаешь ли ты, что я во всю жизнь мою ничего не продавал? В старой Греции это сделало бы меня основателем школы. Все купленное и не вошедшее в употребление, или вышедшее из него - я раздаю; вообще покупаю не для себя, а в общину. Так и мысль стоит: завожу, чего дом и семья требуют. Сапоги ношу дотолы, пока все мастеровые откажутся их починивать; новые часто переходят к другим, не бывши и надеваны. Не люблю обнов, особливо на голове и на ногах. Прочего платья много; нет только шинели, и больно состарились шубы. Белье - моя главная роскошь. А дом требует сажень 150 дров, копен тысячу сена, пудов 700 овса и проч. по соразмерности; да одной услуги 10 человек на жаловании и содержании; хотя нас и двое, но в прошлом году была моя главная часть. Худо и понимаю, как Бог помогал доселе”. . . .

Ясно, что это меньше всего было нужно Батенькову, и благодетелем являлся он для Лучшевых, а не наоборот.

На место вывезенного из Томска на соломенный дома Лучшевы построили, как пишет А. Лучшев, три флигеля, на угловом месте против старого собора, которое теперь принадлежит П.И. Макушину, сломавшему старые Лучшевские постройки. Собственно здесь стояли не “три флигеля”, а двухэтажный дом на углу и два маленьких флигелька по три комнаты, один из которых стоял по Протопоповскому переулку, а другой - в глубине двора. Возможно, что этот флигелек и был жилищем Батенькова. П.И. Макушин подарил его Обществу сод. физич. развитию, перенесшему его на свой каток. Можно не сомневаться в том, что план этих зданий составлял и постройкой руководил Батеньков.

Жизнь в Томске не удовлетворяла Батенькова, несмотря на общую к нему любовь и уважение окружающих его людей, - он стоял целой головой выше их всех; его умственные и нравственные интересы были им чужды.

С переменной царствования, в нем просыпается надежда на свободу, мечта о которой сквозит чуть не в каждом письме его к друзьям. 4 июля 1856 г. он пишет Штейнгелю: “Что бы ни было, я употреблю все старания отсюда выехать, по крайней мере, на Иртыш или Тобол. Тяжко жить здесь, хотя большинство и не отказывает в доброй приязни. Меня ужасно тяготит отдаление; кажется, живу на самом краю света, а если еще вообразу Иркутск, то кровь леденеет. И за 10 верст нестерпимо подвинуться на восток”. . . А в письме от 27 июля к нему же пишет: “Восток был мне ласков и тепел, но я все в нем исчерпал, что только было моего. Неотразимо хочется приблизиться к другой стихии. Между прочим, мне сильно здесь надоела жадность к деньгам простого народа, оставляющего всякое дело в стороне и погубившего в себе все нравственные начала. . . Ореол, блиставший некогда над сибирским Сент-Франциско, осветил только широкий путь к разврату и, не создав светила, резко разделил между светом и тьмою. Мне покой нужен. Не разбросав денег здесь нельзя ничего делать. Общим правилом стало: захватить их вперед и придумывать, как избавиться от обязанности”. . .

В августе 1856 г., по случаю коронации Александра II, декабристы получили разрешение выехать из Сибири, хотя и с большими ограничениями. 4 октября Батеньков покинул Томск, направляясь в село Петрищево Тульской губ., к семье своего умершего друга Елагина, куда и прибыл 19 ноября, останавливаясь в Тобольске, Казани и Москве.

Тяготясь жить на счет хотя бы и близких ему людей, Батеньков стал хлопотать о возвращении отобранного у него в 1825 г. имущества, ценность которого, с возросшими процентами, определялась слишком в 20 тысяч р.хлопоты эти удались, он получил деньги и на часть их купил в Калуге небольшой домик, а за тем выписал из Томска вдову Эпенета Лучшева с двумя ее детьми, которых поместил в гимназию. Это было в 1857 г.

С 1859 г. разрешено бывшим декабристам проживать в столицах, чем Батеньков пользуется и начинает разъезжать то в Москву, то в Польшу, в Петербург и т. д.

В октябре 1863 г. он скончался от воспаления легких на 71 году. Дом и все свое имущество он завещал вдове Лучшева, приказав похоронить себя в Петрищеве, рядом со своим другом и боевым товарищем Ал. А. Елагиным, что и было исполнено.

Такова жизнь этого замечательного человека, единственного сибиряка среди декабристов.

Один из близких Томских приятелей Батенькова, Прядильщиков, так описывает его наружность и характер: Гавриил Степанович был довольно высокого роста, хорошо сложен, но от преклонных лет немного сутуловат. Черты лица имел правильные, несколько похожие на Наполеоновские - тот же лоб, прямой нос и подбородок. Взгляд задумчивый. Что касается характера, то редко можно было встретить человека, который бы так умел сдерживать свои страсти. Никогда ни о ком Г.С. не отзывался резко, видимо, со всеми желая сохранить согласие.

Память о Г.С. Батенькове наиболее свято чтит в Томске вдова Ник. Ив. Лучшева - Анна Михайловна, урожденная Любимова (сестра знаменитого томского полицеймейстера). Она хранила, как святыню, оставшиеся у нее мемуары Батенькова, которые, по словам И.Л. Фуксмана, приходилось ему не только видеть, но и читать, когда Лучшева жила в семье Фуксмана. А.М. Лучшева, больная старушка, после своей поездки за границу для лечения, поселилась, по возвращении в Томск, в семье купца Макарова (Макаровский переул.). Чувствуя приближение смерти, она зашила записки Батенькова в шелковую подушку и приказала положить их в гроб, под ее голову, когда она умрет. Несмотря на все увещания окружающих не делать этого, Лучшева взяла клятву с Пальмиры Альбертовны, второй жены Макарова, исполнить ее требование. "Это святой человек", заметила она

Клятва была дана и исполнена.

МАСОНЫ В ТОМСКЕ

Масонством именуется такое общественное движение, возникшее в начале XVIII стол., которое ставит своей целью нравственное облагораживание людей и объединение их на началах братской любви, равенства, взаимопомощи и верности. В Россию это движение передалось в 1731 г., когда стали возникать в разных местах ложи и развивать свою деятельность в том или ином направлении. Самые выдающиеся по образованию, уму, родовитости, положению люди вступали членами лож. Известно, каким сочувствием пользовалось масонство со стороны Петра III, Павла I, Александра I. В

масонстве находились корни того движения, которое вылилось впоследствии в заговор декабристов.

Я позволю себе сделать отступление от своей прямой задачи и остановлюсь на разъяснении, или, вернее, на восстановлении в памяти читателя представления о том, что такое масонство. Сделать это в настоящем случае я считаю необходимым потому, что в современном обществе и в органах печати, старающихся на него воздействовать, понятие “масон” и “масонство” совершенно извращены, и многими авторами и их легковверными читателями принимаются как бранные слова.

Для примера укажу на выступление, сделанное, можно сказать, на днях, Рязанским епископом Дмитрием против организации дня “Белой ромашки”. Председателю медицинского общества, устраивающему в Рязани сбор для борьбы с туберкулезом, преосвященный, вместо просимого благословения, назвал эту организацию “масонской затеей” и с церковной кафедры громил ее.

Все, так называемые, правые газеты, ведущие борьбу с еврейством, не иначе называют всех своих противников, к какой бы национальности, религии, партии они не принадлежали, как “масонами” и “жидо-масонами”.

Из этого ясно, насколько забыт смысл слова “масонство”.

Франк-масон в буквальном переводе значит - вольный (franc) каменщик (maçon).

В отдаленные времена (у некоторых писателей от построения Соломонова храма, а у других даже от Адама), при длившихся годами постройках церковных зданий, рабочие и художники объединялись в строительные товарищества, в союзы каменщиков, и поселялись около места постройки, а инструменты хранили в особых бараках, называвшихся по-английски Lodge (отсюда - “ложа”). С течением времени эти союзы выработали однообразную организацию, руководившуюся установленными правилами для взаимоотношений между ее членами, для разрешения споров, для приема новых товарищей, для сохранения в секрете различных приемов строительного искусства и т. п. Вместе с тем был установлен особый церемониал на разные случаи товарищеской жизни, а так как среди рабочих грамотных в то время не было, изобретены были особые условные, символические знаки, при помощи которых старались передать нужные указания только членам своей организации. В Германии эти товарищества или строительные ложи возникли в

12 веке и отсюда распространились в Англию, где достигли наибольшего расцвета благодаря тому, что здесь с конца 16 века получили доступ в ложи богатые и ученые люди и не принадлежавшие к строительному цеху, так называемые, “сторонние каменщики”. Эти последние в начале 18 в. задумали воспользоваться формой строительных товариществ и образовать символический союз строителей духовной жизни. На этих основаниях объединились четыре строительных ложи и образовали одну “великую английскую ложу”, для которой был выработан новый устав. В ложу стали принимать, в качестве членов, хороших верных людей, свободно-рожденных, не моложе 25 лет и притом с согласия всех присутствовавших при выборе; женщины в ложу не принимались. Технические выражения каменотесного ремесла, символика (циркуль, наугольник, молоток и пр.) и перешедшие к каменотесам знаки были сохранены в масонстве, так как соответствовали символическому возведению храма. Масоны сохранили также и одеяние каменотесов - передники, перчатки и шляпы. В основу масонского союза было положено нравственное совершенствование и объединение человечества. В “Книге уставов” масонов в числе основных законов являлись следующие: “Никакая частная ненависть или препирательства не должны вноситься в дверь ложи, а еще того менее препирательства о религии и о народах, так как мы, как каменщики, исповедуем только всеобщую религию, а также принадлежим ко всяким народам, наречиям или языкам...” “Каменщик есть мирный подданный гражданских властей; он не должен быть замешан в крамолы и заговоры против мира и благоденствия народа и никогда не должен преступать обязанностей против высших властей...”

В этих условиях масонство стало быстро распространяться по всем государствам Европы, проникло и в Америку. Самые видные по своему положению и образованию люди входили в состав лож и развивали их деятельность в течение всего 18 и 19 столетий. Распространению масонства в Германии больше всего способствовало вступление в союз наследного принца прусского, впоследствии короля Фридриха II; среди членов германских лож состояло семь государей; в Австрии - покровительство Франца I; во Франции великим мастером был герцог Орлеанский; Наполеон I, хотя и не признавал официально масонства, но, тем не менее, назначил своего брата Иосифа великим мастером. В Англии герцог Суссекский (дядя королевы Виктории) в

течение 30 лет состоял великим мастером Великой Английской ложи. Шведский король и его брат стояли во главе масонства в Швеции. В России Петр III учредил ложу в Ораниенбауме, а в 1777 году шведский король приезжал в Петербург для посвящения в масоны великого князя Павла Петровича, покровительствовавшего масонам и во время своего царствования, при Александре же I начался расцвет масонства в России. Наряду с коронованными особами в масонстве принимали участие Вольтер, Моцарт, Гайдн, Франклин, Вашингтон, Гете, Фихте, Виланд, Берне, Гарибальди и мн. др.

За время своего долгого существования, масонство переживало в разных странах различные перипетии и кризисы, вызывавшиеся как внутренними причинами, к которым относятся разногласия членов, отклонения от основных принципов и пр., так и внешними, в виде преследования со стороны властей по религиозным и политическим основаниям, но, несмотря на это, масонство имело огромное культурное значение в Европе и принесло пользу уже тем, что облагораживало нравы и содействовало просвещению. Всечеловечность масонского братства, братское соединение всех чистых, честных и высоконравственных людей оставались всегда основным принципом масонского союза.

Самую видную стороною деятельности масонов является благотворительность. Ложи создавали учреждения, порою весьма грандиозные, для всеобщего пользования. Они строили больницы, приюты для слепых, воскресные школы, учебные заведения, основывали фонды для бедных невест и т. п.; во время войн и других народных бедствий первыми откликались со своими щедрыми пожертвованиями и деятельной помощью.

В Западной Европе это движение существует и теперь, как показывает статистика. К началу 20 века насчитывалось лож: в Англии около 3.200, во Франции - около 500, в Германии - около 600 (в 440 Иоанновых ложах насчитывается около 47.000 членов); в Ирландии - 410, в Шотландии - 625, в Италии - 177, в Швеции - 37 с 11.000 членов, в Швейцарии - 33, в Венгрии - 52 ложи.

Возвращаюсь к прерванному рассказу о распространении масонского движения и в пределах Сибири.

Докатилось оно и до Сибири. В Томске была учреждена, единственная в Сибири, масонская ложа, носившая название “Восточное Светило”. Мастером этой ложи, т.е. главой ее был, между прочим, упомянутый выше Трейблют. К этой ложе принадлежали из местных купцов Поповы, Христофор и Андрей. У дочери первого из них, Татьяны Христофоровны, вышедшей замуж за писателя Н.И. Наумова, сохранялся, в качестве реликвии, стаканчик из зеленого сукна грубой работы, с масонскими знаками, присвоенными Томской ложе. Андрей Попов, известный основатель Томского общественного банка, также, кажется, был масоном. Сибиряк-декабрист Батеньков Г.С. состоял в числе основателей Томской ложи. Он, по просьбе Казанского профессора, историка Ешевского, составил особую записку, представляющую весьма ценный материал для истории этого движения; воспоминания о масонстве Батенькова напечатаны были А.Н. Пыпиным целиком в его исследовании.¹⁴ Вероятно, Томская масонская ложа насчитывала в своем составе более или менее значительный круг лиц, только достаточных сведений об этом, а равно и о деятельности ложи мы не имеем. Было бы очень поучительно собрать относящийся сюда материал.

Считаю, поэтому, не лишним познакомить читателя с теми сведениями о Томской ложе, какие имеются в литературе.

Ложа “Восточного Светила” (или как она еще называлась “Восточного Светила на востоке Томска”) была основана 30 августа 1818 г., как означено и на ее печати, изображающей горящий факел в треугольнике, на который спадают идущие от факела ленты, и под которым означено время основания - 30 УІ 5818. Основателями ложи были: Н.П. Горлов, И.Х. Трейблют, Ф.И. Гонигман, И.Н. Нимейер, К.Х. Трейблют, И.Г. Иванов, Г.Ст. Батеньков. Ложа работала по древней английской системе, на русском языке. Днями работ, по спискам 1820 и 1821 г.г., были первый и третий четверг каждого месяца. В списке 19 мая 1821 г. в этой ложе значатся следующие должностные лица: Управляющий мастер - Ник. Петр. Горлов, стат. совет., Томский вице-губернатор; Наместный мастер Иоган фон Трейблют, генерал-майор; 1-й Надзиратель Фед. Ив. Гонигман, Томский ветеринарный врач; 2-й Надзиратель - Ос. Ив. Балюра-Кондратьев, совет. Томск. граж. и уголовн. суда; Секретарь - Ив. Ив. Коновалов, секретарь Томской казенной экспедиции; Вития - Вас. Мих.

¹⁴ Материалы для истории масонских лож. “Вест. Европы”, 1872, кн. 7.

Кобылин, ассесор губернского правления. Остальные члены состояли из местных чиновников; тут были земские врачи, военный штаб-лекарь, главный смотритель при водворении поселенцев, смотритель градской больницы, земский исправник и т. д. Батеньков, прежде бывший секретарем этой ложи, в это время отсутствовал (уехал в Таганрог).

Томская ложа находилась в союзе так называемой “Великой Ложы Астреи” в Петербурге, и потому у нее был здесь свой - “Наместный Представитель”; в качестве такого представителя состоял несколько лет Н.И. Кусов, живший в Петербурге, но имевший связи с Томскими масонами. Сам Кусов принадлежал к Петербургской ложе “Избранного Михаила”. В 1820 г. кроме Кусова избран был вторым представителем Томской ложи граф Влад. Петр. Толстой. Старший мастер ложи Н.П. Горлов, после трех лет службы, был избран почетным членом Астреи, т. е. удостоился высшего звания, о каком мог мечтать каждый масон. Трейблют пишет по этому поводу из Томска от 1 июля 1821 г.: “мы все обрадованы тем очень. Это подает и мне надежду, по выслужении сего 4-го года в моем звании удостоиться сей отличной чести, которую, думаю, не совсем я не заслуживаю, будучи первою причиною основания здесь ложи, а на 4-й год будучи избран мастером”.

В последнем письме в Петербург, какое известно, от 12 августа 1821 г., масоны пишут, между прочим, о Батенькове: “Теперь находится у вас в Петербурге один из достойных членов (ложи) нашей, инженеров путей сообщения майор Гавр. Степ. Батеньков. Он в свите сибирского генерал-губернатора М.М. Сперанского.

Я адресовал его к вам в той надежде, что вы скажете мне спасибо за знакомство с сим достойным братом. По письму его вижу, что он не успел еще быть у вас, будучи занят делами”.

Томская ложа действовала до конца 1821 г., судя по уцелевшей ее переписке с Петербургом. С 1822 г. масонство начали преследовать, ложи закрывать, членов их высылать и арестовывать; поэтому, если деятельность лож и продолжалась, то она обставлена была еще большими предосторожностями и таинственностью, чем какие практиковались до этого.

Вторая половина пятидесятых и шестидесятые годы были временем зарождения и заметной деятельности собственной сибирской интеллигенции, проникнутой горячей любовью к своей стране, ясным сознанием ее отсталости и бесправия и стремлением приобщить Сибирь к благам, достигнутым более культурными странами. Это новое для Сибири явление - зарождение собственной интеллигенции - было отмечено образованием кружков, работа которых состояла в самообразовании, в изучении различных сторон сибирской жизни, в публичных выступлениях как в печати, так и в публичных чтениях.

В этой полосе жизни в Сибири Томск занимал одно из самых видных мест. Ему принадлежит целый ряд имен, многие из которых получили впоследствии широкую известность. Таковы Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, Н.И. Наумов, И.А. Кущевский, С.С. Шашков, кн. Н.А. Костров, Е.Я. Колосов, Ф.П. Любимов, Н.В. Берг и др.

Г.Н. Потанин

Само собою разумеется, что в настоящем очерке я не имею в виду давать биографию этого большого человека, а хочу остановиться больше на тех моментах его жизни, которые непосредственно связаны с Томском. Все другие сведения приводятся здесь кратко, как это мною сделано по отношению ко всем действующим лицам моих очерков, для целостности представления читателя, чтоб выхваченный из жизни эпизод являлся логически связанным с предыдущей и последующей деятельностью.

Григорий Николаевич Потанин родился 21 января 1835 г. в станице Ямышевской (теперь казачий поселок на правом берегу Иртыша, верст 50 выше Павлодара). Это один из самых древних опорных пунктов на Иртыше в борьбе русских с джунгарами; здесь еще в XVIII веке происходила ярмарка, и съезжались бухарцы, о богатых караванах которых слышал и Ермак и его вольница; здесь и была устроена крепость, игравшая большую роль в следующем XVIII столетии. Этот пункт прославило находящееся около него соляное озеро Ямышевское, когда-то снабжавшее солью Сибирь.

Детские годы Г.Н. Потанин провел на Иртыше, на окраине беспредельной киргизской степи, частью в станице Семиарской, у своего родного дяди по отцу

Дмитрия Ильича Потанина. Этот Дмитрий Ильич был командиром полка на Иртышской линии и жил в большом достатке - у него было десять тысяч лошадей, числом которых определялось в степи богатство и почет. Он уговорил своего брата, Николая Ильича, разжалованного в то время из есаулов в казаки и совсем разорившегося, привезти к нему на житье племянника. Между прочим, замечу, что Дмитрий Ильич был женат на родной сестре, гремевшего в свое время в Томске, золотопромышленника Ф.А. Горохова, о котором говорится ниже, Павле Александровне. Овдовев, она вышла потом замуж за барона Гильзена, о котором упоминалось в очерке о М.А. Бакуanine. Николай Ильич, желая почтить своего родственника, старика Горохова, водил к нему на поклон и своего сына, тогда уже 23-летнего юношу-офицера.

Десяти лет Григория Николаевича увезли в Омск для определения в кадетский корпус, который он окончил в 1852 г., выпущенный офицером. В течение около 7 лет, по окончании корпуса, он служил сначала хорунжим, а потом сотником и за последние годы службы, заинтересовавшись историей Сибири, усердно работал в Омском архиве, занимаясь разбором старинных актов по вопросу о колонизации Сибири русскими, а перед этим, в 1853 г., участвовал в первом походе в Заилийский край и в закладке города Верного. В Омске он познакомился с П.П. Семеновым, командированным Географическим Обществом для исследования горной системы Тянь-Шаня, и под влиянием этого знакомства пришел к мысли пополнить свое образование и подготовиться к научной деятельности.

П.П. Семенов, в предисловии к книге Потанина “Тангутско-Тибетская окраина Китая и центральная Монголия”, говорит: “Когда военная экспедиция переходила впервые реку Или, перед восприимчивым юношей поднялась внезапно из тумана величественная цепь Заилийского Алатау с ее седыми снежными вершинами: никому еще неизвестная, никем невиданная, она возбудила в талантливом юноше жажду знаний и стремление к исследованию стран неведомых. В 1855 г. Потанин увидел впервые и цветущие долины Алтая, где он был с вверенной ему сотней казаков. После таких интересных поездок, как не сделаться было талантливому юноше географом”.

В 1858 г. Потанин вышел в отставку и приехал в Томск к своим родственникам, в надежде при их помощи перебраться в Петербург для поступления в Университет, про себя решив уйти в столицу пешком, если

помощи и не получит. Лето этого года он прожил на приисках у своего родственника Гильзена, а зиму в Томске, где, как уже указано было выше, воспользовался поддержкой М.А. Бакунина в осуществлении заветного желания. В это время губернатором в Томске был Озерский, геолог, переводчик Мурчисона, составитель книги “Описание рудников” - капитального сочинения. Это был единственный в своем роде губернатор-ученый.

В 1859 г. Г.Н. Потанин уехал в Петербург и пробыл здесь около 4 лет. В зимние месяцы он слушал университетский курс по естественному отделению физико-математического факультета, а летом совершал экскурсии по р.р. Оке и Уралу, собирая главным образом ботанический материал. Но это - схема университетских занятий. Самое же интересное и ценное в годы Петербургской жизни заключалось во внутренней жизни сибирской молодежи, вдохновителем и руководителем которой явился Гр. Н. Потанин. Я остановлюсь несколько долее на этом периоде, хотя он и не имеет непосредственного отношения к Томску, куда Г.Н. явился уже подготовленным и сформировавшимся общественным работником.

Пусть об этом расскажет сам Ядринцев.¹⁵ “Я застал Потанина в квартире на Васильевском острове; помню его почти всегда расхаживавшего с книгою в комнате, увлеченного естествознанием, но читавшего также много по тогдашней литературе и знакомого уже с общественными вопросами. С первого разговора, я помню, речь зашла уже о сибиряках в Петербурге и о необходимости перезнакомиться. Потанин проповедовал сближение, как потребность чисто платоническую видеться с земляками, вспоминать родину и придумать, чем мы можем быть ей полезны. Идея сознательного служения краю в тот момент, когда в Европейской России пробуждалось тоже самосознание, вот идея, которая легла в основу нашего сближения. Мы отдавали друг другу отчеты о наших привязанностях, говорили, как о решенном вопросе, о нашем возвращении домой, хотя у меня не осталось близких родственников на родине, говорили, что те же намерения нужно поддерживать и в других... В беседах с Потаниным я не только сходил, но увлекался его умом, его планами, и он был для меня первым ментором, наставником; он же определил мое призвание. Я

¹⁵ Н. Ядринцев. Воспоминания о Томской гимназии. “Сибир. Сборн.” 1888 г.

фанатически последовал его патриотической идее, и мы начали развивать мысль среди товарищей о необходимости группирования... Понемногу мне представлял Потанин то студента-юриста, сибиряка, то естественника. Здесь были юристы Перфильев, братья Павлиновы, Крюков, Б-ский, Лосевы, Шестаков, технолог. Потанин, при всей своей кабинетности и несветскости, обладал завидною способностью не только сблизаться, но и угадывать характер и способности у земляков (талант всю жизнь не оставлявший его и давший не мало полезных слуг родине). Одного мне он рекомендовал как будущего техника в Сибири, другого, как талантливую музыканта, третьего, как химика, иных он отличал за их мягкую, симпатичную натуру. Он умел сблизать сибиряков, и не в одном университете. В академии художеств у него был уже знакомый художник из Иркутска, Песков, в это же самое время был в Петербурге и Федоров-Омулевский, с которым Потанин познакомился еще раньше через Щукина". Одно время компания сибиряков жила на одной квартире, занимая 4 комнаты; в одной жил Потанин со студентом Куклиным, иркутянином, в другой казачий офицер Ф.Н. Усов, в третьей Ядринцев с Наумовым и в четвертой - И.А.Худяков. Потанин, Куклин, Ядринцев и Наумов обедали вместе - "покупали картофель, варили в кухне у хозяйки и ели его с маслом - вот и весь наш обед в течение целой зимы", замечает Потанин, прибавляя, что самый бедный из компании, И.А. Худяков "питался только хлебом с маслом и больше ничего у него не было". Мысль сгруппироваться принадлежала Потанину. Ее подсказал прилив сибирской молодежи в Петербургский Университет, прилив, вызванный общим стремлением к центру умственной жизни, а отчасти закрытием в Казани Камерального факультета.

Сибиряки перезнакомились и результатом этого было первое собрание сибиряков различных учебных заведений на квартире одного из студентов. "Сходка вышла шумная и оживленная", рассказывает Ядринцев:¹⁶ "в ней трудно было не заметить земляческих симпатий, хотя все это было крайне хаотично, нескладно и за шумом и разнообразием знакомств трудно было что-нибудь разобрать. Собиралось, помнится, человек 20. На этой сходке я видел бурятов Пирожкова, деликатную и уже интеллигентную личность, джентльмена в цилиндре, но с бурятским лицом; он изучал Гегеля и интересовался

¹⁶ "Восточн. Обозр.", 1884 г., № 6.

философией. Здесь я познакомился с И.В. Федоровым-Омулевским, веселым, розовым юношей, с золотыми кудрями до плеч, в художническом, бархатном сюртучке; здесь присутствовал симпатичный юрист Н.М. Павлинов с рафаэлевской головой; целая группа казанских буршей шумела со своей необузданной веселостью. Среди сибиряков были и не сибиряки: знакомый Потанина, товарищ студентов, незабвенный художник Джогин, выступавший с талантливыми пейзажами; не помню, был ли здесь И.И. Шишкин, тоже наш знакомый; наконец, присутствовал какой-то филолог Смирнов.

На этом вечере не было ни подготовленных заранее вопросов, ни организованных словопрений и речей, все носило товарищески-семейный характер. В конце, после первых знакомств и шумных земляческих излияний, невольно выступил вопрос о поддержании сношений между земляками, а также о продолжении собраний; подобная мысль была, конечно, единодушно принята... Действительно, вслед за тем последовал другой и третий вечер... Решившись собираться, никто не спрашивал: зачем и для чего. Этот вопрос казался молчаливо решенным “земляками”... Наиболее заинтересованные судьбою этого сближения чувствовали потребность мысли, идеи и даже какой-нибудь практической задачи... начинали думать о судьбе своей родины, ее интересах и будущей деятельности в крае. Помню, что на этих собраниях впервые раздался вопрос о значении в крае университета и необходимости его для Сибири. Мысль эта всем пришлась по душе... В юном воображении нам представлялся уже университет открытым, мы представляли его в виде роскошного здания, к которому стеклись все разнообразные произведения нашей родины. Портик должен быть из белого мрамора с золотою надписью: “Сибирский Университет”; кругом сад, в котором сосредоточивается вся сибирская флора. В кабинеты доставлены коллекции со всей Сибири, общественная подписка дала огромные средства. Аудитория кишит народом, где мы встречаем, рядом с плотными и коренастыми сибиряками, наших инородцев - наш друг Пирожков, изучивший философию Гегеля, был для нас примером; университет привлечет японцев и китайцев, говорили другие... Так развивалась мечта... Здесь же, в товарищеских разговорах развивалась мысль о необходимости подготовки к будущей деятельности в Сибири, о необходимости изучать край и читать о нем сочинения, явилась мысль составлять библиографию сибирских книг, причем Потанин брался руководить этим делом.

Тот же Потанин советовал издать календарь или памятную книжку и рекомендовал мне быть издателем... Говорили о будущем журнале, газете, словом, вопросы росли. В конце все соединились на убеждении и вере, что нашей окраине предстоит блестящая будущность... Собрания длились года два при мне... В тех собраниях, о которых вспоминаю я, сближение началось между лицами разных учебных заведений и профессий. Здесь были медицинские студенты, братья Черемшанские, впоследствии медики, студенты университета, технологи, появлялись студенты духовной академии, художники, был военный и кадет горного института... Это первое сближение оставило свой след на душе многих, оно вспоминалось не раз в жизни, может быть, некоторые были обязаны ему сознательным отношением в своей деятельности на родине”...

Кроме указанных Ядринцевым причин образования патриотического землячества большую роль в этом сыграли лекции Костомарова - историка-областника, настойчиво проводившего мысль о федеративном устройстве славянских племен, а также лекции Щапова о значении областности, как самого жизненного, господствующего начала в историческом развитии народа.

Руководимое Г.Н. Потаниным землячество, вращаясь в сфере этих идей и горячо обсуждая вытекавшие отсюда вопросы, положило конец отливу сибирской молодежи из своей страны и прониклось сознанием долга возвращаться домой, по получении образования, для работы на местах.

“Пылкие и горячие”, - говорит Ядринцев, - “мы давали клятвы возвратиться на родину, служить ей беззаветно... Мы представляли ее, в настоящем пустынную, бедную и убогую - нарядною и богатою в будущем; невежественную - образованной, усеянной школами; вместо несчастной, слышавшей только звон цепей и проклятия ссыльных, мы рисовали себе ее населенною, свободною, жизнерадостною и ликующею; мы называли эту страну “страною будущего”.¹⁷ Мы мечтали о счастливой будущности нового девственного края, подобно Америке и Австралии, перечисляли неисчислимые ее богатства, рисовали ее в будущем видным мировым рынком, царицей Азии. Широкие исторические перспективы открылись нашему духовному взору”.

¹⁷ Такою она и представляется в докладе проф. М.И. Боголепова, сделанном 7 апреля н. г. в Томском Обществе Изучения Сибири, не на основании иллюзий молодых патриотов шестидесятых годов, а на основании фактов современной действительности. Авт.

Университетские события 1861 г. неожиданно прервали работу сибирского землячества. 20 декабря Университет был закрыт, а Г.Н. Потанин, вместе со многими другими студентами, арестован и посажен в Петропавловскую крепость. Просидев здесь два месяца, в 1862 г., уехал в Омск и здесь вскоре приглашен был, в качестве переводчика и натуралиста, для участия в разграничительной экспедиции К.В.Струве. Через год по возвращении из Петербурга в Омск он уже выехал в экспедицию и по окончании ее в 1864 г. возвратился в Омск.

К.В. Струве поселился в одной квартире со своим близким знакомым М.Г. Лерхе, адъютантом командира отдельного сибирского корпуса Дюгамеля, родным братом Томского губернатора Лерхе. Г.Н. Потанин, оставшись не у дел по окончании экспедиции, обратился к Струве с просьбой рекомендовать его генерал-губернатору Дюгамелю на должность Секретаря Томского Статистического Комитета.

Дюгамель охотно исполнил это желание и написал письмо губернатору Лерхе, который не замедлил ответить согласием, выразив удовольствие, с которым он сделает это назначение.

В том же 1864 г. Г.Н. Потанин переселяется в Томск, в качестве Секретаря Статистического Комитета и устраивается на квартире в доме Кандинского на Почтамтской улице, где теперь стоит дом И.Л. Фуксмана.. В то время на этом месте находился по правую сторону ворот низменный одноэтажный дом с лавочкой (где в 1884 г. была убита семья Кана из 6 человек), а по левую сторону двухэтажный дом, часть которого обслуживала надобности постоянного двора, содержащегося Кандинским, а отдельные комнаты сдавались одиноким жильцам.

Недолго пришлось Г.Н. Потанину прожить в Томске, всего до весны 1865 г., но и за короткий промежуток пребывания здесь он успел развернуть свой организаторский талант и сделать эту полосу в жизни самого Томска достаточно яркой.

Прежде всего, он свел близкое знакомство с наиболее выдающимся в городе человеком, учителем гимназии Д.Л. Кузнецовым, основавшим при Томской мужской гимназии публичную библиотеку, редактировавшим "Томские Губ. Вед." и работавшим в местных архивах над извлечением наиболее ценных материалов для истории Сибири ХУП и ХУШ ст.

Г.Н. Потанин, познакомившись с деятельностью Кузнецова, а на его вечеринках завязав новые знакомства, тотчас же выписывает Ядринцева из Омска, убеждая его использовать возможность сотрудничества в “Том. Губ. Ведом.”. Как об этом будет рассказано ниже, Ядринцев переселился в Томск и с первого же номера “Губ. Ведом.” за 1865 г. принялся за горячую газетную работу.

Скоро Г.Н. Потанин стал известен в некоторых томских кругах, и знакомства с ним начинают искать. Так завязалось, между прочим, знакомство с Е.Я. Колосовым, отставным артиллерийским поручиком, открывшим частную школу в Томске. Григ. Ник. припоминает эту первую встречу. Томск в ту пору уличного освещения не имел, мощение улиц не практиковалось, поэтому можно себе представить, в какой невероятной грязи и тьме утопал город в темные ненастные осенние вечера. Путешествие по городу сопрягалось с величайшими затруднениями и совершалось по вечерам лишь по крайней необходимости. Как-то вечером хозяйка доложила Григ. Ник-чу, что во двор его спрашивает какой-то человек. Г.Н. вышел в сени и здесь увидел высокого молодого человека в больших сапогах и с фонарем в руках. Это был Колосов, водивший обширное знакомство с молодежью, особенно семинарской, и имевший на нее большое влияние.

Зимой того же 1864/5 г. Г.Н. Потанин, увидев, какую энергичную деятельность развивает в Красноярске С.С. Шашков, тотчас же написал ему приглашение приехать в Томск и прочитать несколько публичных лекций по истории Сибири. Не надо забывать, что в шестидесятые годы это было не так просто и легко осуществимо, как теперь. Тогда публичные лекции для Томска были небывалым еще делом, местная публика не имела об этом никакого понятия и если собиралась в клубы, так только для того, чтобы потанцевать и поиграть в фанты или сразиться в стуколку, рамс или преферанс. В то время, чтоб переехать из Томска в Красноярск, надо было сделать 500 верст по убийственному Иркутскому тракту, затратив несколько дней времени и немало средств на это путешествие, с риском сломить шею, а то и попасть в руки грабителей на большой дороге. Шашков приехал и прочитал пять лекций, подняв общественное настроение на небывалую высоту.

Таким образом, Г.Н. Потанин стал фокусом местной умственной жизни, объединяя и собирая все, что могло служить просвещению и развитию масс и

поднятию их умственного уровня. В то время он вел и свои научные занятия, собирая, как натуралист, разнообразный естественноисторический материал в окрестностях Томска, собирая и архивный материал, столь необходимый для пополнения бесчисленных пробелов в истории Сибири. Но вся эта деятельность скоро прервалась. Весной 1865 г. Г.Н. Потанин, вместе со своими друзьями Н.М. Ядринцевым и Е.Я. Колосовым, во время их естественноисторической экскурсии на заимке Пичугина, были арестованы и увезены в город, где их обыскали и захватили их бумаги, а через три дня отправили в Омск.

Началось возмутительное по своей необоснованности “Дело о злонамеренных действиях некоторых молодых людей, стремившихся к ниспровержению существующего в Сибири порядка управления и к отделению ее от империи”. Усердствуя не по разуму, как это ясно теперь будет для всякого, кто познакомится со следственным деломпроизводством, хранящимся в Омском архиве, комиссия из генералов Панова и Пилино, Рыкачева и К^о произвела многочисленные аресты юных патриотов, начиная с 12-летнего возраста, в Омске, Томске, Красноярске, Иркутске, Москве, Петербурге, и, продержав их три года в Омской гауптвахте, довела, наконец, это дело до жестокого приговора, по которому больше всех досталось Г.Н. Потанину: он поплатился 5-летними каторжными работами в Свеаборге и ссылкой в Никольск, Вологодской губ., а некоторые из остальных - пятилетней ссылкой в Архангельскую губ. Восемь с половиной лет физических страданий и лишений, оторванности от работы на пользу своей родины! А за что? “Что мы могли отвечать на вопросы следственной комиссии”, - пишет в своей автобиографии (рукопись) Ядринцев. “В нашем сердце было искреннее желание мирного блага нашей забытой родине; нашу мечтою было ее просвещение, гражданское преуспеяние. Мы отвечали, что желаем Сибири нового гласного суда, земства, большей гласности, поощрения промышленности, больших прав инородцев. Что тут было преступного? Что было преступного в горячей любви к своей родине? Но здесь патриотизм был принят за сепаратизм”.

Г.Н. Потанин, сидя в Омске в тюрьме и на гауптвахте, выхлопотал право разбирать областной архив и работал над ним вместе с друзьями. Извлеченные им материалы по истории Сибири XVIII и XIX веков были напечатаны в 66 и

67 г.г. в “Чтениях Общества Истории и Древностей российских”. Во время же ссылки он вел деятельную переписку с друзьями, писал статьи в “Камско-Волжскую газету”, основанную в 1872 г. в Казани, собирал материал для Географического Общества и продолжал свое самообразование чтением. В 1874 г., по ходатайству И.Р. Географического Общества, или, точнее, П.П. Семенова, Гр. Ник. получил полное помилование, с возвращением всех прав, и приехал в Петербург. Перед этим он женился на А.В. Лаврской, приезжавшей в Никольск к сосланному туда ее брату, известному в свое время казанскому литератору-областнику.

В Петербурге он тотчас же принялся за огромный труд - составление дополнения к третьему тому Риттеровой Азии, предпринятый Географическим обществом. Третий том основного труда Риттера “Землеведение Азии” в русском издании составляет 572 страницы; том же дополнений, сделанных Потаниным и вышедших из печати в 1877 г., составляет 742 страницы. Сдав в печать рукопись, Потанин, по поручению Географич. Общества, готовится и снаряжается в двухлетнее путешествие в северо-западную Монголию, которое было им исполнено в 1876 и 77 г.г. Возвратившись в Петербург и обработав материал, уложенный в два тома “Очерков северо-западной Монголии”, он в то же время готовится к новому путешествию в Монголию, совершенному в 1879-80 г.г. и, по возвращении в Петербург, прибавляет к первым двум томам еще два.

В 1883 г., по поручению также Географич. Общества, Г.Н. Потанин отправляется в новую экспедицию, в срединный Китай, в провинции Ганьсу и Ордос и окраины Тибета. Из экспедиции, длившейся три года, он возвращается в Петербург лишь в 1886 г. и в течение нескольких лет занимается обработкой громадного материала. В 1892 г. он отправляется в новое путешествие, для продолжения изучения Тибета, но успел лишь пройти через Ордос и обследовать Сы-чуань. Болезнь его жены, Александры Викторовны, а затем и кончина ее 19 сентября 1893 г. на пути в Шанхай (А.В. была вывезена экспедицией и погребена в Кяхте) заставила Гр. Н-ча вернуться, сотрудники же его - зоолог М.М. Березовский и геолог В.А. Обручев - остались в Центральной Азии и продолжали работы.

Это было последнее путешествие, Г. Н-ч осиротел. Следующие 5 лет он прожил в Петербурге, а затем переселился в Иркутск, потом Красноярск и, наконец, с 1902 г. окончательно утвердился в Томске.

Обеспеченный за его огромные научные заслуги скромной пенсией, едва достаточной для одинокого человека, Г. Н-ч в Сибири остается деятельным сотрудником Отделов Географического Общества, сотрудником газет, возбудителем широкой просветительной деятельности, инициатором крупнейших начинаний.

Не настало время говорить об этом подробно, но можно упомянуть, что, например, в Томске, по его инициативе и при его ближайшем руководительстве и сотрудничестве, возникло в 1903 г. “Иллюстрированное приложение” к воскресным номерам “Сибирской жизни”, при его ближайшем участии возник Музей прикладных знаний при Общ-ве попеч. о начальн. образовании и такие организации, как “Общество изучения Сибири” и “Литературно-художественный кружок”, “Высшие женские курсы”, “Сибирский Кружок студентов Томского Университета” и т.д.

Д. Л. Кузнецов

Имя, которое совсем забыто, - разве кто из старых томичей смутно его припомнит. А между тем оно заслуживает памяти.

Дмитрий Львович Кузнецов, по окончании Казанской Духовной Академии, по совету писателя-сибиряка Гр. Зах. Елисеева, в шестидесятых годах устроился учителем словесности в Томской мужской гимназии и в то же время состоял редактором неофициальной части “Томских Губернских Ведомостей”. В ту пору Дмитрий Львович был не только украшением гимназии, а и центром, к которому стремилось все хорошее и светлое. Он устроил при гимназии публичную библиотеку, первую в Томске, сыгравшую огромную роль. В 1863-4 г.г. Кузнецов устраивал по субботам вечеринки, на которых бывали гимназистка Анна Яковлевна Капустина, две барышни Поповы, дочери тогдашнего директора гимназии - все родственники, Гр. Н. Потанин, Н.М. Ядринцев и др.

Прерву немного свой рассказ, чтобы ближе познакомить читателя с действующими лицами и показать, какая между ними была связь.

В описываемое время и несколько раньше в Главном Управлении Западной Сибири в Омске, служил советником Яков Капустин. Он служил раньше в Тобольске, откуда, кажется, был и родом. Семейное предание даже рассказывает, что в его жилах течет и остяцкая кровь. Яков Капустин был женат на родной сестре нашего знаменитого химика Менделеева, Екатерине Ивановне. В 1854-55 годах дом Капустиных в Омске представлял салон, в котором собиралась молодежь с высшим образованием, занимавшаяся литературой, живописью и пр. Все проезжавшие через Омск образованные люди-путешественники, политические ссыльные и пр. обязательно вводились в этот салон. Петрашевец Дуров, сидевший в Омском остроге вместе с Достоевским, не иначе называл Екатерину Ивановну, как “святая женщина”. У супругов Капустиных были дети: Михаил - ныне товарищ председателя Государственной Думы; Федор - много лет бывший профессором физики в Томском университете, Евдокия же - вышедшая замуж за учителя Ив. К. Смирнова, и - Анна, в описываемое время гимназистка, а потом... (?). Иван Кузьмич был потом директором Томской гимназии, затем Иркутской, инспектором Технологического Института в Петербурге, но ушел оттуда, не желая применять к студентам строгости, каких требовало министерство, и, наконец, членом Ученого Комитета при Министерстве Народного Просвещения. Смирновы - родители довольно известного у нас археолога Якова Ивановича Смирнова, работающего в Эрмитаже.

Отец упомянутых барышень Поповых, директор гимназии, был женат на другой сестре Менделеева. Третья Менделеева была замужем за декабристом Басаргиным; похоронив мужа, она, в описываемое время, жила в Томске, в верхнем этаже Ядринцевского дома.

Возвращаюсь к прерванному рассказу.

На вечеринках у Кузнецова прежде всего обсуждались вопросы, над разработкой которых останавливался хозяин, обсуждались дела руководимой им газеты, т.е. “Туб. Ведом.”, намечались исследования, статьи и т.п. Общие вопросы о политике, либерализме, современных событиях в литературе и жизни также были предметом внимания собиравшихся на вечеринки. Весьма естественно, что как Потанин, в то время секретарь Томского Статистического Комитета, так и Ядринцев стали сотрудниками редактируемых Кузнецовым

“Ведомостей”. Вместе же все в 1864 г. они и были арестованы и посажены в тюрьму.

Чтобы показать, какая область больше всего интересовала Д.Л. Кузнецова и над чем он трудился, приведу перечень его статей, помещенных в “Томск. Губ. Ведом.”. Работы Кузнецова сосредоточивались над архивными документами 1655 и 1656 г.г. и конца 18 ст. и на вопросах близкого ему учебного дела.

Списки с Нарымской, Кузнецкой и Красноярской окладных книг - в № 26 за 1863 г. и список с Енисейской окладной книги - в №№ 10-12 за 1864 г. - Отчет о приходе и расходе сумм Кетского острога - в № 8 за 1862 г. Материалы для истории Сибири. Сборная книга ясаку 1692 г. - в №№ 13-18 и 24 за 1864 г. Из старой сибирской жизни. Доношение свящ. Степ. Копылова (1739) - в № 47 за 1863 г. - О сибирском казачестве - в №№ 38 и 47 за 1863 г. О выгодах географического положения города Томска - в № 42 за 1836 г. Сибирские народные присловья - в № 25 за 1863 г. Об училищах Томской дирекции за последнее пятилетие - в №№ 13-16, 18, 19, 21 и 23 за 1863 г. О постановлениях педагогического Совета Томской Гимназии, имеющих отношение к обществу - в № 40 за 1864 г. Мысли об устройстве в Томске ремесленной школы - в №№ 14-15 за 1865 г. - Об открытии в Томске Мариинской Женской Гимназии - в № 36 за 1863 г. - Границы Колыванского Наместничества в конце 18 ст. - в № 23 за 1864 г. - Положение беглых рабочих с золот. промыслов среди сибирской тайги (из подлинных записок бродяги) - в №№ 45, 47 и 48 за 1863 г. - Хлебопашество в Нарымском крае в половине 18 ст. - в № 31 за 1864 г. - Соляная операция в Колыванском Наместничестве в конце 18 ст. - в № 19 и 21 за 1864 г.

Д.Л. Кузнецов, работая над архивными документами в Томске, сделал обширные выписки из архива Томского мужского Алексеевского монастыря и увез этот материал с собою в Омск, когда был арестован. Сидя в тюрьме, он подготовил эти выписки к печати, как “Материалы для истории Сибири” в статье, которая открывалась подобными же выписками из архива Областного Правления, именно, выписками, сделанными Г.Н. Потаниным из Киндермановского архива, начинавшегося 1745 годом. С.С. Шашков, сидевший

в тюрьме с товарищами, как трудолюбивый человек, к тому же пользовавшийся этим материалом для своих исторических статей (Рабство в Сибири, Иностранческий вопрос и т.п.), переписал все это для отправки в “Чтения Московского Обществ. любит. древней письменности”, где эти материалы были напечатаны, но, по оплошности, не отметил, что выписки из архива Алексеевского монастыря принадлежат Д.Л. Кузнецову.

Пользуюсь случаем указать на эту оплошность.

Н. М. Ядринцев¹⁸

В мои планы, конечно, не входит пересказ автобиографии крупнейшего печальника о Сибири. Я остановлюсь здесь лишь на годах детства и учения, проведенных Ядринцевым в Томске, и на той роли, какую он впоследствии играл в общественной жизни Томска, куда неоднократно заезжал. В Томск Н.М. приехал вместе с родителями, переселившимися из Тюмени, десятилетним мальчиком в 1851 году. “Помню,-пишет Н.М. в своих воспоминаниях,- въезд в этот город, который с детства оставил во мне самые приятные, самые нежные воспоминания. Мы приехали в большой дом, расположенный среди прекрасного сада, в конце города, на Песках¹⁹; против возвышалась гора с большим крестом наверху (Шведская гора с могилой Томского Коменданта); внизу горы ключ, на который мы часто ходили. Это была первая поэтическая

¹⁸ М и х. Л е м к е. Николай Михайлович Ядринцев. Биографический очерк. К 10-летию со дня кончины. Изд. редакции газеты “Восточ. Обозр.” СПб., 1904 г. Эта книга главным образом дала материал для настоящего очерка. Пользуюсь случаем, чтобы внести некоторые поправки в приложенный в конце этой книги “Хронологический перечень сочинений Н.М.Ядринцева”. На стр. 208 отмечена статья “Нужны ли реформы Сибири. (Письмо из Томска)”, напечатанная в № 47 газ. “Молва” за 1881 г. Статья эта принадлежит мне и написана в Томске, после моего переезда сюда из Иркутска, с полномочиями редакции “Сибири” попытаться перенести издание газеты в Томск. Статья была написана под впечатлением катастрофы, разразившейся над газетой в 1880 г. Вот почему падает и замечание составителя книги на счет противоречия в изложении Ядринцевым истории газеты “Сибирь” в его автобиографии и в названной статье “Молвы”; в примечании на стр. 104 Лемке говорит: “Ошибка Н.М. тем более странна, что он же сам верно изложил историю “Сибири” и в “Молве” за 1881 год”.

На стр. 209 отмечена статья “Исследования Сибири и Губернские Ведомости”, помещенная в № 6 “Вост. Обозр.” за 1882 г.; статья эта также принадлежит мне. Автор.

¹⁹ Снимок с этого дома помещен в иллюстрированном приложении к № 121 “Сиб. Жизни” за 1903 г. Это был угловой дом на Миллионной улице и Хомяковском переулке, по той же линии, где и Бесплатная Библиотека. Дома этого не существует больше.

обстановка моего детства, в связи с другими картинами содействовавшая моим романтическим наклонностям. Я помню этот сад и тихие летние вечера, прекрасную зелень, цветы, фантастические дорожки. Отец играет на балконе на флейте; звуки льются в вечернем воздухе; мать сидит и очищает спелые ягоды клубники. Мы носимся, как саврасы, по аллеям сада...” Это продолжалось недолго. Н.М. отдали в новый пансион учителя французского языка, Прозоровского, для приготовления в гимназию. “Пансион этот представлял не столько педагогическое заведение, сколько маленькую инквизицию”, где злой учитель мучил детей и изобретал пытки, и выпускал идиотов, порочных людей и негодяев. Пробыв в пансионе 3 года, Н.М. поступил в третий класс гимназии, в 1854 г. “Как теперь помню,- рассказывает Н.И. Наумов,²⁰ - в ясный сентябрьский день инспектор гимназии, Прядильщиков, ввел в третий класс нового ученика, тщедушного на вид мальчика, в новеньком, с иголки, виц-мундире, прекрасно сшитом и сидевшем на стройной фигурке его, в брючках со штрипками и в лакированных сапогах. Беленький, тщательно вымытый, причесанный и раздушенный, он своей фигурой составлял крайне резкий контраст с одерганным населением класса, ходившим вечно в стоптанных и порыжевших от времени сапогах, усеянных заплатами, в дырявых виц-мундирах с оторванными или висевшими наподобие маятников пуговицами... с физиономиями, украшенными шишками и синяками от постоянных драк, с волосами на голове, торчащими дыбом от таски сотоварищей и наставников. По странной случайности, приведенного новичка посадили рядом со мной. Это был Ядринцев”. Около этого времени Н.М. знакомится, а потом сближается с Д. Поникаровским, учащимся классом старше. Вообще же Н.М. быстро завязал дружеские отношения с товарищами по гимназии. Через год Н. М-чу пришлось расстаться с Наумовым, который, не имея средств учиться, вышел из 4 класса и поступил вольноопределяющимся в Омск. В 1858 г. умер отец Ядринцева, но это горе было смягчено для него тем, что в это самое время в Томск переехал переведенный на службу его старый приятель Н.И. Наумов. Между тремя приятелями возникла мысль устроить литературные чтения по воскресеньям, с тем, чтобы к каждому вечеру каждый что-нибудь написал. Собирались у

²⁰ Н. И. Наумов. Н.М. Ядринцев в Томской гимназии. “Сибир. Сборн.”, 1895 г., № 4, стр. 1-2.

Поникаровского. Такие книги, как “Современник” и “Отеч. Записки” читали до дыр, а Белинского знали лучше, чем учитель словесности. Так и текла жизнь Н.М., ровная, спокойная. Перейдя в 7-ой класс, он все больше мечтал о поездке в Университет, но не потому, чтоб сознавалась важность переживаемого тогда Россией исторического момента, после крымского разгрома. Напротив, русские события, за отсутствием телеграфа, дальностью расстояния, непривычки к чтению, не задевали сибирское общество, находившееся в стороне от них; шли эти события мимо круга, в котором вращался Ядринцев. Из этого святого неведения случайно были выведены не только Ядринцев с товарищами, а и все томское сонное царство. В 1860 г. в Томске остановился проездом петербургский студент Николай Семенович Щукин, не кончивший университета и назначенный учителем в Ачинск. Случайно он поселился на квартире у Ядринцевых, в нижнем этаже, а вверху жила вдова с сыном. Воспроизведу, по воспоминаниям Ядринцева, впечатление, какое произвел Н.С. Щукин. “Придя из гимназии, я увидел Н.С. Щукина. Это был высокий молодой человек, весьма стройный, немного сутуловатый; большая курчавая голова, открытое лицо, несколько вздернутый нос, на котором были очки, самоуверенный быстрый взгляд, уверенная усмешка на губах и чуть заметная борода, производили приятное впечатление. Он был в учительской форме, с саквояжем, трубкой в руках и в оригинальном кашне. Многие помнят его подвижную фигуру, энергичную речь, пламенную проповедь, его резкие приговоры всему отжившему, запас новых общечеловеческих идей, которые он вынес из тогдашнего университетского круга, тех надежд, с которыми он познакомил нас и которыми жила тогда Россия, ждавшая освобождения крестьян и своего обновления. Студент Щукин, подвижной, неутомимый Рудин по натуре, студент в душе, человек искавший деятельности и прозелитов нового учения, упал к нам точно с неба. От него мы узнали впервые, что переживала Россия... мы в первый раз услышали о прогрессе, о человеческом братстве, о лучших стремлениях человека... На нас хлынуло все разом: европейская жизнь, история и идеи, волновавшие Европу полвека. Руссо и Вольтер, Дидро и Даламбер, Кодорсе - все для нас было ново... Мы узнали, что для России также доступно счастье, что в ней предвидится великая работа, и мы также будем иметь участие в ней, как будущие студенты и будущие граждане... Щукин принес вести об обновлении университетской науки и литературы. В

первый раз с жадностью и с восторгом мы узнали великие имена Виссариона Белинского, Грановского, Пушкина, Лермонтова; их гражданская скорбь, их ранняя гибель получили для нас новый смысл... В это время уже показывался Добролюбов, и Щукин был его однокашником сначала в Педагогическом Институте. Мы находили и следили, что писалось об освобождении крестьян. Наш новый знакомый передал о работе редакционных комитетов, о готовящемся уничтожении цензуры. Он знакомил с последними событиями и волнениями петербургского мира. Бог знает, откуда он добывал новости и новые книги. Мы проводили целые ночи в беседе и поглощали новую литературу. Щукин, беспрестанно суетившийся, искавший поклонников, друзей и учеников, скоро сгруппировал около себя весьма разнородный кружок. И с кем он только не перезнакомился: и молодые ученики гимназии, барышня, мечтавшая о педагогической деятельности²¹, отставной смотритель училища - 60-летний старик, но философ и оригинальный ум²², “замечательный самородок” Д.²³ - человек замечательного ума и развития; ссыльный Бакунин - европейская знаменитость, и тут же какой-нибудь полуграмотный поэт, стихи которого понравились Щукину и он спешил отправить их Добролюбову...”

Н.С.Щукин, иркутянин, большой сибирский патриот. Еще в свои студенческие годы в Петербурге он устраивал еженедельные сибирские журфиксы. Возвращаясь в Сибирь в 60 году, он задержался в Томске на целый год и здесь устраивал с такою же регулярностью журфиксы, на которых бывали Ананьев, приисковый служащий Долгушин (брат Курганского судьи), Ядринцев и многие другие.

Не мудрено после этого, если стремление в Университет приобрело в сознании молодежи особое значение и смысл. Ядринцева так потянуло в Петербург, что он не стал сдавать выпускных экзаменов в гимназии и уехал в половине 1860 г. вместе с матерью в Петербург, чтобы поступить вольнослушателем в Университет. Н.С. Щукин дал ему рекомендательное письмо к Гр. Н. Потанину, казачьему офицеру, бросившему службу для того, чтоб поступить в Университет, на естественный факультет. Здесь завязывается

²¹ Ягодкина.

²² Ананьин.

²³ Долгушин, родной брат Курганского судьи (впоследствии Красноярского прокурора).

это знакомство, перешедшее в горячую дружбу, ничем не омраченную до конца жизни Н.М.

Университетские события в конце 61 г. повели к закрытию Университета. Г.Н. Потанин, арестованный вместе со многими другими студентами, просидев два месяца в Петропавловской крепости, уехал в 1862 г. в Омск. Но и Ядринцев не удержался здесь. Дождавшись открытия университета и увидев, что пребывание в нем связано с принятием “матрикул”, вызвавших беспорядки 61 г., он решил, вместе с некоторыми земляками, уехать в Сибирь. “Явившись в сибирское общество”, отмечает он в одном рукописном наброске, “у нас явилась потребность скорее высказаться, передать, провести свои идеи в жизнь, пробудить и заставить жить это общество. Мы неустанно пропагандировали везде обновление Сибири, и, не довольствуясь кружками, искали случая говорить публично, читать лекции и зажигать сердца...” В таком восторженном настроении Ядринцев приехал в Томск осенью 1863 г. Здесь он встретил большую перемену общественных настроений. Тут была открыта публичная библиотека, привлекавшая молодежь; появилась такая светлая личность, как учитель словесности в мужской гимназии Д.Л. Кузнецов и пр. Ядринцев заводит знакомства с семинаристами, с кружком А.П. Пичугина и мн. др. и увлекается мыслью об обновлении Сибири, о своей просветительной деятельности и т.п. О своих томских впечатлениях он тотчас же написал Г.Н. Потанину в Омск. “Представьте”, - между прочим, написал он ему, - “на моем сердце квартирует кабак”.

Против Ядринцевского дома на Миллионной ул. была мелочная лавочка, где жила какая-то молоденькая девушка - первая любовь Ядринцева. По возвращении же его в Томск оказалось, что на месте лавочки открыт питейный дом. В Томске Н.М. пробыл очень недолго. Похоронив в Петербурге мать, он хотел ликвидировать свои дела в Томске и уехать к своему другу Г.Н. Потанину, без которого не мог жить; он обожал и чтил его как отца и готов был следовать за ним куда угодно. Перебравшись в Омск, он занялся уроками, так как других средств к существованию у него не было. Между прочим, он устроился домашним учителем сына местного жандармского полковника Рыкачева, в семье которого пользовался и обедом. Рыкачев был ярым крепостником и к реформам Александра II относился отрицательно. Пылкий Ядринцев вступал с Рыкачевым в споры и всеми силами защищал

реформаторскую деятельность императора, обнаруживая при этом и свои сибирские патриотические тенденции. Впоследствии Рыкачев и погубил всю эту компанию молодых сибиряков, обвинив их в сепаратизме.

Ядринцеву скоро пришлось расстаться со своим другом, так как Г.Н. Потанин зимою того же 1863 г. уехал с экспедицией К.В. Струве в область озера Зайсана. В Омске Ядринцев быстро завел знакомства, устраивал вечера, чтения, лекции, подбивая молодежь ехать в Университет учиться. В это время его особенно занимает мысль об основании Сибирского Университета и он начинает пропагандировать ее в публичных выступлениях.

Возвратившегося из экспедиции в 1864 г. Г.Н. Потанина генерал-губернатор назначил в Томск Секретарем Статистического Комитета. Опять друзьям пришлось расстаться, но на этот раз не надолго.

По приглашению Г.Н. Потанина, Ядринцев переселяется в Томск с тем, чтоб приняться за деятельное сотрудничество в “Томск. Губ. Ведомостях”, редактировавшихся Д.Л. Кузнецовым. В первом номере “Ведомостей” за 1865 г. появилась его статья: “Сибирь в 1 января 1865 г.” с эпиграфом: “Vive la mort и да водрузится будущее”. Вот небольшой кусочек из этой статьи. “Прошлое Сибири открывает нам нашу мартирологию, печальную, безмолвно-страдальческую судьбу нашего народа, невежественное состояние нашего населения и отсутствие самобытной жизни в стране; это прошлое нам не за что любить, мы о нем можем только жалеть. Пусть оно умирает и мы воскликнем: “Vive la mort и да водрузится будущее”...

В будущем наши надежды, в будущем осуществление заветных идеалов наших. Наступает время, когда Сибирь должна подумать о своих интересах и своем будущем. Настает время, когда она должна предъявить права свои на цивилизацию, доставшуюся в удел всему человечеству, без климатических различий и ограничений. Пусть сибирское общество соединится с Урала до Восточного океана, чтобы создать новую жизнь Сибири, начнет жить умственной жизнью и заботиться о своем самобытном всестороннем развитии.

Мы призываем, в интересах страны нашей, образовывающееся сибирское юношество в российских университетах, возвращаться на родину для служения ей. Ему принадлежит разработка и наследование девственной страны нашей, ему принадлежит воспитание и образование своих земляков и создание того заветного будущего, в которое заживет страна наша лучшей жизнью. Мы

надеемся, что образованное сибирское юношество с горячей патриотической любовью, с гражданским самопожертвованием, начнет святой труд на благо своей родины. Этими надеждами мы начинаем новый год, самыми святыми надеждами, и желаем, чтобы скорее осуществились эти надежды, скорее начался приход грядущего, в котором мы видим занимающуюся зарю Сибири”.

В № 9 “Ведомостей” Ядринцев пишет гневную отповедь на статью Шелгунова в “Русск. слове”, не признававшего важного значения и великой будущности родины Ядринцева. “Теперь, когда самая трудная минута пережита, когда край должен вступить на поприще более широкой экономической деятельности и самобытного развития, не время отнимать у него значение и ругаться над его будущим. Вот почему мы считаем долгом стать в оппозицию русским публицистам, унижающим Сибирь”, - кричал 23 летний энтузиаст.

В самый разгар деятельности молодой Сибири над нею уже собиралась гроза. Весной того же 1865 г. были внезапно арестованы на заимке Пичугина, во время естественно-исторической экскурсии, Ядринцев, Потанин и Е.Я. Колосов и через 3 дня увезены в Омск. Началось так называемое “дело о злонамеренных действиях некоторых молодых людей, стремившихся к ниспровержению существующего в Сибири порядка управления и к отделению ее от империи”.

Дальше идут годы тюремного заключения, ссылки в Архангельск и Шенкурск, петербургский период газетной и журнальной работы и, наконец, служба в Главном Управлении Западной Сибири в Омске.

Совершая летом 1880 г. экскурсию на Алтай, по поручению генерал-губернатора Казнакова, для изучения современного состояния инородцев Томской губ. Ядринцев, по окончании экскурсии, заехал в Томск и устроил публичный доклад, в котором познакомил с добытыми им результатами. Это было последнее его общение с томичами.

Н. И. Наумов

Николай Иванович Наумов - талантливый писатель-рассказчик из сибирского народного быта, “бытовик”, как теперь таких писателей называют. В этом все его значение.

В те немногие юношеские годы, которые провел он в Томске, участь в гимназии, определилось его призвание и в среде окружавших его товарищей развернулись его способности, впоследствии сделавшие его заметным участником в русской литературе. Поэтому, сделав сжатый очерк его жизни и деятельности, остановимся несколько дольше на Томском периоде его жизни.

Н.И. Наумов родился 16 мая 1838 г. в Тобольске. Дед его был дьяконом с. Самарова Березовского округа, а отец сначала служил прокурором в Омске, а затем в 1847 г. переведен был в Томск Советником Губ. Правления.

Мать Наумова научила его читать, когда ему было 5 лет и с этого времени он пристрастился к чтению. Читал, что попало. Басни Крылова и “Юрий Милославский” были выучены почти наизусть; потом Еруслан Лазаревич Гуак, Четия-Миня, Библия, история Карамзина и т.п. ходовые книги того времени прошли через его руки.

Восьми лет он уже знал наизусть чуть не всего Пушкина. Семи лет лишившись матери, Наумов рос одиноким, заброшенным ребенком, не имея товарищей, не зная детских игр. Естественно, что его друзьями и учителями стали книги. Но еще лучшею школою была сама жизнь, отрицательные стороны которой ему пришлось наблюдать с детских лет и воспринимать неизгладимые впечатления страданий простого народа от произвола властей, от несправедливости, от угнетения бедных богатыми, кулаками и пр. Служивший у Наумова кучером около 20 лет бывший крепостной, сосланный в Сибирь после наказания 500 ударами розог за то, что он явился к барину, по уполномочию мира, с жалобой на притеснения его управляющего, оказался мастерским рассказчиком. Маленький Наумов с захватывающим интересом слушал по вечерам рассказы Памфила о житье бытие крестьян и проникался жалостью к обиженным, ненавистью к обидчикам.

Когда отца перевели в Томск и восьмилетний Наумов был отдан в гимназию, он явился среди своих товарищей самым развитым и начитанным и скоро привлек их любовь умелыми рассказами из прочитанного, виденного и слышанного. В своих “Воспоминаниях о Томской гимназии”.²⁴ Ядринцев говорит об этом: “Будучи развитее других, он много читал и обладал даром рассказывать. “Королева Марго”, “Монсоро”, “Три мушкетера” составляли

²⁴ “Сибирск. Сборник”, 1888 г.

канву его рассказов, но также увлекательно он рассказывал иногда и исторические события из прочитанного им “Аббата Милота”. Когда надоедало “давить масло”, мы садили его на стол и целым классом его слушали. Тогда среди буйной толпы слышно было, как пролетит муха”.

То же самое рассказывал другой товарищ, Д. Поникаровский, в своих “Воспоминаниях о Н.М.Ядринцеве”²⁵. “У нас собирались Н.И. Наумов, И.И.Д. и П-вы, Е.Е.И-в, А.А-кий, два брата С-их и многие другие, беседовали, шутили, спорили, рассказывали анекдоты, а также сообщали кто что читал.

В особенности отличался своим красноречием и остроумием Н.И. Наумов; как мне помнится, у него с Н.М. (т.е. Ядринцевым) были постоянные пререкания и всегда Н.И. Наумов своим остроумием побеждал Н. М-ча, острооты которого были большею частью мягкие, забавные и более возбуждали душевный смех, а Н.И. Наумов острит колко и противнику приходилось от его остроот очень жутко. Но все эти собрания кончались всегда миролюбиво, и мы расставались довольные друг другом и я не помню, чтобы когда-либо выходила ссора”.

Вот, значит, каким путем шло истинное образование юношей-гимназистов, где воспитывались их вкусы, приобретались знания, вырабатывалось миропонимание, а не у гимназических учителей. “Мы не учились”, говорит Наумов²⁶, потому что нам нечему было учиться у наших преподавателей, к которым нельзя даже и применять слова “преподаватель”. Это было что-то невозможное, состоящее из грязных, вечно пьяных драчунов, которые и сами-то ничего не знали”. Именно в этом товарищеском кружке - “Современник” и “Отечеств. записки” читали до дыр, а Белинского знали лучше, чем учитель словесности” и в этом кружке Наумов был самым развитым и начитанным товарищем, и наиболее влиятельным. Но это общение с товарищами неожиданно прервалось вследствие выхода Наумова из четвертого класса гимназии в 1855 г. Вот что говорит об этом близкий знакомый Наумова А.И.Скабичевский:²⁷ “Отец его в это время вышел в отставку с 20 рублями в кармане. Он рассчитывал скоро получить пенсию, но выдача ее затянулась на

²⁵ “Сибирский Сборник”, 1896 г., II.

²⁶ Н.М.Ядринцев в Томской гимназии. “Сибирск. Сборн.”, 1895 г., IV, 3.

²⁷ А. М. С к а б и ч е в с к и й. История новейшей русской литературы 1848-1898 г.г. 4 изд., СПб, 1900 г., стран. 247.

три года, и три года семья принуждена была терпеть ужасающую нищету. Часто приходя из гимназии голодный, мальчик не имел чего поесть. В доме порой не было сальной свечи, и ложились спать засветло, по несколько дней зимой сидели в нетопленной комнате. Мальчик бегал зимой в гимназию в одной холодной шинелишке, без калош, вместо чулков обматывал ноги писчей бумагой и надевая на них сапоги с отставшими подошвами. Наконец, он совсем обносился, и после оскорбительно грубого замечания инспектора на счет одежды, отец принужден был взять его из гимназии”. Не желая быть в тягость семье, Наумов поехал в Омск и поступил в военную службу юнкером. Здесь совместная жизнь с солдатами способствовала изучению их быта, а дружба с умным, развитым и много читавшим офицером А.А. Зерчаниновым много помогла его самообразованию. Через два года, в сентябре 1858 г. Наумов был переведен на службу в Томск и здесь еще теснее сблизился со своими товарищами, Ядринцевым и Поникаровским. Явилась мысль устраивать литературные чтения с тем, чтобы каждый из товарищей к каждому вечеру приготовил какую-нибудь статейку. Для первого вечера Наумов принес первый написанный им рассказ: “Случай из солдатской жизни”, в том же году напечатанный им в “Военном Сборнике” под псевдонимом Корзунова; Поникаровский написал рассказ из охотничьей жизни, а Ядринцев какое-то стихотворение. К следующему вечеру Наумов написал “шутливую рецензию во вкусе Сенковского” на рассказ Поникаровского и стихотворение Ядринцева и очень разобидел последнего, считавшего себя недурным версификатором. “Помню, как меня обидел ядовитый Наумов, написавший стихом Бромбеуса злую критику на какое-то мое стихотворение”, отмечает Ядринцев в своих воспоминаниях. Но не эти колкие и злые насмешки Наумова над музой Ядринцева были причиной прекращения воскресных собраний товарищей у Поникаровского, а скорее всего приближение экзаменов, к которым надо было готовиться - для Поникаровского наступал выпускной экзамен, а Ядринцеву, как второгоднику, надо было очень позаботиться о переходе в седьмой класс.

Выше, в очерке посвященном Ядринцеву, я уже указывал, как всколыхнуло Томскую молодежь появление здесь Щукина в 1860 г. Захватило оно и Наумова. “Я нашел своих друзей обновленными, исчез мрачный байроновский взгляд на жизнь у Наумова, Братя С. толковали о новых

вопросах и собирались в Университет, угрюмый оживился, бродил как в тумане добрый мой П. Все мы нетерпеливо ждали выезда в университет”.

Сам Ядринцев, как уже было рассказано, не утерпел, вышел из гимназии, не сдав выпускного экзамена, и в 1860 г. приехал в Петербург. Познакомившись с Н.И. Потаниным, он рассказал ему о талантливом товарище Н.И. Наумове и его рассказах в печати. Это дало повод Потанину написать Наумову в Томск письмо, в котором он советовал ему приезжать в Петербург, учиться. Наумов внял совету и по приезде в Петербург, прямо с вокзала направился к Потанину, сразу заявив, что у него нет ни копейки денег, так что ему нечем расплатиться даже с извозчиком. При таких условиях понятно, что Наумов и поселился у Потанина. Гр. Ник-чу пришлось после этого выслушать от своих товарищей немало укоров в том, что он смущает молодежь, не считаясь с ее материальным положением и ставит ее в такие условия, которые могут оказаться губительными для нее.

Вскоре компания сибиряков устроилась на одной квартире на Васильевском острове - Ядринцев в одной комнате с Наумовым, рядом жил казачий офицер Ф.Н. Усов, в следующей комнате Г.Н. Потанин с студентом Куклиным и, наконец, четвертую, самую маленькую комнату занимал И.А. Худяков, молодой мифолог, собиратель и издатель сказок. “Самый бедный из нас”, рассказывает Г.Н. Потанин, “был Худяков; он питался только хлебом с маслом, и больше ничего у него не было. Мы были побогаче; четверо - Ядринцев, Наумов, Куклин и я обедали вместе; мы покупали картофель, варили в кухне у хозяйки и ели его с маслом,- вот и весь наш обед в течение целой зимы”.

Начав в Петербурге жизнь полную лишений, Наумов наукой и не мог заниматься и не думал о поступлении в Университет, а принялся за обработку своих наблюдений над солдатской жизнью и сдал один рассказ из солдатского быта Погосскому, издававшему журнал для солдат “Народную беседу”. За напечатанный рассказ Наумов получил гонорар. Затем он познакомился с Калиновским, издателем журнала “Светоч”, в котором поместил несколько рассказов в 1861 г. под заглавием: “Мирные сцены из военного быта”. Эти рассказы, помимо полученного за них гонорара, обратили на себя внимание и открыли Наумову доступ в литературный кружок Милюкова, у которого происходили редакционные собрания и где он встречался с писателями

Достоевским, Антоновичем и др. Благодаря новым знакомствам он получил приглашение от Курочкина сотрудничать в “Искре”, где были напечатаны в 1862 г. юмористические сцены “Горе обличителю” и несколько мелких статей юмористического содержания, а затем и от Гр. З. Елисеева, редактора “Очерков”. Но особенное внимание Наумов обратил на себя задуманным рассказом из народной жизни “У перевоза”, появившимся в “Современнике” в 1863 г.

Но литературный заработок давал слишком малое обеспечение, к тому же Наумов был очень ленив, часто впадал в хандру и выражал недовольство.

Как-то приехал в Петербург из Тобольска бывший там губернатором А.И. Деспот-Зенович и обратился к знакомому писателю Сергею Максиму с просьбой порекомендовать ему хороших людей, которых бы он мог взять себе на службу. Максимов указал ему Наумова и Южакова (пермяка). Наумов выразил свое согласие и был назначен Становым. За время этой службы он написал, между прочим, очерк: “Юровая” (рыбная ярмарка). Затем он перешел на службу в Омск, в Контрольную Палату, где Управляющим был Петров, и впоследствии, при своей быстрой служебной карьере, немало помогавший Наумову. За это время в “Отеч. Записк.” и “Деле” появляется целый ряд его рассказов из жизни сибирских крестьян. В 1873 г. Наумов вышел в отставку и переехал в Петербург, где собрал свои рассказы и в 1874 г. выпустил их отдельным изданием, под заглавием: “Сила солому ломит”; среди молодежи, и особенно в народнических кругах, эти рассказы пользовались большою популярностью, создавшему автору выдающееся положение среди беллетристов-народников.

К этому же времени относится женитьба Наумова на томичке Татьяне Христофоровне Поповой, принадлежащей к очень известной фамилии первых сибирских золотопромышленников.

Так как литературного заработка для приличной жизни семейного человека в Петербурге не доставало, Наумов поступил на службу в канцелярию военного министерства, потом устроился на службе в Банке, но везде он ничего не делал, отовсюду ему приходилось уходить из-за своей лени. Писал он также не особенно много, помещая свои рассказы в “Русском Богатстве”, “Устоях” и “Восточн. Обозр.” и выпуская затем отдельными сборниками: “В тихом омуте” (в 1881 г.), “В забытом краю” (1882 г.), “Паутина” (1888 г.). В это время

знакомые Николая Ивановича, посещая его, заставляли его чаще всего лежащим на боку; он стонал и охал, жаловался, при его мнительности, на каверны в легких и все жил ожиданием, когда они с Танечкой получат, по решению суда, ожидаемое наследство - прииски. Охи и жалобы дошли до его старых покровителей А.И.Деспота-Зеновича и Петрова и они устроили назначение Наумова на должность Крестьянского Начальника в Мариинске в 1884 г., где он также не отличался трудоспособностью, но все-таки служил. При проезде Наумова через Томск, где он прожил некоторое время, к нему, со страхом и трепетом, заявили два гимназиста, никогда не выдавшие никакого “писателя” и непременно желавшие повидать того, чьи рассказы волновали их души. Они терпеливо ждали, пока “писатель” почивал. Потом он вышел к ним в каком-то ватном халате, усадил пить чай и все выпрашивал. Гимназисты во все глаза разглядывали “писателя” и особенно поразились его костлявыми руками и длинными пальцами и потом удивлялись: “как это такими костлявыми, некрасивыми пальцами можно писать такие прелестные вещи”²⁸. Очевидно, иных впечатлений от свидания с Наумовым почитатели не вынесли. Но они не знали, что постель, халат и чай для ленивого Наумова были так характерны.

После нескольких лет службы Крестьянским Начальником, Н.И. Наумов был назначен Непременным членом Присутствия по крестьянским делам от Алтайского округа и его вполне это устроило. Должность эта представляла синекуру. Наумова приглашали на заседания, лишь когда там рассматривались дела, затрагивавшие интересы Кабинета Его Величества. Он жил себе тихо, много лет все на одной и той же квартире, в верхнем этаже дома Зефилова, на углу Никитинск. и Гоголевской ул. Несмотря на большой досуг, он не занимался и писательством.

Общественными делами он и вообще никогда не занимался и не принимал в них никакого участия. Еще при жизни его, в 1897 г. в Петербурге были изданы: “Сочинения Н.И. Наумова” в 2 т., содержащие чуть ли не все им написанное.

В должности Непременного члена Наумов и скончался в Томске 10 декабря 1901 г., 63¹/₂ лет от роду. Могила его находится на кладбище женского монастыря, близ деревянной решетки между двумя церквями, отделяющей

²⁸ Иллюстрир. прилож. к № 143 “Сибирск. Жизни” за 1904 г., ст. Ав. Г-ва.

монастырский двор от кладбища, в профессорском участке, близ могил Тимофеевского, Галахова, Кобылиной и др. В изголовьи могилы поставлен простой восьмиконечный из досок крест, окрашенный в белую краску, с двухстрочной надписью.

И.А. Кушевский

Галерея сибирских писателей очень невелика - некультурная, необразованная Сибирь не имела сколько-нибудь благоприятных условий для того, чтоб выделить своих, отмеченных печатью таланта, сынов и обеспечить их развитие. Если эти редкие, немногие люди выбивались из тины обыденности, то именно потому, что они были отмечены печатью талантливости. С тем большим основанием следует рассказать об этих людях, закрепить память о них в потомстве, спасая от забвения.

Едва ли не самым забытым из этой галереи сибиряков является И.А. Кушевский, питомец Томской гимназии. Хотя он учился в гимназии одновременно с Н.М. Ядринцевым и Н.И. Наумовым, но они друг друга не знали - Кушевский был значительно моложе их - Ядринцева на 5, а Наумова на 9 лет. Это, впрочем, вполне естественно среди школьников, призвание и облик которых ничем не определились, а школьные сближения и привязанности завязываются и покоятся совсем на иных основаниях. В этих условиях школьник может почти не знать своего одноклассника и свести дружбу с учеником из другого класса. Так оно вышло и здесь. Томичи, почти сверстники, съехавшись в Петербург и выступив на литературное поприще, оставались и здесь чуждыми друг другу, не были знакомы и здесь и, может быть, мало интересовались друг другом.

В жизни Томска Кушевский не играл никакой роли, помимо годов своего ученья, и если я на этом останавливаюсь здесь, то с единственной целью напомнить о нем и побудить тех, кому представится случай, собрать о нем более полные сведения, чем какие имеются в литературе ²⁹.

²⁹И.А.Кушевский. "Голос", 1876 г., № 223.

- Иван Афанасьевич Кушевский. Некролог. "Иллюстр. Газета", 1876, № 33.

- И.А.Кушевский. Некролог. "Неделя", 1876, № 29.

Иван Афанасьевич Кушевский родился в 1847 г. Где он родился, в Красноярске или Томске, кто были его родители, в какой среде он воспитывался, как учился, в каких условиях складывалось его мирозерцание, вообще о его детстве и юношеских годах мы не имеем сведений. Известно только, что отец его был какой-то чиновник, что сын учился в Томской гимназии и в 1866 г. приехал в Петербург, где вел жизнь бесприютного пролетария, более или менее известную пишушей братии, с которой Кушевский сталкивался. Здесь он сочинял рассказы и помещал их в “Искре”, в “Петербург. Вестник.” и др. изданиях, но этот заработок был настолько скуден, что он вынужден был выступать в роли поденного чернорабочего. Раз во время такой работы при разгрузке баржи, Кушевский, перевозя тачку с судна на берег, оборвался и упал в Неву. Его вытащили из воды, но он простудился и слег в больницу. Здесь-то он и задумал, и начал писать большой роман “Николай Негорев или благополучный россиянин”, единственное произведение, обнаружившее его талант и сделавшее его известным. Чтобы купить бумаги и свечу, Кушевский должен был продавать другим больным свои порции мяса, настолько он был нищ. Когда роман был окончен, Кушевский отнес его Некрасову для “Отечеств. Записок”. Некрасов, так умевший прозревать нарождающийся талант, отнесся к Кушевскому весьма внимательно, и выдачей аванса выручил его, а затем, в 1871 г. напечатал его произведение в своем журнале. Уже в следующем 1872 г. роман был издан отдельной книгой. Роман этот носит автобиографический характер, в нем описывается Томская гимназия с ее наставниками и учениками и их жизнью.

Кушевский продолжает писать рассказы и становится более или менее постоянным сотрудником “Новостей”, “Сына Отечества” и “Пчелы”, в качестве литературного обозревателя, становится даже редактором какого-то

-
- Два слова по поводу смерти И.Кушевского. Статья А.К. “Пчела”, 1876 г., № 34.
 - Некролог И.А.Кушевского. “С.-Петербург. Вестник.”, 1876, № 223.
 - Литературная летопись. Смерть И.А.Кушевского. Его роман “Николай Негорев”.
- Статья В.М. “С.-Петербург. Вестник.”, 1876, № 237.
- И.А.Кушевский. Некролог. Статья Н.Ядринцева “Сибирь”, 1876, № 40.
 - Писатель-пролетарий. (Памяти И.А.Кушевского) В. Горленко. “Москов. Обозрение”, 1877, № 41, стр. 263-270 и № 42, стр. 307-311.
 - Кушевский (Иван Афанасьевич). “Энциклопед. Словарь” Брокгауза и Ефрона, т. ХУІІ, стр. 147.
 - И.А.Кушевский. Статья П.С. “Пчела”, 1877, № 15.

бульварного журнала, но развившаяся страсть к вину постепенно овладевает им и он начинает терять человеческий облик.

Живые, бойкие рассказы его, красивые по форме, остаются незначительными по содержанию. Талант его быстро гаснет, а, наконец, и сам он, опухший, с отеком от пьянства лицом, гаснет в цветущем возрасте, в 29 лет. Куцевский скончался в 1876 г.

Кроме его романа “Николай Негорев”, в 1875 г. вышли отдельным изданием “Маленькие рассказы. Очерки, картинки и легкие наброски” и наконец, 6 лет спустя после его смерти, выпущены его “Неизданные рассказы”. Кроме “Николая Негорева”, Куцевский использовал местный материал с успехом для очерка из сибирской горнозаводской жизни, напечатанного в “Отч. Записках” за 1876 г.

В. В. Плотников (епископ Борис)

Владимир Владимирович Плотников питомец, а потом и преподаватель Томской Духовной Семинарии, где он учился одновременно с Ф.П. Любимовым.

В 80-х годах я был знаком с ним, так как он принимал изредка участие в “Сибирской газете”, в качестве сотрудника. К сожалению, в моей памяти не осталось впечатления от знакомства с этим незаурядным человеком и потому я сообщу о нем по записке К. Храневича³⁰.

В.В. Плотников - сын столоначальника Красноярского Духовного Правления. Родился в 1855 г. в Красноярске. Первоначальное образование получил во Владимирском Детском Приюте и Духовном Училище в Красноярске, а затем на казенный счет был отправлен в Томскую Духовную Семинарию. Последнюю он окончил первым учеником в 1876 г. и на казенный же счет послан в Казанскую Духовную Академию, которую и окончил в 1880 г. со степенью кандидата богословия.

³⁰ С.А. Венгерова. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. V, стран. 328-337.

Здесь он еще студентом обратил на себя внимание своей начитанностью и солидной подготовкой, которую обнаружил в своих работах, печатавшихся в “Филологич. Записках”^{31**}), так что Совет академии предположил назначить его приват-доцентом на кафедре словесности и истории литературы. Но этого не случилось. Приехавший в Казань во время выпускных экзаменов Начальник Японской миссии епископ Николай уговорил Плотникова поступить на службу в миссию и получил на это его согласие. Но сдав экзамены и приехав в Петербург, чтобы собраться в далекий путь, Плотников встретился с требованием епископа Николая принять монашество, без чего назначение в миссию не может состояться. На это требование Плотников ответил решительным отказом и тем навлек с разных сторон неудовольствия на свою голову. Как последствие этих неудовольствий, было вынужденное для него назначение на должность преподавателя в Томской Духовной Семинарии по кафедре словесности с историей русской литературы и логики, на которой он пробыл до августа 1884 года. Эти четыре года пребывания в Томске были самым тяжелым временем в его жизни; с привычками и вкусами кабинетного ученого, он испытал в Томске тоску по книжным сокровищам, которыми богаты библиотеки только высших учебных заведений и столиц. Вот что писал Плотников об этом периоде своей жизни профес. И.А.Бодуэну-де Куртенэ: “Я прожил в Томске четыре очень печальных года, самых тяжелых в моей жизни, в течение которых сильно притупил свои дарования и растерял много познаний. Я стал уже думать, что, должно быть, придется сгнить мне в Сибири и от такого мрачного настроения едва не дошел до умопомешательства в конце 1883 г.”.

В 1884 г. Плотников избран был Советом Казанской Духовной Академии на вакантную кафедру метафизики, а уже в начале 1886 г. получил степень магистра за капитальный труд “История христианского просвещения в его отношениях к древней греко-римской образованности”, - тема, которая его занимала добрый десяток лет. В том же году он принял монашество, с наречением имени Бориса, и через несколько месяцев назначен, в сане архимандрита, инспектором Московской Духовной Академии, с представлением ему кафедры “Введения в круг богословских наук”. - В 1888 г.

³¹ Наприм., своим исследованием “О сравнительной мифологии Макса Мюллера. Изложение и критика новейшей лингвистической теории мифов”.

он был назначен ректором Киевской Духовной академии и вместе с тем редактором журнала “Руководство для сельских пастырей”. В этот период своей жизни он особенно много написал. В сочинении “Главные черты арийской доисторической культуры по данным сравнительного языкознания” он пришел к выводу, что “арийский первобытный народ, ставший родоначальником важнейших культурно-исторических народов, в том числе нашего народа русского, был высокодаровитым народом, носившим в себе задатки того блестящего развития культуры, плодами которого теперь пользуемся мы, его потомки”.

В 1892 г. архим. Борис был переведен на высокий пост ректора Петербургской Духовной Академии, но в этой должности пробыл с небольшим год. Служебные неприятности и плохой климат настолько расшатали его слабое здоровье, что он стал просить о переводе на юг и был назначен настоятелем посольской церкви в Константинополе.

Так завершился 14 летний период его педагогической деятельности, которую г. Храневич обрисовал такими чертами: “Призванный к нравственному руководству лучшей части духовного юношества, о. Борис в этой роли пользуется прочными и при том прогрессивно возрастающими симпатиями молодого поколения, с присущей ему чуткостью сразу и безошибочно угадавшего в о. Борисе лучшего друга. Мало сказать - симпатии. То чувство, которое питали студенты академии к о. Борису, у более восторженных натур переходило прямо в обожание. Преклоняясь пред нравственными качествами высокой и чистой личности о. Бориса, студенты особенно ценили ту черту в отношениях своего начальника, которая состоит в отсутствии всего начальнического, всего напускного. Сам строгий монах-аскет, о. Борис никогда не утруждал своих питомцев тою прописною моралью, которая обыкновенно пропускается мимо ушей и вызывает лишь ироническое чувство. Кто учился в академии при о. Борисе, тот помнит, какой непринужденный характер имели тогда обычные еженедельные собрания дежурных, приходивших к о. ректору с изложением студенческих дел. Начиналась дружеская беседа, затягивавшаяся на продолжительное время. В зале собраний Совета, где обыкновенно собирались для этого доклада, на председательском месте восседал о. Борис - высокий и худой монах, с доброю и несколько грустною улыбкою на устах, а вокруг длинного стола располагались десятка два молодых людей. Никто не

чувствовал стеснения, точно в родной семье, всякий говорил свободно и непринужденно. И не нужно думать, будто бы о. Борис пользовался любовью учащихся благодаря каким-нибудь побрякам со своей стороны. Этого-то именно и не было. Сколько раз случалось студентам получать отказ на свои ходатайства, но это никогда и ни в ком не вызывало неудовольствия и раздражения. Для всякого видно было, что отказ о. Бориса вытекал не из прихоти или личного произвола, а вызывается необходимостью”.

Хорошо знакомый с жизнью и строем всех наших Духовных Академий и с запросами молодежи, Плотников был сторонником уничтожения этих академий, как таковых, и превращения их в богословские факультеты при университетах.

Крупный и плодовитый духовный писатель, Плотников накопил в духовной литературе значительное наследство, в виде отдельных сочинений и журнальных статей. Одна книжка в виде сборника его статей, под заглавием “Из церковно-общественной жизни в Сибири”, была издана в Томске, в 1884 г.

Все труды Плотникова, знавшего классические и европейские языки, отличаются добросовестной разработкой предмета, знанием и свободой от специфически-богословской односторонности, а иногда оригинальностью и свежестью взглядов. Этими последними качествами особенно отличается его сочинение “Основные принципы истории научной литературы”, в котором автор намечает широкие рамки для критической оценки литературных произведений и требует, чтобы их рассматривали в связи с явлениями общественной жизни. Известный философ В.В.Лесевич, штудировавший русских и иностранных авторов по этому вопросу, нашел, что не только среди русских писателей интересовавшихся этим предметом Кирпичникова, Ал. Веселовского и Плотникова, а и вообще среди писателей самая верная точка зрения на предмет принадлежит, по его мнению, Плотникову, явившемуся здесь позитивистом.

Этот вывод из своего изучения Лесевич высказал Г.Н.Потанину.

Точно также в своей работе “О сравнительном достоинстве классицизма и реализма в воспитании” он признал, что реальное образование имеет глубокие корни в истории и потребностях современной общественной жизни.

Через 5 лет службы в Константинополе он снова был переведен в Петербург, на тот же пост ректора Духовной Академии и вместе с тем возведен

в сан епископа Ямбургского, викария Петербургской митрополии. В январе 1901 г. состоялось его назначение присутствующим в св. синоде и председателем училищного совета при синоде. Это было последнее назначение. За последние 10 лет он писал уже очень мало, - иная деятельность мешала этому... Его и без того слабое здоровье еще более пошатнулось вследствие злоупотребления спиртными напитками и ему пришлось снова уехать на юг, где он и скончался в Гурзуфе 17 сентября 1901 г., на 47 году от роду.

Ф. П. Любимов, Н. В. Берг

Ф. П. Любимов

Оригинальный человек! О нем я знаю только со слов Г.Н. Потанина. В литературе его имени не встречал. Во второй половине 50-х годов одновременно учились в Томской Гимназии Н.М. Ядринцев, Н.И. Наумов и самый младший среди них И.А. Куцевский, а в Духовной Семинарии - Влад. Плотников и Ф.П. Любимов.

Если в развитии гимназистов играл какую-либо роль Д.Л. Кузнецов, то на семинаристов, по крайней мере некоторых, имел самое решительное влияние местный торговец Андр. Пр. Пичугин, человек большого ума и выдающегося характера. Он приохотил их к чтению, пользуясь открытой Д.Л. Кузнецовым при гимназии публичной библиотекой, вел с ними беседы, руководил ими, помогал материально, устраивал и т.п. В числе таких его питомцев был и семинарист Любимов. Кончив Томскую Духовную Семинарию, он, под влиянием Пичугина, стремился продолжать свое образование в Университете, но не имея никаких средств для этого, находился в затруднении. Является он с рекомендательным письмом Пичугина к Н.М. Ядринцеву и просит его отправить в Петербург, хотя бы в качестве прислуги. Комбинация эта скоро удалась. Собиравшийся в Петербург генерал-губернаторский чиновник Крупенников согласился увезти его в качестве своего слуги.

Любимов поступает в Университет и погружается в занятия науками и чтение. Всего больше его увлекала, как говорят, книга Кювье. Средства к существованию он добывал уроками. Поселившись в семье, в качестве домашнего учителя, Любимов увлекается своей хозяйкой и убегает с нею на Кавказ. Здесь у них родился сын. Затем мать возвращается к мужу, а Любимов с ребенком приобретает клочок земли и поселяется около Туапсе. Ведя небольшое хозяйство, он в то же время много читал и размышлял. Всего больше приковывали его внимание вопросы педагогические, по которым он пришел к оригинальным выводам. В них он держался воззрений, диаметрально противоположных Спенсеру, которого не выносил. Серг. Ник. Кривенко, написавший книжку, посвященную вопросам о физическом воспитании детей, изложил в ней мысли и взгляды Любимова на воспитание; самая книжка есть результат бесед Кривенко с Любимовым.

Как оригинальны были воззрения Любимова, так своеобразна была и его жизнь. Он стремился обходиться во всем без посторонней помощи, довольствуясь наименьшим. Все делал сам - пахал, сеял, косил, ткал; рубашки носил только собственной работы. В то же время он систематически закалял свой организм, приучая его переносить жар и холод, и для этого ложился спать в лужу. Он выучился плавать и довел искусство это до того, что на Черном море не имел соперников, - он уплывал за версту и за полторы от берега.

Этим закаливанием он в конце концов так расстроил свое здоровье, что ходить мог только держась за стену, летом и зимою он вынужден был ходить в пимах и теплой шапке.

Литературного наследства Любимов после себя не оставил. Правда, он написал книгу "Об уединении" и передал рукопись С.Н. Кривенко, который познакомил с нею Г.З. Елисеева, покойного редактора "Отечеств. Запис.". Елисеев признал необходимым рукопись напечатать, только не в "Отеч. Записк.", а отдельной книжкой, так как Любимов результаты воспитательного значения уединения иллюстрировал фактами из жизни святых, что политическому журналу печатать было бы неудобно. Рукопись осталась ненапечатанной, так как С.Н. Кривенко не нашел для этого денег.

Н. В. Берг

Об этой личности, конечно, я хочу сказать не как о члене сибирской интеллигенции, к которой он не принадлежал, а как о лице, связанном с Томском своими детскими годами.

Николай Васильевич Берг - очень известный в свое время поэт, журналист, историк и непоседа-путешественник, оставивший в литературе огромное наследство, богатое не столько по своему качеству, сколько по количеству. Лучшими из его многочисленных произведений считаются полный перевод “Пан Тадеуша” Мицкевича и “Записки о польских заговорах и восстаниях с 1831 по 1862 г.”. Не лишены интереса также его “Записки об осаде Севастополя” и рассказы о его скитаниях по Сирии и Палестине.

Вся его жизнь и деятельность отличаются удивительным разнообразием и непоседливостью. Учился он сначала в Сибири, потом в Тамбовской и Московской гимназиях и, наконец, в Московском университете, где был учеником Шевырева и Погодина и другом Островского и Ал. Григорьева. Не кончив университета, службу свою начал банковским писцом, с жалованьем в 100 р. в год, бегал по урокам, а потом занялся литературой, тесно примыкая к редакциям: “Москвитянина”, “Русск. Вестн.”, “Отечеств. Запис.”, “Библиот. для Чтения”, “Рус. Беседы”, “Пчелы” и разн. газет, ставши впоследствии редактором “Варшавского Дневника”. В это время он был близко знаком с Гоголем, Аксаковым, Хомяковым, Кошелевым, Загоскиным, Шаховским и др., т.е. со всеми корифеями правой стороны тогдашней литературы, и в то же время был поклонником Герцена, Гарибальди и др. Словом, это был человек без всякого определенного мирозерцания.

Крымская война увлекла его в Севастополь, в штаб южной армии. Начавшаяся затем война за освобождение Италии потянула его на запад и он проделал значительную часть кампании сначала в штабах французской и итальянской армий, а под конец в армии Гарибальди. В 1860 г. он уехал на два года на Восток, в Сирию, Палестину и Египет и хотел было ехать в Алжир охотиться за львами, но вспыхнувшее польское восстание изменило его намерение, он уехал в Варшаву и там остался уже навсегда. (Умер 16 июня 1884 г.). Отовсюду, где он был, он писал в разные газеты и журналы статьи и корреспонденции. Иностранцев поэтов - Байрона, Шиллера, Гете - он переводил вместе с Костомаровым, тем самым, что написал на Чернышевского донос, на основании которого Ч. был арестован.

Познакомив читателя в общих чертах с Н.В.Бергом, скажу теперь о его прикосновенности к Сибири и к Томску в частности.

Предки Берга - лифляндские дворяне, но совершенно обрусевшие в следующих поколениях на службе в России. Отец Берга молодым человеком попал на службу в Сибирь (в 1810-1820 г.г.) и женился здесь на сибирячке Ромадиной из Якутской области. Около 1820 г. он перешел на службу в Москву и пробыл здесь лет 7, после чего снова уехал в Сибирь, в Томск, куда был назначен Председателем Томского Губернского Правления. В Москве у Бергов родился (24 марта 1823 г.) сын Николай, который 4-х летним ребенком был привезен в Томск и жил здесь до 1834 г., когда вместе с родителями переехал в Тамбов. В Томске он отдан был в местное Уездное Училище, которое и окончил. Отмечу кстати, что учитель Томского Уездного Училища А.И. Мисюрев, писавший историю этого Училища за сто лет, пропустил факт пребывания в нем Берга.

На пробуждение литературных вкусов Берга имело влияние, конечно, не Училище, а отец Берга, пламенный поклонник старых русских поэтов, в особенности Державина. Н.В. Берг уже 9 лет начал писать стихи, значит, в то время, когда состоял учеником Уездного Училища. Об этих детских упражнениях нет достаточного материала в литературе и поэтому, может быть, полезно было бы порыться в архивах училища, - нет ли там чего-нибудь.

В его многочисленных писаниях меньше всего отведено места Сибири. Кроме сведений об этом в его биографии ("Русс. Старина", 1890, № 2 и 1891, №№ 2 и 3), есть только статья "Из записок моей матушки о прежней Сибири" (Москов. Вестн.", 1860, №№ 4-5).

Публичные лекции С. С. Пашкова

Одним из самых образованных и выдающихся сибиряков того времени был Серафим Серафимович Шашков. Современная сибирская молодежь едва ли имеет о нем представление, а между тем это одно из имен, которые надо знать. Набросаю коротенько образ этого человека, обладавшего всеми данными для того, чтоб стать видным ученым.

С.С.Шашков - сын священника, иркутянин, родился в 1841 г. Воспитывался сначала в бурсе, затем в Иркутской духовной семинарии. Еще семинаристом он выступил на литературное поприще статьями о бурятах в “Иркутск. Губ. Ведомост.”, очень не понравившимися начальству.

В 1860 г. он поступил в казанскую духовную академию, где его учителями по русской истории были Г.З. Елисеев и только что начавший выступать А.П. Щапов, с которым Шашков был в приятельских отношениях, жил с ним даже в одной квартире, но зная его слабости, относился к нему строго.

При своих блестящих способностях, изумительной памяти и замечательном трудолюбии Шашков быстро овладевал языками и усваивал разнообразные знания, среди которых история заняла центральное место.

Его основные идеи о зависимости истории от законов внешней природы привели его к изучению экономических вопросов. Уже через год, по совету Г.З. Елисеева, он оставил академию и переехал в Петербург, чтоб слушать университетские лекции. Здесь, наряду с университетскими занятиями, он отдает значительную часть своего времени литературному труду, составлявшему единственный источник его существования. В это время Шашков был деятельным сотрудником в “Веке”, “Искре”, “Современн. Слове”, “Библиот. для чтения”, “Очерках”. Матерьяльная нужда заставила его усиленно работать и сделала из него вместо ученого талантливом компилятора. Особенность его таланта состояла в умении проводить параллели между отдельными историческими событиями и настоящим моментом жизни России. С особым искусством Шашков в своих статьях находил средства говорить о темных сторонах современной жизни. На одном литературном вечере в Красноярске в 1864 г. Шашков так сгруппировал сатирические типы Щедрина, что собрал в них все комические черты тогдашнего Красноярского губернатора Замятнина, сосредоточив здесь всю желчь обличения. Публика была в восторге и сделала лектору настолько шумные овации, что в них принял участие и сам Замятнин, и горячо благодарил Шашкова, не поняв, куда лектор направил свои стрелы.

Охватившая сибиряков в Петербурге потребность местной деятельности, побудила Шашкова в 1863 г. уехать в Красноярск, где он открыл частную школу, через год закрытую по распоряжению властей. Здесь он обдумывает

план издания сборников, календаря, газеты, принял на себя редактирование памятной книжки и усердно занялся составлением лекций по всеобщей истории и истории Сибири, которые затем и стал читать при неослабевающем интересе аудитории, вызвав возбуждение в местном обществе. Появившаяся в “Енисейск. Губ. Ведомост.” критика этих лекций и блестящая отповедь на нее со стороны Шашкова дошли до Томска, вместе с сведениями о большом успехе лекций. Г.Н. Потанин, заручившись разрешением губернатора Лерхе, написал С.С.Шашкову приглашение приехать в Томск для чтения публичных лекций по истории Сибири. Шашков приехал и в зале Общественного Собрания, в бывшем Гороховском доме, прочел зимой 1865 г. пять лекций.

В рукописной биографии Шашкова Ядринцев пишет об этих лекциях: “Мы взяли ему залу в Общественном Собрании; билеты быстро разошлись. Зала наполнилась молодежью и семинаристами, жаждавшими слушать Шашкова. Лекции были превосходны. После исторических очерков он переходил к положению общества, к его нуждам, говорил об эмансипации народа, рабство которого и горькую судьбу очерчивал в прошлой истории, говоря о жизни невежественной страны и отсутствии сознательной жизни, затем переходил к доказательствам о необходимости университета, о грядущем Сибири. В это время он был исполнен одушевления и превращался в страстного оратора. Лекции его производили потрясающее впечатление и прерывались взрывами аплодисментов; публика жила с лектором. Конец лекции покрывался целым громом одобрений. Мы, конечно, находились также под обаянием этих лекций, радовались, как товарищи, но так как он был единомышленником и представителем наших идей, то это был и наш триумф, и самый счастливый”.

Ближайший участник устройства этих лекций Г.Н. Потанин рассказывал мне, что Евг. Яковл. Колосов, поручик артиллерии в отставке, имевший частную школу в Томске, ведя большое знакомство с семинаристами, которых он снабжал книгами из публичной библиотеки, зазвал их на лекции Шашкова и отвел им на них место для активного участия. Шашкова уговорили вставить в одном месте его лекции слова: “нам нужен университет”. Е.Я. Колосов расставил семинаристов в разных местах залы, предупредив их, чтоб они хлопали в ладоши, когда эти слова будут произнесены. Сам он занял место у музыкантской решетки и таким образом был виден отовсюду в зале. Как только Шашков произнес условленную фразу, Колосов вслед за ним тотчас же

повторил: “Нам нужен университет” и захолопал. За ним стали хлопать все, не только семинаристы, а и публика, повторяя слова: “нам нужен университет”. Публика была к этому уже подготовлена горячей статьей Ядринцева в первом номере “Томск. Губ. Ведомост.” за 1865 г., как об этом я имел случай рассказывать выше, в статье об Ядринцеве.

На следующих лекциях Шашкова уже встречали и провожали аплодисментами, а последнюю его лекцию постоянно прерывали хлопками.

На третьей и четвертой лекциях Шашков рассказывал о злоупотреблениях чиновничества, о произволе Пестеля, Трескина, Лоскутова и др. Он вывел на свет Божий целую галерею этих лихоимцев, сумасшедших и дегенератов и набросал такую яркую картину сибирского бесправия и произвола, что находившиеся на лекции чиновники серьезно обиделись. Они полагали, что Шашков все выдумывает и не может быть, чтобы все это было напечатано. Хорошо известный Томску представитель старого чиновничества, М.А. Гиляров, на четвертой лекции Шашкова, сидя в первом ряду, без церемонии заглядывал в те книги и вырезки, из которых лектор читал выдержки и брал свои характеристики. Шашков читал лекции без написанного текста и в своем устном рассказе широко пользовался первоисточниками, которые перед ним лежали. После этой лекции живший в Томске кирасир Вениамин Асташев пригласил к себе недовольных чиновников и совместно с ними обсуждал вопрос, как реагировать на подобные лекции, как поступить и что делать. Решено было пожаловаться губернатору и просить его вмешательства. Лерхе вызвал к себе Шашкова для объяснений. Шашков объяснил губернатору, что в его лекциях по истории никаких выдумок нет, что все им сообщаемое опирается на документальных данных и предложил Лерхе поручить своему чиновнику следить за его чтением и за выписками, чтобы убедиться, что он ничего не сочиняет, оставаясь добросовестным компилятором. Но Лерхе отказался от такого контроля. Так и прошли эти лекции, вызвавшие такое сильное возбуждение в местном обществе. Вскоре Шашков был все-таки привлечен к ответу за эти лекции, на основании тех писем, которые писались о нем и о их авторе сибирефилами и попали в руки властей. Жандармский полковник Рыкачев, состоя членом комиссии, рассматривавшей дело “об отделении Сибири от России”, настоял на том, чтобы у Шашкова, находившегося в это время в Иркутске, был произведен обыск. При обыске у него нашли какую-то

сибирскую прокламацию, сочиненную иркутским купцом Поповым, участвовавшим, вместе с Андреем Белоголовым, в издании газеты “Амур”. Шашкова арестовали и привезли в Омск, где друзья и содержались на гауптвахте в течение 3 лет.

Шашкова, Потанина и Ядринцева обвиняли даже в том, что они писали в “Томск. Губ. Ведомост.” статьи о необходимости Университета в Сибири. “Кто вас просил об этом”, раздраженно говорили омские чиновники. Их троих, по окончании суда, первоначально приговорили к 12 летним каторжным работам, но потом смягчили этот приговор, в виду их молодости и долгого заключения под следствием.

Болезненного Шашкова отправили по этапу в Архангельск вместе с другими, но он по болезни отстал и остался в Шенкурске. На дорогу у него было 10 рубл., с которыми он прошел всю Россию и, конечно, обносился, пользуясь лишь казенным халатом и бельем. Полуграмотный унтер-офицер, производя поверку, на одном этапе выкрикнул: “Серафима Шашкова! юбка, кафтур есть?”, принимая его за женщину. В Шенкурск потом приехали, в качестве ссыльных, Ядринцев, А.С. Пругавин, Натансон, несколько поляков и ксендзов и др. Между прочим, у Шашкова состоял в послухах польский ксендз Ювенал. В Шенкурске он нажил себе болезнь, сведшую его в могилу. Здесь он занялся усиленной литературной работой компилятивного характера, сделавшись постоянным сотрудником “Дела”.

Ограниченный в праве повсеместного жительства, Шашков потом перебирался в Бобров, Воронежской губ., в Воронеж и, наконец, в Новгород, где и скончался в 1882 г., в возрасте 41 года. Везде, где он жил, он был поглощен литературной работой, до конца дней своих отличаясь изумительной работоспособностью. По разнообразным вопросам им написано свыше тысячи статей, многие из которых не утратили своего значения и интереса и до сих пор.

ТОМСКИЕ ТУЗЫ

Физиономия каждого города определяется суммой деятельности наиболее видных, крупных представителей его населения, разумеется, местного. Выдающийся чем-либо представитель власти, капитала, науки и образования,

если только он человек заезжий, временно пребывающий в городе, как бы он из ряда вон не выделялся, не может наложить свою печать на физиономию города, именно вследствие кратковременности своего пребывания, и оставляемый им след будет носить поэтому в жизни города эпизодический характер. Иное дело местный человек, корнями вросший в местную жизнь и преемственно ее продолжающий от предков и передающий в потомство. Он - действительно строитель этой жизни, плохой или хорошей, красивой или безобразной, это все равно. С этой точки зрения галерея таких местных строителей жизни представляет выдающийся интерес.

За трехсотлетний период жизни Томска, занимающего территориально центральное положение в Сибири, бывшего и торговым центром, и местом склада и перевалки массы товаров, резиденцией крупной золотопромышленности, прасольских и ямщицких операций и т.п., должна накопиться своя особенная галерея любопытных фигур. Мне припоминаются Поповы, Филимоновы, Горохов, Асташев, Тецков, Родионов, Пастухов и мн. другие, но это сравнительно в позднюю эпоху, XIX век. А кто же были ранние строители Томской жизни?

Я не могу удовлетворить любознательного читателя за крайней скудостью имеющегося у меня материала и если отвожу место этой главе в Томской Старине, то больше всего из желания вызвать этот материал. Литературного материала для этой главы нет; его нужно собирать из рассказов и преданий, из семейных хроник и записей там, где они велись и, может быть, еще уцелели, и частью из архивов.

Поповы

Это - фамилия, которая, составляя лучшее украшение Томска, должна быть запечатлена в его летописях, как фамилия благодетелей города на вечные времена. Для старого и малого из купеческой среды она навсегда должна остаться символом той общественной роли, какую может и должен выполнить каждый местный представитель капитала, в его заботах о благе и процветании его родного угла.

Можно ли воздвигнуть более драгоценный памятник по себе, чем благодарная, теплая и благоговейная память в потомстве, переходящая из одного столетия в другое, передаваемая от одного поколения другому...

До сих пор о Поповых не написано монографии, на какую они имеют право, не написано даже очерка их жизни и деятельности, не сделано даже попытки собрать воедино тот материал для этого, какой имеется в разных архивах, печатных заметках и семейных преданиях. Не имею возможности сделать этого и я в настоящих набросках, но по крайней мере попытаюсь обратить внимание на то, что составляет нашу общественную обязанность.

Поповы - верхотурские граждане. Первоначальная деятельность их развивалась в районе родного им Урала, где во время разведок и изысканий они приобрели большие знания горного дела, а в соединении с их умом, энергией, практической сметкой и необыкновенной трудоспособностью приобрели и большое состояние.

Нужно думать, что это были люди с достаточно широким кругозором и таким запасом энергии, который требовал выхода на такое поприще, где бы силы могли развернуться соответствующим образом.

Поиски медной руды в Семипалатинской обл., известность о рудных богатствах Алтая, весьма прибыльные операции по откупному делу и т.п. направили Поповых вглубь Сибири и они основались в Томске.

Во главе фамилии стоял Андрей Яковлевич Попов и его племянник Федот Иванович. С 1807 г. они вели торговые и промышленные предприятия совместно, на товарищеских началах, пополам. Эти предприятия состояли в содержании винных откупов по Томской и Тобольской губ. и Акмолинской обл., в аренде Падунского винокуренного завода, в Кяхтинском и Семипалатинском торге, в промышленных учреждениях на заимке Федота Ивановича на Басандайке и пр. По словам П. Гусаренко³², душою всех коммерческих начинаний и торговых операций был Федот Иванович; дядя же его Андрей Яковлевич - особенно к тому времени, когда Поповы увлеклись золотопромышленностью - начал хворать и безвыездно жил в Петербурге. Но на самом деле это было, кажется, не совсем так. И дядя, и племянник - оба работали энергично: дядя в Семипалатинской области вел торговлю с

³² Иллюстрир. прилож. к № 271 "Сибирск. Жизни" за 1903 г.

киргизами и производил разведки рудных месторождений меди (в Каркалинском у.) и проч., а племянник работал в Томской губ. И только последние 5-6 лет жизни А.Я. Попов хворал и не выезжал из Петербурга.

Федот Иванович, нажив в Сибири уже миллионное состояние главным образом с откупного дела, в 1826 г. исхлопотал разрешение на поиски золота в Сибири и начал их с Березовского округа Тобольской губ., но неудачно.

Как рассказывают, ему помог случай или то, что называется - на ловца и зверь бежит. От одной девицы, дочери поселенца-старообрядца, скрывавшегося в тайге на положении бродяги и в то время уже умершего, Ф.И. Попов узнал, что ее отец, живя вместе с нею в тайге по реч. Бирикулю, правому притоку р. Кии, верстах в полуторастах от Томска, занимался тайной промывкой золота. Заставив девицу указать место ее совместных с отцом работ, Попов тотчас приступил к разведкам и обнаружил золотосодержащую россыпь. Этой находкой он положил начало золотопромышленности в Сибири и является первым открывателем золота в стране, уже и в то время, но по другим основаниям, слывшей “золотым дном”.

Теперь, когда ежегодная добыча золота в Сибири достигает 1800 пудов, всякому будет ясно, как велико значение открытия, сделанного Ф.И. Поповым, в экономике нашего государства.

Первые разведки Попова были долгое время неудачными, - до 300 пунктов в разных местах Томского края подверглись обследованию и в большинстве случаев россыпи оказывались бедными по содержанию. Десятки тысяч рублей были убиты Поповым на эти поиски без возврата, пока ему удалось отыскать россыпи с богатым содержанием и вызвать ту золотую лихорадку, которая начала так трепать томичей и кружить им головы. Под конец жизни, сосредоточив приисковые работы на наиболее богатых площадях более 30 приисков, обследованных им разведками с мая 1827 г. в районе Дмитриевской вол. Томского у., по рекам Кие, Бирикулю, Закроне и др., Ф.И. Попов довел ежегодную добычу золота до 4-5 пудов. Уже это одно показывает, какой широкий размах был дан новому предприятию его начинателем, как много было вовлечено в него людей и как серьезно были сосредоточены интересы на золотопромышленности, открывшей с этого момента для всей огромной Сибири новую эру.

Энергичным родоначальникам фамилии Поповых сравнительно недолго пришлось стоять во главе дела. Их жизнь была уже изжита. 20 апреля 1832 г. скончался в Томске Федот Иванович и похоронен на своей заимке на Басандайке (где потом его родной брат, Степан Иванович, построил каменную церковь, в правом приделе которой и погребен прах обоих братьев - Федора и Степана Ивановичей, и Анны Алексеевны Поповых), а года полтора спустя, в 1833 г. скончался в Петербурге и Андрей Яковлевич, в возрасте 70 лет, и похоронен в Александро-Невской лавре.

А.Я. Попов, потеряв в племяннике деятельного товарища и чувствуя приближение смерти, 20 декабря 1832 г. составил, как гласит титул на подлинном документе, “Духовное завещание коммерции советника и кавалера Андрея Яковлевича Попова, служащее основанием золотопромышленной компании наследников г.г. коммерции советников и кавалеров Андрея Яковлевича и Федота Ивановича Поповых”. Дополненное двумя актами 17 и 28 августа 1833 г., завещание это, по окончательному разделу между наследниками, приведено ими в исполнение с утверждения Томского Губернского Правления 9 октября 1835 г. “На основании этого завещания, как сказано в нем, золотопромышленная компания наследников Поповых действие свое восприяла с 1834 г.”.

В завещании Поповых был выделен капитал в 85 715 р. для учреждения в Томске Общественного Сибирского Банка с тем, чтобы проценты этого учреждения поступали на содержание учебного заведения для девиц. В открытом в 1843 г. Банке, операции которого из году в год растут, а, стало быть, из года в год расширяется и круг женщин, получающих образование, Поповы создали себе вечный памятник необычайной ценности.

Душеприказчиком и исполнителем воли завещателей был назначен брат Федота Ивановича Степан Иванович и вместе с ним Евтихий Васильевич Филимонов, также занимавшийся откупам и золотопромышленностью.

Степан Иванович Попов также был не рядовой человек. В 1824 г. он открыл в киргизской степи свинцово-серебряные и медные руды и учредил для обработки их единственный в России серебро-свинцово-плавильный завод, действовавший каменным углем, им же открытым в 1837 г.

Третий брат, коммерции советник Андрей Иванович Попов, также оставил по себе память в Томске тем, что вложил капитал в 3141 р. 85 к. на основание детского приюта, открытого 21 мая 1844 г.

О четвертом брате Алексее Ивановиче я не нашел сведений и потому не могу сказать ничего о его роли, как в торговом мире, так и в общественной жизни Томска.

Дети же его, Христофор и Андрей, а также дети его брата Степана, а равно и сами его братья известны были в Томске своим участием в жертвах на общественные дела. Прежде всего все они были жертвователями на строившийся тогда Троицкий кафедральный собор. Кроме того Степан Иванович Попов, построив церковь на Басандайке, в 1839 г. передал Томской Духовной Консистоии на содержание церкви капитал в 28000 р.

Андрей Алексеевич Попов, в то время устькаменогорский купец и золотопромышленник, почетный гражданин, в 1842 г. пожертвовал в кафедральный собор золотой крест, весом более полутора фунтов, украшенный 126 бриллиантами, 110 изумрудами и яхонтами и 105 голландск. розами; стоимость его по церковной описи определена в 1216 руб. А.А. Попов был прихожанином старого собора, близ которого находился его дом, теперь принадлежащий Некрасову, что на Почтамтской улице, у моста.

ТОМСКИЕ ТУЗЫ

Ф. А. Горохов

В течение почти всей первой половины прошлого столетия этот человек играл в жизни Томска самую видную роль и пользовался одинаково сильным влиянием как в административных, так и в торгово-промышленных сферах. Этот союз власти и капитала и обеспечил за Гороховым его выдающееся положение в городе, можно сказать, исключительное, и дает основание рассказать о нем здесь, хотя бы и по тем неполным материалам, какими мы располагаем.

Философ Александрович Горохов происходил из очень бедной дворянской семьи, жившей в Енисейске. Родился он в 1796 г. Как бедняк, он не получил никакого образования и с детских лет вынужден был зарабатывать себе на пропитание. Уже 13 лет, в 1809 г., он поступил на службу в Енисейский уездный суд канцеляристом, а в 1811 г. был командирован Томским Губернатором В. Р. Марченко в Туруханск для устройства там новых поселений и зимовьев для перевозки почты и чиновников. По исполнении этого ответственного поручения, доверенного пятнадцатилетнему мальчику, Горохов вернулся в Енисейск с лишком через год, в 1812 г. Должно быть, он проявил недюжинные природные способности, если с этого времени совершается его быстрое восхождение по административной лестнице.

С небольшим через год, в 1814 г., его переводят в Нарымский уездный суд, с производством в первый чин, а в следующем году перечисляют в штат “Томского губернского правительства”. Здесь, в центре управления губернией, на Горохова обращают внимание, назначают на самостоятельные должности, повышая и награждая его чинами, орденами и денежными выдачами. Прослужив здесь пять лет, он перешел в 1819 г. на службу в Томский гражданский и уголовный суд, на должность секретаря по уголовной части, а потом ассесора. Но в 1824 г. он снова перешел на службу в Томское Общее Губернское Управление, где был чиновником особых поручений, исправлял обязанности начальника того или другого из отделений и, наконец, командирован к исправлению должности Каинского земского исправника, а в декабре 1830 г. назначен Каинским Окружным Начальником. Отсюда через два года, в январе 1833 г. он был определен на одну из самых видных должностей - Томским губернским прокурором.

Такое назначение молодого, 37-летнего, Горохова, человека, не получившего никакого - ни общего, ни специального образования, объясняется его личными качествами - умом, энергией, ловкостью и проявленной им работоспособностью. И, действительно, он раскрывает не одну организацию фальшивомонетчиков, быстро обнаруживает виновников одного убийства с хорошо спрятанными концами, выгодно для казны закупает провиант для военных магазинов, оказывает серьезные услуги сенаторам, командированным в Сибирь для ревизии, строит этапы в Каинском уезде с большой экономией для казны против сметного назначения и т.д.

В это время Горохов женится на дочери крупнейшего Томского золотопромышленника и откупщика Аполл. Евтих. Филимонова и постепенно погружается в дела своего тестя, проявляя и тут свою энергию, ум и работоспособность. Интересы службы пришли в столкновение с личными интересами по операциям тестя. В суде находилось немало уголовных дел по питейным откупам; рассмотрение их стало затягиваться, вследствие чего в тюрьмах стали скапливаться арестанты, по два и по три года тщетно ожидавшие решения суда. На Горохова за его бездеятельность, за его занятия не службой, а откупными и золотопромышленными делами его тестя Филимонова, стали поступать к министру юстиции донесения от шефа жандармов Бенкендорфа, а от министра, в свою очередь, запросы к генерал-губернаторам в Омск. Но Горохов продолжал держаться на прокурорском месте, благодаря сильному покровительству генерал-губернаторов Западной Сибири, сначала Сулимы, а потом и князя Горчакова, которые медленность делопроизводства объясняли огромною массою дел и арестантов, накоплением в губернии ссыльного элемента, массою преступлений среди золотопромышленных рабочих-поселенцев. Но, наконец, и эти властные покровители должны были признать неудобство прокурорского положения Горохова в Томске и кн. Горчаков исхлопотал для него в 1838 г. перевод на ту же должность в Витебск. Горохову, теперь уже богатому человеку, перспектива перевода совсем не улыбалась и он подал в отставку, которую и получил в том же году, состоя в чине коллежского советника.

С этого времени он окончательно погрузился в золотопромышленные дела, войдя полноправным членом и компаньоном вместе с братьями Филимоновыми и Отопковым, в одно из крупнейших Томских предприятий.

За десяток следующих лет, с 1839 по 1850 г., Горохов развернулся во всю ширь своей натуры и превратил свою жизнь в такую феерию, воспоминания о которой и до сих пор не угасли среди томичей старожил.

На том самом месте, где теперь стоит каменное здание Общественного собрания, Горохов построил себе красивый барский одноэтажный деревянный дом с зеркальными окнами во всю ширину их просвета.

Отсутствие образования и наличность большого капитала само по себе уже определяли вкусы хозяина, а природный ум, тщеславие и широта натуры давали им направление и развитие. Внешность и показная сторона, столь легко

вызывавшие шум восторгов, удивления и поклонения, неизбежно должны были встать на первый план. И Горохов занялся этой внешностью, пустив в ход всю свою изобретательность.

Около своего дома, под горой, Горохов устраивает в 1840 г. сад, обошедшийся ему в четверть миллиона рублей. Теперь жалкие остатки этого сада принадлежат двум владельцам - архиерейскому дому и Дистлеру.

Протекавший здесь, в виде ручейка, Исток Горохов запрудил и перекинул через него мост, а над ним воздвиг павильон со стеклянными стенками, позволявшими любоваться открывающимся видом собиравшимся здесь компаниям приятелей Горохова. В саду были разбросаны статуи, киоски, бельведеры, грибы с вычурными надписями: “Храм любви”, “Убежище для уединения” и т.п.

Вот как описывает этот сад одна институтка в письме к своей подруге³³. “В городе есть такой прекрасный сад, на который с особенным удивлением и даже любопытством мог бы посмотреть и самый прихотливый из столичных жителей. В летние праздники каждый имеет право гулять в этом саду и любоваться всем, что находится в нем. Радужный хозяин, настоящий гостеприимный русский дворянин, делится своими удовольствиями со всяким. В этом саду, где 5 лет тому назад возвышались глинистые скалы, между которых пробирался журчащий ручеек, вероятно, какой-нибудь пересохший рукав р. Томи, потому что река здесь очень близко, - теперь в красивой раме тихо струится светлый и стройный пруд; через него на легких арках перекинута прозрачная танцевальная зала, а по берегам его с одной стороны красуются пестрые цветники, примыкающие к богатой оранжерее, где рдеет виноград, созревают фиги и благоухают роскошные тропические цветы; с другой стороны пруда тянутся аллеи из акаций, тенистые куртины и беседки. Тихий вечер 22 августа (день коронации Императора Николая и его супруги) много способствовал иллюминации... Мы оставим толпы гуляющих смотреть на фейерверк, или любоваться на красивые гондолы, освещенные китайскими фонарями и тихо скользящие к пруду. Войдем лучше в китайскую беседку... Здесь все вещи неподдельные, а прямо вывезенные из пределов Небесной

³³ Журнал “Звездочка” Ишимовой, 1845 г., № 17. См. также К.Н.Евтропов, “История Троицкого Кафедральн. Собора в Томске”, стр. 46-47; тут же приложен рисунок Гороховского сада в 40-х годах (Вид из Макаровского переулка).

империи... Вот на стенах висят картины: не ищи в них ни перспективы, ни художественного перелива в тенях; над ними трудилась не гениальная кисть артиста - все эти деревья, плоды, цветы и птицы выделаны из разноцветных камней”.

В этом саду, в том павильоне, который возвышался на мостом, Горохов задавал свои пиры, собирая на них всю томскую знать, все сливки местного общества. Один из таких пиров был описан в какой-то польской газете одним из сосланных в Томск в 30-х годах поляком.

“Гости ели с тарелок”, Рассказывает Г. Н. Потанин³⁴, “которые были сделаны на собственном заводе Горохова, устроенном им около Томска; то есть ели с местного фарфора. На тарелках были рисунки, изображавшие те самые виды Томска, которые были видны гостям через стеклянные стены павильона. Вино гости пили из сверхестественных бокалов. Возле каждого гостя стоял бокал, в который входила целая бутылка шампанского; бокалы стояли подле стульев на полу, а верхние края их равнялись с плечами обедавших. Томичи на обедах Горохова пировали, как боги варваров”.

Я не мог собрать никаких сведений о “фабрике” Горохова; где она находилась, долго ли существовала, что производила. Возможно, что ее и совсем не было, а тарелки были заказаны для Горохова на какую-либо другую фабрику. Но что такие тарелки существовали, это не подлежит сомнению. Мое сомнение в самом существовании фабрики находит косвенное подтверждение в том, что на пирах Горохова употреблялись особенные бокалы из хрусталя, вероятно, нигде, кроме Горохова не употреблявшиеся. Исполнение этой причуды требовало другой фабрики, иначе оборудованной.

Вкусы необразованного богача в еще большей степени проявлялись на устройстве “библиотеки”, которая имела назначение украшать его хоромы. В одной из комнат стоял шкаф с стеклянными дверками, через которые глядели с полок стройные ряды книг в отличных переплетах, все одинаковой толщины и роста, с золотым тиснением на корешках: “Благонравие и порок”, “Тщеславие и скромность” и т.п. названия, какие только могла подсказать изобретательность необразованного человека. Все это были, в сущности, образцы картонажных

³⁴ Г.Н.Потанин. “На заре золотопромышленности в Томской Тайге”, Иллюстриров. приложение к № 249 газ. “Сибирская Жизнь” за 1903 г.

изделий в роде тех, коими пользуется теперь одна фабрика папиросных гильз для упаковки своих фабрикатов.

Золотопромышленная компания Филимоновых, Горохова и Отопкова ежегодно намывала более ста пудов золота, т.е. на сумму с лишком в два миллиона рублей. Такие огромные средства давали полную возможность жить на широкую ногу, ничем не стесняясь, и Горохов, большой затейник и любитель пожить по барски, особенно не стеснялся сорить деньгами, не зная им счета и не задумываясь о будущем. 31 мая он праздновал свои именины, а 25 июля именины свой жены Олимпиады и в эти дни в Гороховский сад, где гремела музыка, сжигался фейерверк и рекой лилось шампанское, стекался, положительно, весь город. Компания ближайших приятелей Горохова состояла из завязтых охотников. Охоты, в сопровождении до сотни гончих собак, всегда обставлялись необыкновенно пышно; весною, первый убитый дупель обходился счастливцу не менее дюжины шампанского.

В домах Горохова и его тестя Филимонова (впоследствии этот дом, находящийся на углу Почтамтской ул. и Монастырского пер., перешел к откупщику Исаеву, а теперь принадлежит наследникам Евграфа Королева) ежегодно ставилось утрами до 80 самоваров в каждом, и уже это одно показывает, какая толчея народа постоянно была в этих домах.

Мудрено ли, что прежние связи Горохова, как влиятельнейшего чиновника, с его все возраставшим богатством, сделали его огромной силой в городе, своего рода осью, вокруг которой вращалась томская жизнь. Всякое дело, уголовное и гражданское, всякое служебное движение, получение чина, награды и проч. обделывалось через Горохова. Губернатор и чиновники были здесь своими людьми. Чиновники легко бросали свою службу и поступали к золотопромышленникам; даже вице-губернатор Виноградов нашел выгодным для себя поступить так. Всего больше шли на службу к Горохову.

В Пасху и Рождество обыкновенно чиновная знать собиралась у губернатора и уже от него цугом ехали все к Горохову поздравлять его с праздником, с губернатором во главе; недаром Горохова звали “Томским герцогом”. К компаньонам, и в особенности к Горохову золото лилось не только с приисков, а и от доверчивых горожан и людей падких на быструю и легкую

наживу. Банков в то время не было, финансовый же престиж Горохова был так велик, что и купец, и бедняк, мелкий чиновник и какая-нибудь просвирня охотно вносили в компанию под проценты свои мелкие и крупные сбережения. А проценты компания платила до невероятности щедро, по 50 и более процентов на 100 рублей³⁵.

Но отвлечение от дел, превращение жизни в сплошной праздник, безумные траты на разные причуды скоро исчерпали основной источник доходов и предприятие лопнуло, как красивый, расцвеченный всеми цветами радуги мыльный пузырь. Лопнули в гороховских затеях и все сбережения и капиталы доверившихся ему вкладчиков, которые вследствие этого разорились. Едва не лопнуло и молодое учреждение, основанный в 1843 г. Поповыми Общественный банк, из которого компаньоны вытянули несколько десятков тысяч рублей незаконными способами.

Тароватый на выдумки для утоления своего тщеславия и вздорных затей, Горохов был очень скуп на дела благотворительности. Имя его здесь никому не известно. Правда, в списке жертвователей на строившийся в Томске Троицкий собор, за время с 1843 по 1850 г., с Горохова, состоявшего официальным сборщиком, значится поступлений в сложности на 1576 р. 5¹/₂ к., но и эта незначительная для миллионера сумма вытянута была с Горохова по частям и, что называется, всякими неправдами, а между тем он “не только мог один построить собор, но и утопить в своем золоте любого петербургского воротилу и провинциального вельможу”, восклицает уже упомянутый составитель истории Троицкого собора Евтропов (стр. 48).

В 1850 г. Горохов был объявлен несостоятельным должником и над его имуществом был учрежден конкурс. Старые прихлебатели и друзья, такие же фальшивые, как и его библиотека, стали теперь собираться, как шакалы на падаль, к гороховскому имуществу и тащить, что можно. Уничтоженный и больной Горохов доживал свои дни в крошечном домике, рядом с прежними хоротами, которыми уже не владел более.

От конкурсного управления этот памятный дом перешел в собственность Общественного Собрания и оставался в его пользовании, пока не сгорел. В этом доме в 1865 г. Шашков читал свои публичные лекции; здесь же Ядринцев

³⁵ Евтропов. “История Кафедрального собора в Томске”, стр. 180.

выступал с докладами; сюда же по субботам являлся надоедливый редактор “Сибирской Газеты” с корректурами очередного номера и торговался из-за какой-нибудь строчки с цензором, сидевшим за картами. Здесь же “знаменитый” Картамышев вводил своего кучера в члены Собрания и отстаивал права этого почтенного человека на такое звание. Здесь же потом наводнившие Томск строители железной дороги водворили азартные картежные игры с проигрышами по несколько тысяч рублей в вечер, а счастливыцы закуривали свои гаванские сигары двадцатипятирублевыми бумажками.

К гороховскому конкурсу присосался известный в свое время Томску ловкач Набалов, когда-то выписанный сюда, в качестве архитектора, для достройки упавшего собора. В 1900 г. праздновался 50-летний юбилей этого конкурса, кажется, и до сих пор еще не ликвидированного. Архив этого конкурса состоит из 984 томов. При передаче этого архива старым судом реформированному, для перевозки дел в новое помещение суда было нанято двадцать телег.

Вот единственное наследство, которое Горохов оставил потомству, так бессмысленно прожив жизнь, так бесплодно для Сибири растратив свои нажитые в ней капиталы, с горечью восклицает Г.Н. Потанин в цитированной выше статье.

И. Д. Асташев

В пятидесятых и шестидесятых годах прошлого столетия И. Д. Асташев был виднейшею в Томске личностью по своему положению и влиянию на дела города. К. Н. Евтропов³⁶ даже говорит: “Асташев поднялся в Томске на такую высоту, до какой никто еще из граждан не достигал до него”. Но это был и по натуре, и по своему нравственному облику совсем иной человек, чем Поповы и чем даже Горохов, с которым у Асташева так много общего. Асташев представлял тип “дельца”, не брезговавшего никакими средствами для достижения своих целей, всегда своекорыстных.

³⁶ “История Троицкого Кафедрального собора в Томске”. Стр. 73.

Биография Асташева, чистокровного сибиряка, как и Горохова, довольно проста.

Иван Дмитриевич Асташев был сын незначительного чиновника в Нарыме, в то время окружном городе Тобольского наместничества, и родился в 1796 году.

Все его образование ограничивалось местным уездным училищем. Окончив его, Асташев 13-летним мальчиком уехал в Томск и в 1809 г. поступил на службу в “Губернское Правительство”, где через 3 года получил первый чин.

Кстати сказать, при открытии в 1804 г. Томской губернии, в ней учреждены: Томское Губернское Правительство для заведывания делами губернского и казенного интереса, и томский гражданский и уголовный суд для тяжёлых и уголовных дел; первое состояло из двух экспедиций - исполнительной, под председательством губернатора, и казенной, под председательством вице-губернатора.

Уже здесь в юноше Асташеве обозначились основные черты его характера и стремлений, получившие впоследствии такое развитие. Маленького роста, чрезвычайно подвижный, юркий, изворотливый и вкрадчивый, свободный от каких бы то ни было нравственных принципов, он изошрился в этом направлении свой недюжинный от природы ум и, что называется, стал большим мастером втирать очки. Всякого полезного ему человека он умел расположить к себе, умел очень тонко подойти к нему и заручиться доверием. Снедаемый честолюбием и тщеславием, и в то же время жаждой нажить деньги, Асташев, под впечатлением громких событий 1812 г., мчится в Петербург в 1815 г., но тяжёлая болезнь надолго задержала его в пути. В столицу он явился, когда угар военных событий уже прошёл. Тем не менее он поступил на службу в канцелярию военного министра и здесь настолько отличился своим усердием, что получил два следующих чина и, по особой рекомендации военного министра, перешёл на службу к генерал-губернатору Западной Сибири. В течение 13 лет Асташев проходит последовательно должности Бийского городничего, Кузнецкого исправника, Начальника отделения Томского Общего Губ. Управления и советника Губернск. суда. Занимая столь влиятельное чиновничье положение, Асташев весьма ловко пользовался им при деловых сношениях с откупщиками и представителями нарождавшейся золотопромышленности. Большой почитатель Асташева и восторженный

поклонник его талантов Евтропов, в данном случае достоверный свидетель, в одном месте вышеупомянутого труда так аттестует Асташева: “Не имея ровно никаких средств, он пошел к раз намеченной цели медленно, осторожно, хотя не всегда честно и благородно, но практически безошибочно” (Ст. 74).

Затаенное желание разбогатеть особенно охватило Асташева, когда золотопромышленная лихорадка распространилась в Томске и народившиеся миллионеры стали сорить деньгами и так разожгли золотой фонарь, что к нему начинали слетаться не только местные купцы, разночинцы и чиновники, а и приезжие из далекой России. Асташев тонко занялся обработкой “первого золотопромышленника” Ф. И. Попова. Оказывая ему, как влиятельный чиновник, различные услуги, он так расположил его к себе, приобрел такое его доверие, что Попов подчинился влиянию Асташева и подарил ему 40 000 руб. на расходы по поискам золота.

В 1833 г. Асташев уходит в отставку и поступает на службу к Поповым, в качестве поверенного по приисковым и др. торговым делам этой фирмы.

Предпринятые Асташевым разведки на подаренные Поповым деньги оказались неудачными - ни необходимых знаний, ни опыта в горном деле у него не было; но он обладал другого рода талантами, и они его выручили, или, как говорит Евтропов, “нравственная сторона труда у него отодвигается на задний план, лишь бы цель была достигнута”. Из Екатеринбурга приехал в Томск богатый купец Я. М. Рязанов на поиски золота. Убив почти весь капитал на это дело, он, наконец, наткнулся на богатые россыпи по реч. Кондустуюлу, в Мариинской тайге. Пронюхавший об этой находке Асташев тотчас же исхлопотал для себя отвод всей Кондустуюльской площади, а когда обманутый Рязанов возбудил против Асташева уголовный процесс, то он так обставил это дело в Петербурге, пользуясь своими там связями, что Рязанов ничего не мог поделать и бесплодно ведя процесс с 1837 г. по 1842 г., предложил Асташеву войти с ним в компанию. Кондустуюльский прииск обогатил его и окрылил надеждами на дальнейший рост богатства. Знакомя со своими делами петербургских чиновников и рисуя перед ними перспективы быстрого обогащения, Асташев сумел многих из них втянуть к себе в компанию и на собранные таким способом капиталы расширил приисковые операции. Так как высочайше утвержденным положением Сибирского Комитета 3 ноября 1835 г. разрешение искать золото давалось весьма немногим, в виде особой

привелегии, а “служащим чиновникам и их женам вовсе запрещено было заниматься в Сибири рудным промыслом”, то, понятно, петербургские чиновники могли участвовать лишь в качестве вкладчиков и притом тайно. Таким образом все управление делами и капиталы находились исключительно в распоряжении Асташева. А когда об участии в приисковых делах крупных петербургских сановников узнал Император Николай Павлович и пригрозил им ответственностью, то они поспешили сбывать свои паи Асташеву. И он, скупив эти паи за бесценок, сразу стал миллионером. На богатейших приисках Асташевской Компании, наприм. по р. Хорме в Енисейской губ., намывалось по 3 золотника со ста пуд. песков. В 1840 г. компанией намыто золота 69 пуд., в 1843 г. - около 117 пуд., 1844 г. - 56¹/₂ пуд., да кроме того у Асташева в компании с Толкачевым 45¹/₂ пуд., в 1845 г. - 84¹/₂ п. и т.д.

Огромное и столь легко доставшееся богатство открыло Асташеву столь же легкий путь к удовлетворению его честолюбия. В 1840 г. он получил из Кабинета Его Величества брильянтовый перстень “в пример другим золотопромышленникам Сибири за общепользную деятельность в новой сфере труда”. Желание получать награды побудило его направить свои средства на благотворительность. Для открытого на капитал А. И. Попова Мариинского детского приюта Асташев выстроил каменный двухэтажный дом, и ежегодно отпускал на его содержание от 2300 до 3800 руб. За это он получил в 1848 г. орден Св. Анны 2 степени, а в 1859 г. Владимира 4 ст. и кроме того назначен “не в пример другим” почетным попечителем этого приюта. Но он находил, что получаемые награды не соответствуют его жертвам - за 15 лет 2 ордена! Тогда он выбрал более выгодное приложение для своих благотворительных стремлений - в 1861 г. он приобрел звание почетного попечителя Томской Губ. Гимназии и на этом посту был щедро взыскан наградами. В 1862 г. он получил Владимира 3 ст., в 1864 г. чин Статского Советника, в 1865 г. звание камергера, в 1867 г. чин действительного статского советника, а в 1868 г. станиславскую звезду. Не мудрено после этого, что у Асташева могла сорваться с языка фраза: “Захочет Асташев - и митру получит”.

В жертвах на общественные и общепользные дела Асташев не был тароватым. Он очень умеренно жертвовал и только там, где это было ему лично выгодно, удовлетворяло его честолюбие, достигало цели в его тщеславии.

Он был уже миллионером, когда преосвященный Афанасий обратился в декабре 1842 г. к гражданам Томска с призывом о построении просторного соборного храма. В образовавшийся в 1843 г. Комитет по постройке собора И.Д.Асташев был избран членом, как капиталист и делец. На его глазах, с невероятными затруднениями подвигалось это дело целую четверть века при его жизни, и хоть он один мог бы довести его до конца, но Асташев выступал в роли жертвователя в самую критическую минуту, чтоб заставить говорить о себе. Так, в 1846 г. он, когда постройка собора остановилась из-за нехватки подрядчиком кирпича, шумно заявил о пожертвовании трех миллионов кирпичей, на 24000 рублей. Затем, в 1858 г. после того как собор рухнул и новый комитет приступил к его достройке, у Асташева выпросили 5000 р., и наконец, в 1859 г., когда губернатор Озерский обратился к откупщикам и миллионерам с специальными письмами, Асташев внес еще 2000 р. В дальнейшем постройка совсем затормозилась из-за отсутствия средств, которых уже и доставать было негде, так как прежние томские миллионеры, кроме Асташева, разорились или умерли и сошли со сцены. Вновь избранному в 1864 г. Комитету Асташев, единственный в то время в Томске богатый человек, выражал желание отстроить собор, но на этот раз он отделался только обещаниями и уверениями.

Ни на какие затеи, подобно Горохову, он денег не тратил, оставаясь дельцом до мозга костей и расчетливым человеком. Жил он настоящим баринком, вельможей, широко и открыто настолько, чтоб сохранить известный тон жизни, чтоб собирать у себя не только чиновные и купеческие сливки местного общества, а и заезжавших в Томск важных особ из столиц и городов Сибири, причем не каждому из них возвращал визиты, а делал это с большим расчетом. Также, как и Горохов, не получивший никакого образования, Асташев не прибежал к устройству фальшивой библиотеки, а, напротив, выписывал журналы и иностранные газеты, которыми у него пользовались образованные люди, как Батеньков, Бакунин и др. Это, конечно, по существу была та же фальшивая этикетка просвещения, что и у Горохова, только более тонко придуманная, с большим вкусом.

Свидетелем этих вкусов может служить и тот дом, который выстроил себе Асташев в 1842 г. Это здание, строго выдержанное в стиле ампира, и теперь, по своей красоте, оригинальности и пропорциям является одним из лучших

украшений Томска. Строителем этого дома был архитектор А. П. Деев, даровитый, энергичный и очень любопытный человек. Когда-то, кажется, в 1817 г., он был назначен в Томске губернским архитектором, но в проезде М. М. Сперанского был взят им в свою канцелярию в качестве дельного чиновника, более других знающего архитектуру. После ревизии Сперанского он снова попал в Томск, Советником Губ. Правления, заведовал экспедицией о ссыльных, а потом ушел в отставку и занимался частными постройками. “Кто любил хорошо и солидно строиться, говорит Евтропов, без Деева дело не обходилось”. По этим же соображениям и Комитет по постройке Троицкого Кафедрального Собора пригласил Деева и поручил ему руководство постройкой, к которой он и приступил с 1844 г.

Асташевский дом в 1878 г. был продан сыном Асташева Вениамином за 80 000 рублей духовному ведомству для жительства Томских архиереев и помещения консистории. Дело по покупке этого дома тянулось с 1872 г., когда полковник Асташев назначил за него цену в 200 тысяч рублей. Преосвященный Петр втихомолку выторговал половину, а когда переписка перешла в Синод, последнему удалось выторговать еще 20 тысяч руб. Эта сделка вызвала немало неудовольствий в городе и раздражения против архиерея, так как на Асташевский дом некоторые из богачей имели свои виды, до такой степени всем нравился этот дом и его местоположение.

В этом-то доме Асташев и жил важным барином, устраивая постоянные приемы важных особ и лиц избранного круга и соблюдая этикет. Он не спускался до кутежей и оргий, какими отличались Горохов и др. Раньше, когда у Асташева еще развивалось дело, в 40-50-х годах, он часто уезжал в Петербург и заживался там подолгу, годами, если нужно было обделать дело, в последнее же десятилетие его жизни он безвыездно жил в Томске. Упомянутый не раз Евтропов говорит про жизнь Асташева в Томске и его значение: “Пока он был жив, в городе чувствовалось везде какое-то неотразимое магическое влияние. В известных сферах нередко можно слышать слова: “Что скажет Иван Дмитриевич”, “как взглянет Ив. Дм.”, “одобрит ли Ив. Дм.” и т.п. В делах и предприятиях все деловые люди прислушивались к его голосу, сообразовывались с его взглядами и мнениями. Так велико было в последние

годы обаяние личности Асташева среди чиновников, граждан и даже духовенства в г. Томске”³⁷.

И не мудрено, потому что Асташев был искусившийся, изощренный опытом делец, зорко выслеживавший свою добычу, опасный соперник для так называемых “широких натур”. И то обаяние, о котором говорит Евтропов, нужно понимать только с этой точки зрения и весьма условно, как обаяние “дельца” и шуки, опасной для дремлющих карасей. Что это было обаяние особого рода, доказывает появившийся о нем в Томске роман-пасквиль под заглавием “Один-две”. Асташев скупил ненавистное ему издание и сжег.

Асташев умер в 1869 г., на 73 году.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВЛАСТИ

Старое время характеризуется грубостью нравов, элементарностью понятий о праве, о нравственности, о человеческом достоинстве, о взаимоотношениях между людьми разных рангов и сословий.

На фоне этих нравов и понятий люди, олицетворявшие власть, становились особенно выпуклыми. Произвол, злоупотребления, проявление низменных инстинктов были характерными чертами жизни и деятельности представителей власти старого времени. Особенно резко эти черты выступали в глухой и далекой от центров управления Сибири, история которой испещрена подвигами этих людей, их безграничным произволом...

Лучше всего характеризуется это явление лаконическим изречением Камчатского управителя Коха: “На небе Бог, а на Камчатке Кох”.

Томск за свое трехсотлетнее существование имеет целую галерею таких представителей власти, деяния которых хранятся под спудом архивов, как материал для будущих историков. А такие имена, как Лерхе, Шершпинский, Любимов, Дергачев, вероятно, не исчезли еще из памяти глубоких стариков,

³⁷ “История Троицкого Кафедр. Собора”. Стр. 81.

старожилов Томска. По воспоминаниям этих живых архивов я и попытаюсь воспроизвести кое-что.

ЛЕРХЕ И ШЕРШПИНСКИЙ

В начале шестидесятых годов прошлого столетия губернатором в Томске был назначен Г. Г. Лерхе, молодой правовед, лет 26-7, очень красивый человек. Как-то, приехав в Петербург, он встретился там, в одном фешенебельном публичном доме, с директором Сибирского Комитета министерства внутр. дел Бутковым. Разговорились. Молодой губернатор стал жаловаться на недостаток дельных людей, ловких и энергичных сотрудников. Бутков порекомендовал ему, между прочим, Шершпинского, содержателя того публичного дома, в котором они находились. Лерхе внял доброму совету и назначил Шершпинского Томским полицмейстером. И был им доволен чрезвычайно за его ловкость и энергию. Для такого ненасытного любителя женского тела, каким был Лерхе, новый полицмейстер оказался слишком умелым поставщиком постоянно свежего и разнообразного товара. Доставлялись не только взрослые мещанские девицы и купеческие жены, а и гимназистки, даже девочки-подростки. В то же время в городе началось воровство, постепенно усилившееся и перешедшее в грабежи. По улицам появились грабители в кошовках и стали крючьями стаскивать шубы и платье с прохожих, выворачивать карманы. В октябре или ноябре 1864 г., в течение только одного месяца было ограблено около 40 лошадей у водозовов. Жители стали выходить на улицу по вечерам не иначе как с оружием, у кого какое находилось - с пистолетами, топорами, кухонными ножами, дубинами и т.п. Сама администрация оказалась вынужденной организовать патрули из солдат по улицам. Дело дошло до того, что по вечерам уже не решались выходить из домов, крепко запираясь. По окраинам города каждую ночь раздавалась стрельба, слышались крики “караул” и т.п.

Когда прошла паника, первоначально всех охватившая, и воротилось сознание, раздраженное общество начало искать выхода из положения - полетели доносы, жалобы генерал-губернатору в Омск, с объяснениями и рассказами о происходивших в Томске событиях и их виновниках. От Дюгамеля, бывшего в то время генерал-губернатором, стали поступать запросы

к губернатору. Лерхе забеспокоился. Чтоб сколько-нибудь обезопасить себя от нападений со стороны представителя высшей в крае власти, он обратился к городскому голове Тецкову с просьбой избрать его почетным гражданином Томска за введение им в городе порядка. Тецков созвал Думу и внес на ее обсуждение этот вопрос. После долгих и горячих прений это бурное заседание кончилось тем, что вопрос был провален - большинством голосов вынесено отрицательное решение. После заседания, когда весть об этом разнеслась по городу и дошла куда следует, одного из гласных, Федора Акулова, больше всех других горячившегося на заседании и способствовавшего провалу, подвергают аресту и сажают в тюрьму. Тецков собирает новое заседание Думы, но на этот раз разослав повестки только избранным гласным, на покладливость которых можно было положиться. В это заседание у города родился новый почетный гражданин. Избрание это, впрочем, делу не помогло. Так как в городе продолжали твориться прежние безобразия, дававшие постоянно новый материал для жалоб, то и в Омск поступали все новые и новые донесения, с прямыми указаниями на Шершпинского, как главного виновника всех краж и грабежей в городе, как прямого их соучастника. Но Лерхе, в ответ на запросы к нему и предложения удалить Шершпинского, ни за что не хотел с ним расстаться и постоянно его отстаивал...

Случилось, все-таки, что и сам Лерхе через меру зарвался. Заметив как-то на улице понравившуюся ему девочку-подростка, Лерхе приказал доставить ее к нему. Желание было исполнено. Возмущенные родители подали жалобу, доведенную до сведения прокурора Гусева.

Гусев этот, родной брат переводчика "Космоса" Гумбольта, между прочим был знаком с не раз упомянутым выше Ананьиним, от которого мог ближе познакомиться с тем, что происходило в недрах Томска. Он написал об изнасиловании девочки временному заместителю Дюгамеля, Семипалатинскому Губернатору Панову.

Местное предание рассказывает еще один эпизод из Лерхевских походов. Очень настойчиво он ухаживал за одной видной местной купчихой, желая овладеть ею, что, может быть, при нравах того времени, и не представляло бы чего-либо невероятного. Но муж этой купчихи, раздраженный покушениями на его жену со стороны Лерхе, как-то зазвал его к себе на обед и, при помощи своих молодцов, выпорол его на конюшне. Конечно, это только

предание и подтвердить его могли бы только достоверные свидетели, но никого из них в живых уже давно нет.

Панов, получив от Гусева письмо, послал в Томск чиновника особых поручений Лещова для производства дознания и следствия. Лещов приехал в Томск, сохраняя в строжайшей тайне цель своего приезда сюда. Когда его знакомые чиновники спрашивали, зачем он приехал, он отвечал, что ему хотелось повидаться со своей родственницей, Екатериной Ивановной Капустиной (урожденной Менделеевой, “святой женщиной”, упомянутой выше), которая тогда жила в Томске. Успокоив встревоженное любопытство, Лещов, при содействии Гусева, повидался с девочкой и ее отцом и удостоверился как в факте преступления, так и в обстановке, в какой он свершился. Тогда он явился к Лерхе, познакомил его с предписанием генерал-губернатора, объяснявшим цель его приезда в Томск, и потребовал устранения от должности полицмейстера Шершпинского. Лерхе наотрез отказался исполнить это требование, объявив, что он не может оскорблять подобными подозрениями своих подчиненных. Лещов донес генерал-губернатору о положении дел и сделал заключение, что при таких условиях он не видит для себя возможности продолжать производство дознания. Результаты энергического представления Лещова не замедлили обнаружиться. Лерхе скоро получил эстафету от генерал-губернатора с приказом об удалении Шершпинского, после чего следствие быстро двинулось вперед и раскрыло всю трагедию, какую переживал Томск.

Тут же выяснилось, что Шершпинский никто иной, как беглокаторжный, ловко маскировавший свое прошлое.

Когда следствие уже подходило к концу, и все существенное было установлено, Лерхе помчался в Омск просить как-нибудь замять это из ряда вон грязное дело.

Рассказывают, что Лерхе до того был жалок и унижен, что стоял перед Пановым на коленях, плакал и умолял не погубить его, пока тот ругал его. Любопытно, что Панов ругал Лерхе не за то, что он лишил невинности десяток или больше девственниц, а за то, что он ослушался его приказа, за то, что не уволил Шершпинского. Рассказывают также, что после бани, какую ему задал Панов, Лерхе выскочил от него красный, подал руку курьеру или кому-то в этом роде.

Дело это было до такой степени грязное, так шокировало всю администрацию края, что ему не дали никакого движения и лишь уволили в отставку Лерхе вместе с достойным его сподвижником.

Рассказанный эпизод был описан Ядринцевым в “Искре”, где Лерхе был выведен им под фамилией Жаворонкова (немецк. Lerche - жаворонок).

К ЧИТАТЕЛЮ

(Послесловие)

Теперь, когда читатель пробежал кусочки, беспорядочно выхваченные мною из далекого и близкого прошлого Томска, я думаю, что он получил, все-таки, известное удовольствие от прочитанного; он узнал немало для него нового, о чем ему не приходилось ни читать, ни слышать рассказов, а если в ином кусочке он и не нашел ничего для себя нового, то вызвал в своей памяти образы давно забытого прошлого и с такими подробностями, которых у меня нет и которым читатель до этого не придавал никакого значения.

Но так уж человек устроен, - он ничем не бывает сполна удовлетворен. Не ставил и я перед собою такой задачи - сполна удовлетворить читателя; это - неразрешимая задача и, по-моему, она должна оставаться такой, ибо прогресс в том и везде состоит, чтоб вечно желать, стремиться и добиваться лучшего. Плохо, когда человек остается всем доволен. Не в этом отношении я опасюсь недовольства моего читателя. Я опасюсь его упрека в том, что я совсем обошел молчанием многие предметы и явления из жизни Томска, более важные и интересные, чем те, о каких я говорил; что изложенное мною страдает существенными пробелами или ошибками, или неправильным освещением и т.п. Эти упреки я принимаю и впредь заявляю о своей готовности признать их заслуженными, как только они будут мне указаны и доказаны. Я знаю, что, например, церкви и монастыри Томска, помимо интересной истории их в прошлом, заключают в себе (по крайней мере, некоторые из них) весьма ценные предметы глубокой старины, о которых очень и очень следовало бы рассказать; знаю, что среди строителей жизни нашего города и участников ее из разных слоев было немало почтенных и характерных личностей, которым нужно отвести свое определенное место в Томской Старине; знаю, что мимо таких,

наприм., характерных в свое время для местной жизни явлений, как “войнишки” и кулачные бои, нельзя пройти; знаю все это и, все-таки, я не остановился на этом характерном, или потому, что в моем распоряжении не оказалось необходимого материала, или потому, что не было необходимого досуга.

Я должен указать еще требовательному читателю, до какой степени бытописатель должен быть щепетилен при разборе с материалом, до какой степени трудно добывается какая-нибудь подробность, которой никак нельзя опустить. В том немногом, что я дал читателю, мне пришлось не раз тратить много времени на добывание этих подробностей. Расскажу об одной из них. Когда умер Н. И. Наумов? Нельзя было, давая набросок об этом писателе-сибиряке, долго жившем и скончавшемся в Томске, не ответить на этот вопрос. Переспросил об этом многих знакомых Наумова, живших в момент его смерти в Томске, - никто не помнит; сказали только, что в день похорон был трескучий мороз и что о дне смерти хорошо должен знать какой-то профессор, близкий знакомый Наумова. Отправился я за справкой к профессору. Порылся он в своей записной книжке и сказал мне номер газеты, в которой напечатан некролог Наумова. “А за какой год”, спрашиваю, “это напечатано”. - “Ну вот этого я уже не помню”, был ответ. От профессора я, все-таки, узнал, что Наумов похоронен на кладбище женского монастыря и что на могильном кресте есть дата его смерти. Не близкий конец, но пошел на кладбище. Оно оказалось заваленным сугробами снега, среди которых где-то проложены дорожки. Исходил их все, пробирался к некоторым памятникам, сам прокладывая дорогу и утопая по колена в снегу - не нашел. Вымок весь и от снега и от пота, и, ворча про себя на монастырскую администрацию, получающую бешеные деньги за право быть погребенным на ее земле и не научившуюся обязанности прилично содержать место ее дорогих покойников, пошел к монахиням разузнать, где могила Наумова. Нашел-таки одну белицу, которая сказала, что знает могилу. Взяв лопату, повела меня на “профессорский” участок и указала на верхушку одного креста. Кругом лежали нетронутые сугробы в два аршина высотой. Рассчитав, с какого места ближе всего прорыть дорожку к кресту, я принялся за работу и начал лопатой прорезать траншею. Наконец, я у цели. Очищаю снег от креста и его подножия, на котором, по указанию белицы, и нахордится нужная мне надпись и читаю:... “Тимофеевский”... “Ах, извините, я смешала”, говорит мой сконфуженный чичероне. Пока она размышляла, какой именно крест

относится к могиле Наумова, я, стоя в глубине вырытого тупика и осматривая видные с места надписи на соседних крестах, прочитал несколько слов надписи, сквозившей из-под листьев металлического венка на могиле Наумова и только тогда подобрался к ней и списал то, что мне было нужно. Но читателю я могу сказать, что нечто подобное мне приходилось претерпеть и при составлении других набросков. Рассказываю об этом для того, чтобы смягчить сердце читателя в тех случаях, когда он встретится с досадной ошибкой или пробелом у меня и просить его вместо упрека сообщить мне дополнительные сведения, указать ошибку и дать поправку. Я бы очень желал, чтоб мой читатель проникся сознанием, что предпринятая мною работа, интересная и важная, есть общая наша работа, которая будет сделана тем полнее и интереснее, чем большее число лиц примет в ней участие.

Не дальше, как на днях, когда моя работа была уже закончена и в значительной ее части набрана, я узнал об одном интересном эпизоде в жизни Томска, отмеченном целой серией талантливых карикатур. Спасти их от забвения стоит, а между тем они близки не только к забвению, а и к гибели, так как они никогда не были издаваемы, да и автор их давно умер.

Автор карикатур П. И. Кытманов, енисеец. В первой половине девяностых годов он, тогда уже ветеринарный врач, вступил в число студентов Томского Университета. Кажется, в самый момент его вступления в Университет, в конце 1892 г. разыгралась история в Обществе естествоиспытателей и врачей при Университете, наделавшая большого шума в Томске. Эту-то историю П. И. Кытманов и изобразил в карикатурах, набросав их что-то около трех дюжин. Карикатуры ходили по рукам, фотографировались, а с течением времени застряли по разным местам и, может быть, затерялись и, наконец, позабылись. Заинтересованные лица - одни умерли, как и сам автор этих карикатур, другие разъехались по разным местам и весь этот материал стал, таким образом, достоянием одной истории, но достоянием весьма непрочным и ненадежным, так как он живет лишь в памяти современников. Я не видел серии этих карикатур и если говорю здесь об этом, то с единственной целью спасти их от забвения, как и имя самого автора их, который мало кому известен вообще, а как карикатуриста его знали разве только в кругу его родных. Но что он обладал дарованием, в этом можно не сомневаться, по

крайней мере, судя по содержанию одной из карикатур, о которой мне рассказали.

Карикатура отвечает на вопрос: “Отчего кухня дымит?”, т.е. “сибирская кухня просвещения”. Рисунок изображает здание Университета, из всех щелей, окон и дверей которого дым валом валит, а на верхушке трубы над крышей, плотно закрыв ее отверстие, сидит В. М. Флоринский, первый попечитель просвещения и первый же председатель Общества естествоиспытателей и врачей.

Не правда ли, как остроумно и метко карикатурист характеризовал положение вещей, имевшее место двадцать лет назад и как свежа характеристика и для современного состояния нашей “кухни”.

А. В. Адрианов.